СЧЕТ ИДЕТ НА МИНУТЫ

г. Свердловск

02

СЧЕТ ИДЕТ НА МИНУТЫ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1979

67.99(2)116.1
С93

Составитель
Л. ГРЕЧНЕВА

Счет идет на минуты / Сост. Л. Гречнева.—
С93 М.: Политиздат, 1979.— 192 с.

Ежечасная готовность к подвигу — профессиональная черта дозорных порядка на транспортных магистралях страны. Защита народного достояния, охрана покоя пассажиров требуют постоянной зоркости, решимости броситься на выручку попавшему в беду, в самой опасной ситуации действовать уверенно и хладнокровно.

Все очерки сборника воспринимаются как захватывающее повествование о мужестве, самоотверженности, доброте. Авторы сборника — известные советские журналисты.

Книга рассчитана на массового читателя.

С $\frac{11002-170}{079(02)-79}$ Заказ «Союзкниги» 0802010203 67.99(2)116.1
34С33

Заведующая редакцией *А. Т. Шаповалова*
Редактор *И. В. Мамаладзе*
Младшие редакторы *Н. М. Жилина, Л. В. Масленникова*
Художник *Н. С. Филиппов*
Художественный редактор *В. А. Тогобицкий*
Технический редактор *О. М. Лыгина*

ИБ № 10
Сдано в набор 01.02.79. Подписано в печать 10.05.79. А00355. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Бумага типографская № 1. Гарнитура «Литературная». Печать офсетная. Условн. печ. л. 10,08. Учетно-изд. л. 10,13. Тираж 100 тыс. экз. Заказ № 3614. Цена 45 коп.

Политиздат. 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий».
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

Заместитель министра
внутренних дел СССР
генерал-лейтенант
внутренней службы
К. И. НИКИТИН

О тех, кто бережет вас в пути

Каждый из нас видит стремительное возрастание роли транспорта в жизни общества. Дорога с ее калейдоскопом неожиданных встреч, новых впечатлений все чаще вторгается в наши судьбы, становится неотъемлемой частью повседневного бытия. Ежегодно в нашей стране перевозится свыше трех миллиардов пассажиров — а это численность населения почти всей планеты.

И если прежде любое дальнее путешествие воспринималось как беспокойное, сложное дело, то теперь, входя в вагон поезда, салон воздушного лайнера или на палубу теплохода, каждый из нас рассчитывает на удобный, спокойный отдых, на радость общения с попутчиками, на обилие незабываемых впечатлений.

Только от перронов московских вокзалов ежедневно отходит триста поездов дальнего следования. Одни лишь электропоезда каждые двадцать четыре часа перевозят по стране восемь миллионов пассажиров.

Сеть воздушных, земных и водных трасс на карте нашей Родины с каждым годом становится все гуще. Вступают в строй первые очереди дороги века — Байкало-Амурской магистрали. Только за годы десятой пятилетки протяженность железнодорожных линий увеличилась еще на три тысячи километров.

Вошли в привычный обиход скоростные поезда, сверхзвуковые лайнеры, корабли на

подводных крыльях, развивающие скорость, которая еще совсем недавно казалась фантастической.

На долю нашей страны падает больше половины мирового грузооборота. В этом пятилетии пропускная способность нашего железнодорожного транспорта значительно возрастет — благодаря автоблокировке и диспетчерской централизации стальных магистралей, их электрификации, прокладке вторых путей на самых загруженных направлениях, а также пуску новых мощных тепловозов и электровозов.

От своевременной доставки сырья, строительных материалов, промышленной продукции, товаров народного потребления во многом зависит не только высокий деловой ритм жизни страны, но и благосостояние и настроение миллионов советских людей.

Обеспечить в этих условиях безопасность пассажиров, сохранность грузов, не допустить случаев любого нарушения общественного порядка в пути следования— дело большой государственной важности. Выполнение этой почетной и ответственной задачи возложено на сотрудников транспортной милиции, несущих дозор на всех магистралях совместно с работниками транспорта.

За шесть десятилетий своего существования транспортная милиция показала себя верной защитницей порядка и законности.

Основу ее героических и гуманных традиций заложили представители железной ленинской гвардии, участники Великой Октябрьской революции, направленные партией на охрану железных дорог в самое тяжелое для молодой республики время, когда она один на один боролась с интервентами и внутренней контрреволюцией, голодом, разрухой, бандитизмом.

Советские люди и поныне бережно хранят память о тех, кто встал на их защиту в ту лихую годину на разрушенных дорогах страны.

Именем члена РСДРП, одного из организаторов милиции на транспорте Украины, Ивана Гавриловича Сиворонова, героически погибшего в схватке с петлюровскими головорезами на железнодорожных путях, названа улица в Днепропетровске. В этом городе и поныне живет его сын коммунист Яков Иванович Сиворонов, принявший из рук отца эстафету службы в транспортной милиции, командир партизанского соединения «Грозный», бесстрашно действовавшего на степных просторах Украины в годы Великой Отечест-

венной войны. Рассказом о династии Сивороновых открывается этот сборник, посвященный часовым порядка на транспортных магистралях страны.

Почти двадцать лет был сотрудником транспортной милиции участник штурма Зимнего, разгрома Юденича под Петроградом и Врангеля на Южном фронте большевик Дмитрий Анисимович Жуковец. Родина высоко оценила его труд, наградив орденом Ленина, орденами Красного Знамени, Красной Звезды и другими наградами.

Вместе с профессиональной закалкой люди, пришедшие в транспортную милицию, постоянно обретают те нравственные качества, без которых работать здесь нельзя. Ведь транспорт сам по себе — источник повышенной опасности. Любые нарушения строгого режима работы отдельных звеньев транспортного организма могут обернуться бедствиями и жертвами.

Что бы ни случилось в пути, пульс железнодорожных, воздушных и водных артерий замереть не может. Даже небольшая задержка в дороге того или иного состава вызывает цепную реакцию нарушения графика поездов, следующих по этой линии, влечет за собой экономические потери. Значит, любое нарушение режима работы транспорта должно устраняться оперативно. Каждая минута промедления в дороге усложняет розыск и привлечение к ответственности правонарушителей.

Работа в этих условиях требует от хранителей порядка наблюдательности, собранности, решимости броситься на выручку попавшему в беду, в самой неожиданной и опасной ситуации действовать уверенно и хладнокровно.

Эти качества, воспитанные традициями службы милиции на транспорте, проявились с особой полнотой в дни великих испытаний, когда над Родиной нависла смертельная опасность.

О коллективном героическом подвиге сотрудников линейного отделения милиции на станции Брест-Центральный в первый день Великой Отечественной войны рассказывает в этой книге документальная повесть, созданная в итоге многолетнего исследования и встреч с очевидцами событий, проживающими ныне в разных городах страны.

Бессмертный подвиг защитников Брестского вокзала — лишь одна из страниц летописи героизма,

проявленного работниками транспортной милиции в борьбе с фашизмом.

На станции Вязьма установлена мемориальная доска, где золотом высечены слова о подвиге партизанских отрядов, организованных Смоленским обкомом партии в августе — сентябре 1941 года. Командиром одного из них стал Герой Советского Союза Константин Заслонов, другого — Михаил Антоненков, начальник линейного отдела милиции на станции Смоленск-Центральный. За бесстрашие и боевые действия отряда в тылу врага Михаил Владимирович Антоненков, возглавивший после войны дорожный отдел милиции в Смоленске, был награжден орденом Ленина, тремя орденами Красного Знамени.

Звание Героя Советского Союза посмертно присвоено милиционеру линейного отдела на станции Горький Владимиру Васильевичу Васильеву, добровольно ушедшему на фронт в первые дни войны и ценою жизни обеспечившему успех своим однополчанам во время Висло-Одерской операции.

Старшина милиции Петр Васильевич Алтухов, несущий ныне службу на станции Волгоград, с первого и до последнего дня сталинградской эпопеи находился в рядах славных защитников города, участвовал в пленении штаба фельдмаршала Паулюса. Его мужество в боях с фашистами отмечено орденом Красной Звезды, двумя медалями «За отвагу» и другими наградами Родины. Вторым орденом — «Знак Почета» ветеран войны награжден за мужественное несение службы по охране спокойствия города-героя.

Память о героях Великой Отечественной войны, сотрудниках транспортной милиции как боевое знамя передают ветераны своей молодой смене.

Работа в транспортной милиции — это всегда серьезное испытание на прочность закалки человека, которое выдерживает далеко не каждый. И дело тут не только в профессиональной опытности, быстроте реакции, физической выносливости. Хотя без этого милиционеру никак нельзя. Часовому порядка в дороге не день, не месяц — год за годом приходится оттачивать зоркость, интуицию, чтобы среди сотен мелькающих перед его глазами пассажиров разглядеть затаившегося преступника. И эта постоянная готовность встретиться с ним лицом к лицу в людях неуверенных может обернуться подозрительностью, а без доверия, без

доброты работать в милиции невозможно. Специфические качества дозорных порядка на транспорте сложны, их надо кропотливо воспитывать в каждом сотруднике.

Владимир Гейштов пришел в линейное отделение милиции на станции Черемхово Восточно-Сибирской железной дороги рядовым милиционером по путевке горкома комсомола. В этой беспокойной работе он нашел свое призвание. Страстную увлеченность делом, непримиримость ко всякого рода нарушениям общественного спокойствия он сумел передать десяткам подростков, ставших его верными и вездесущими помощниками. Гейштов прожил короткую жизнь. Он погиб в неравной схватке с преступниками, которых пытался остановить, возвращаясь поздно ночью домой после дежурства. По ходатайству жителей города Черемхово улица, где жил Владимир Гейштов, названа теперь его именем. Место героя-комсомольца в строю защитников общественного порядка заняли его воспитанники.

Именем старшины линейного отдела милиции станции Великие Луки Ивана Бабахина, заслонившего собой пассажиров от пуль преступников, названа улица в городе Новосокольники Псковской области.

Старшина милиции на станции Кривой Рог Иван Акимович Доброгорский, не раздумывая, бросился под колеса поезда, чтобы спасти женщину с ребенком. Его именем назван самый красивый сквер в городе Пятихатки. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1964 года Иван Акимович Доброгорский посмертно награжден вторым орденом Красной Звезды — первый он получил за бесстрашие в боях с фашистами.

Благодаря всенародной помощи милиции правонарушения на транспорте ныне случаются все реже, несмотря на растущую из года в год численность пассажиров. Все это создало возможность концентрировать внимание сотрудников транспортной милиции на выполнении гуманной функции, свойственной органам охраны общественного порядка в нашей стране,— на предупреждении антиобщественных поступков и оказании всемерной помощи пассажирам, которая подчас бывает так необходима в пути.

Самоотверженность при исполнении долга для работников транспортной милиции не исключение — норма поведения.

ЛИДИЯ КУЛИКОВА

Сивороновы

Встреча с Иваном Сивороновым

Огненные гвоздики — у подножия скульптурной группы героев Революции, охранявших по велению ленинской партии Екатерининскую железную дорогу в самые тяжкие для молодой Советской республики годы. Эти годы высечены на серой мраморной стеле: «1917—1919». 1919 — год героической гибели всего отряда под Лозовой в схватке с петлюровцами, когда до полного освобождения Екатеринослава, нынешнего Днепропетровска, оставалась одна неделя...

Комиссара, слесаря Екатеринославских вагоноремонтных мастерских, звали Иваном Гавриловичем Сивороновым. Он захоронен здесь, под гранитными плитами, вместе со своими боевыми товарищами.

Улица, где родился и жил Иван Гаврилович, в двух шагах отсюда. Там в предвечерней тишине замерли пирамидальные тополя, шелковицы, белые акации. Воздух пропитан дыханием осенних костров, ароматом спелых яблок, горечью привядшей листвы.

На стене у крайнего приземистого домика в три окна — мемориальная доска, где значится, что Иван Гаврилович Сиворонов, один из активных участников революции, был членом Российской социал-демократической рабочей партии с 1905 года...

Скрипнула калитка, и на улице появился пожилой человек, по всему — хозяин дома, улыбнулся приветливо:

— Доброго здоровьячка! Будьте гостем!

Узнав, чем интересуюсь, кивнул на дом:

— От тут родывся и жыв Иван Гаврилович, тутечкы з Лизою, справыв весилля [1]. Тут и диткы народылыся. Ну а потим, як говорыв мени батько, перебралысь воны з Лизою в теплушку. Их вулыцею стала вся зализныця.— И, видно усомнившись, поняла ли, пояснил: — Железная дорога, значит... Та вы побувайте в музеи транспортной милиции. Там тепер його сын Якив Иваныч заправляе.

Встреча с Яковом Сивороновым

Небольшой музей в трех минутах ходьбы от вокзала.

Якова Ивановича в музее не оказалось — был болен. Вместо него меня радушно встретил Сергей Павлович Костин, коммунист, подполковник милиции в отставке, вместе с Яковом Ивановичем создававший этот первый в стране музей транспортной милиции.

Музей и вправду на редкость интересный. Каждый экспонат — увлекательная страница летописи мужества дозорных порядка на Приднепровской железной дороге.

Молодое пополнение транспортной милиции приобщается здесь к ее славным традициям, принимает присягу. В музее ветераны встречаются с дружинниками, молодыми рабочими предприятий города, многие после таких посещений становятся незаменимыми помощниками в охране порядка на железной дороге. Тут проводятся уроки мужества для школьников. И что примечательно — не было случая, чтобы ребята после таких посещений совершили проступок на транспортных магистралях.

Многих из тех, память о которых хранит музей, Сергей Павлович знает не понаслышке — работал с ними рядом, у некоторых учился, кого-то учил сам. Шутка ли сказать — почти четыре десятилетия на транспорте! Рассказывая о товарищах, он молодеет на глазах. И, только когда мой экскурсовод умолкает, вдруг спохватываюсь, что ничего не узнала о Сивороновых.

Еще раз дотошно осматриваю экспозицию: так и есть — почти ничего! Скромность — черта похвальная,

[1] Весилля — свадьба (укр.)

но, оказывается, не всегда. Мне скромность создателя музея — Якова Ивановича Сиворонова — ничего, кроме огорчения, не принесла. Тем более обидно, что в годы Великой Отечественной войны он был командиром партизанского соединения «Грозный», которое бесстрашно действовало сначала на территории Ворошиловградской и затем Житомирской областей.

Это потом, после кропотливого розыска, удалось выяснить в архиве Института истории партии ЦК КП Украины, где хранится официальное заключение о деятельности самого крупного в Донбассе партизанского соединения «Грозный», руководимого Яковом Ивановичем Сивороновым, что в отрядах соединения насчитывалось сто тридцать пять коммунистов, сорок пять комсомольцев. С 13 июня 1942 года по 11 ноября 1943 года партизаны соединения пустили под откос двадцать шесть эшелонов с танками, автомашинами, горючим, продовольствием и живой силой противника, истребили более двух тысяч фашистов, свыше ста полицейских, взорвали семь железнодорожных и шоссейных мостов, уничтожили двенадцать километров телефонно-телеграфного кабеля, взяли много боевых трофеев. Яков Иванович Сиворонов навечно избран Почетным гражданином города Кременная, входившего в зону действия соединения.

Жить вместе — и умирать рядом...

И все же постепенно бесстрастные документы благодаря помощи Сергея Павловича заговорили, и я узнала о жизни Ивана Гавриловича и его сына.

Семья Ивана Сиворонова кочевала вместе с ним по всей Екатерининской железной дороге. Его жена, Лиза, маленькая, хрупкая и, как в песне поется, «с косами до пояса», с первых дней замужества стала верной, на редкость бесстрашной помощницей мужа в выполнении заданий партийного подполья. Вместе с ним перевозила и распространяла тоненькие листы ленинской «Искры», хранила революционную литературу, в канун забастовок целыми днями пропадала среди женщин в мастерских. Успевая при этом обихаживать и дом и детей. А их к 1917 году у Сивороновых было уже трое — мал мала меньше.

После установления Советской власти забот у Ивана Гавриловича прибавилось. Когда он однажды объя-

вил жене, что революционный штаб посылает его комиссаром специального поезда для борьбы с контрреволюцией на железной дороге, она, не обмолвившись словом, сноровисто стала собирать ребячью одежонку.

— Ты куда, Лизок, на ночь глядя?

— Как куда? Ведомое дело — с тобой! А то кто же стряпать да обстирывать вас будет? Ну кто?..

Муж попробовал было возразить, но где там. Лиза и выговорить не дала, обвила шею руками, прижалась горячей щекой к его сразу подобревшему лицу:

— И думать не смей, Иванушка! Жить вместе — и умирать рядом!

Жили Сивороновы в теплушке, отделенные ситцевой занавеской от остального вагона, где на полу на свежем, пахучем сене вповалку спали красногвардейцы, свободные от дежурства.

Израненный в частых сражениях бронепоезд, как его гордо именовали красногвардейцы, хотя ни одного бронированного вагона не было — были только пять платформ и две теплушки, приспособленные на скорую руку для ведения боя,— на всех парах мчался по первому сигналу бедствия. Днем и ночью. Там, где людям приходилось лихо.

В самый канун нового, 1918 года красногвардейцы под командованием председателя революционного штаба охраны Екатерининской железной дороги Гаврилы Николаевича Баглея, именем которого названа ныне крупная станция в Приднепровье, вместе с рабочими паровозных и вагонных мастерских наголову разбили петлюровцев на путях у вокзала.

А четыре дня спустя после этого железнодорожные отряды Красной Гвардии разоружили и взяли в плен на станции Сухачевка полтысячи гайдамаков.

Стоило затихнуть бою на одном участке дороги, как поступало тревожное сообщение о расправе, учиненной белогвардейцами или просто грабителями на другой станции. И вновь колеса отсчитывали километры навстречу опасности.

Обстановка день ото дня становилась тревожнее. С запада наступали немецко-австрийские оккупанты, с востока двигались казаки генерала Каледина. Екатеринославские большевики вместе с николаевскими, одесскими, херсонскими красногвардейцами сражались на станциях Знаменка — Херсон — Долинская — Пятихатки — Никополь — Верховцево.

Утром 6 марта по всей Екатерининской дороге были приняты телеграммы за подписью Г. Н. Баглея о введении военного положения на всех ее участках. «Изменников революции,— значилось в телеграмме,— грабителей и воров расстреливать на месте без суда...»

Когда немецко-австрийским войскам вкупе с местными националистами все-таки удалось захватить почти всю Екатерининскую дорогу, летучий поезд красногвардейцев при поддержке железнодорожников продолжал наносить врагу ощутимый урон, всегда неожиданно появляясь там, где его ждали меньше всего.

Для часовых дороги наступил долгожданный час. С середины ноября 1918 года части Красной Армии начали победное наступление, повсеместно поддержанное восстаниями населения против захватчиков и гетманщины.

Бои не затихали ни днем, ни ночью. Силы давала победа, которая брезжила уже где-то на ближних перегонах. И отряд Ивана Сиворонова торопил ее приход...

«Жаворонок ты мой весенний»

Однажды Яков Иванович рассказал Сергею Павловичу то немногое, что запало в душу от тех горячих, неспокойных дней. Он был старшим среди ребят в семье — брат с сестренкой, тогда еще совсем малявки, ничего не смыслили. А ему и поныне нет-нет да слышатся песни матери, которые она пела детям под стук колес. Яков замирал. Казалось, стоит только выпрыгнуть из вагона, как песня сама подхватит и унесет его к звездам, в синюю глубину теплого неба.

— Жаворонок ты мой весенний,— говорил отец.— На сцене бы тебе петь. Вот погоди, Лизок, прогоним контру, поведу тебя в театр, пусть там послушают твой голос...

Мать молчала, но глаза у нее горели, как светлячки.

Только не выполнил Иван Сиворонов своего обещания. Не успел. В январские дни 1919 года, когда Красная Армия была уже на подступах к Екатеринославу, в горячей схватке с петлюровцами его зарубили на железнодорожном полотне. Вместе с товарищами. Врагов была тьма, а красногвардейцев оставалось

наперечет. Да и те еле держались на ногах, почти всех перебрал тиф. Лиза, ребятишки Сиворонова метались в жару.

До сих пор Якову Ивановичу иногда по ночам чудится страшный крик матери, когда, внезапно почуяв беду, она очнулась от беспамятства, выскочила из теплушки и тут же, как подкошенная, упала на кровавый снег...

Больше Яков не помнил ничего. Метавшихся в жару детей местные жители перенесли в тифозный барак. И дети на долгие годы потеряли друг друга. Когда мальчишка встал на ноги после болезни, его определили в детский дом...

Сергей Павлович замолкает и разводит руками:

— Вот, пожалуй, все, чем могу помочь. Яков Иванович о себе толковать не любит. Сколько раз говорил ему, чтобы написал для музея хоть коротко о делах партизанских. Да что толку! Все ему некогда. Вам к сыну Якова Ивановича надо заглянуть. Он же у нас в линейном отделении на станции Нижнеднепровск-узел работает. Там, где последние годы до выхода на пенсию служил и сам Яков Иванович.

И вот что еще: побывайте у начальника нашего управления транспортной милиции Виктора Терентьевича Гладкого. Он ведь у Якова Ивановича ровно как сын. Сиворонов принимал его на работу, был, можно сказать, его главным наставником.

Знакомство с Яковом Ивановичем продолжается

Встречи с начальником управления транспортной милиции Приднепровской железной дороги помогли мне понять, что талант общения не дар, полученный от рождения, а благоприобретенное свойство, которое зиждется на искреннем уважении к людям, на умении слушать их с неослабевающим интересом, понимать с полуслова и держаться при этом естественно, без малейшей рисовки.

О Якове Ивановиче Гладкий говорит как об очень дорогом человеке. Да, пожалуй, никто и не знает Сиворонова так, как знает он. Минуло почти четверть века с того майского дня, когда с направлением областного комитета партии он пришел к Сиворонову, начальнику политотдела милиции на Приднепровской железной дороге, помощником по комсомолу.

За спиной вчерашнего инструктора Днепропетровского горкома комсомола были и нелегкое детство в многодетной семье, где он был старшим, значит, в ответе за всех, и огненные версты фронтовых дорог от Калинина до Пилау, по которым он прошел шестнадцатилетним, и немалый стаж комсомольской работы. И все же к моменту встречи с Яковом Ивановичем он был еще очень молод. И не было опыта милицейской службы на транспорте. И не было юридического образования. И еще не было многих других обязательных профессиональных качеств, которые, когда понадобится, мгновенно подсказывают нужное решение, а вырабатываются годами напряженного труда. Поэтому те уроки жизни, которые помощник по комсомолу получал ежедневно от начальника политотдела, незаметно для него самого входили в плоть и кровь, слагались в убеждения, привычки, линию поведения. А Яков Иванович непреходящим чутьем партизанского разведчика сразу угадал в стеснительном, скромном пареньке свою будущую надежду и не жалел для него ни сил, ни времени.

— Знаете,— задумчиво говорит Виктор Терентьевич,— есть удивительные строки у поэта: «Любовь есть действие, не состоянье...» Слова, словно специально сказанные про Якова Ивановича,— так предельно точно они характеризуют его действенную любовь к людям.

— Мне довелось встречаться после войны со многими боевыми сподвижниками Якова Ивановича,— продолжает Виктор Терентьевич.— Они рассказывали, что успехи соединения «Грозный» во многом были обусловлены личными качествами, удивительным авторитетом его командира и среди партизан, и среди населения. В него верили, как в высшую инстанцию справедливости. Знали, что во имя товарищей он не пожалеет своей жизни. Убеждались в этом не раз.

В лютые январские морозы 1942 года фашисты, нагнав тьму-тьмущую живой силы и техники, взяли в клещи Кременской лес, где базировалось соединение «Грозный», состоявшее в ту пору из Лисичанского, Ямского, Краснолиманского отрядов. Были перекрыты все тропы. Гитлеровцы заранее праздновали победу. Утром они собирались метр за метром, с истинно немецкой методичностью, прочесывать лес, чтобы уничтожить, наконец, партизанские отряды.

Получив об этом сообщение, Яков Иванович отобрал полсотни самых выносливых бойцов. И вместе с ним метельной ночью они проползли по-пластунски, можно сказать между пальцев у фашистов, десять километров по снежной целине. Не прошли ведь — проползли, почти не поднимаясь...

Фашисты, обложившие лес, не смыкали глаз, чтобы ни одна живая душа не ускользнула, палили всю ночь костры, над ровной как стол степью беспрерывно взлетали осветительные ракеты. Укрыться негде — ни кустика, ни балочки. Одно спасение — слиться со снегом. Любое неосторожное движение повлекло бы не только гибель смельчаков, но и всех тех, кто застыл в ожидании в лесу.

На рассвете сивороновцы обрушились внезапным ударом на гарнизон фашистов в селе Песчаном, заняли его и, разделившись, завязали стремительный, дерзкий бой за Гнилую Балку и станицу Вишневое, за спиной основных сил оккупантов. Немцы растерялись и, решив, что партизаны каким-то чудом вышли из окружения, кинулись за смельчаками. Не многие из них остались живы, но блокада Кременского леса была снята, партизанские отряды уцелели.

«Вызвать огонь на себя, во имя спасения товарищей» — было девизом Ивана Сиворонова. Стало девизом его сына. Этому девизу он верен всегда, чего бы это ему ни стоило...

В селах Ворошиловградской области до сих пор рассказывают о смелой до дерзости операции по уничтожению предателей, проведенной при непосредственном участии Якова Ивановича зимой сорок второго.

В штаб соединения «Грозный» стали поступать все более тревожные сообщения о зверствах полицаев над населением. В начале декабря полицейские были созваны срочной телефонограммой для встречи с эсэсовским начальством. Разнесся слух, что собирают для награждения особо отличившихся в борьбе с большевиками.

В назначенный день все полицейские округи съехались в бывший колхозный клуб, жарко натопленный ради предстоящего торжества.

Полицейские характер своих хозяев изучили хорошо. Поэтому в фойе, перед входом в зрительный зал, спокойно сдали оружие двум дюжим мрачным эсэсов-

цам и при появлении обер-лейтенанта со свитой вытянулись по стойке «смирно» и затаили дыхание.

Офицер, лениво демонстрируя безукоризненную выправку, неторопливо поднялся на сцену, где красовался портрет Гитлера. И совершенно спокойно скомандовал на чистейшем русском языке:

— Руки вверх! Вы арестованы как предатели! Сопротивление бесполезно! Клуб окружен партизанами. Выходить по одному!

В лесу, в двух километрах от села, предатели были казнены...

Эту историю по сей день вспоминают в селах Ворошиловградской области.

— Много лет,— слышу я тихий голос Гладкого,— Яков Иванович возглавлял один из самых напряженных участков Приднепровской железной дороги — линейное отделение милиции на станции Нижнеднепровск-узел. Эту станцию у нас заслуженно называют фабрикой формирования товарных составов. Через каждые пять — семь минут и днем и ночью отсюда во все концы страны уходят тяжело груженные поезда.

Сиворонов вместе с сотнями своих добровольных помощников зорко следил за сохранностью народного добра. А собираясь на пенсию, передал эстафету своему сыну.

Георгий Яковлевич Сиворонов пришел сюда, так же как и его дед, и его отец, по направлению партии. С радиозавода, где работал монтажником. Почти десять лет назад...

Встреча с Георгием Сивороновым

Дорога в Нижнеднепровск-узел пролегла по-над Днепром. И мы с Виктором Терентьевичем и его заместителем Александром Антоновичем Толубарой едем в потоке ослепительного света. Он низвергается сверху, слепит глаза снизу — Днепр, синий, как небо, струится рядом, весь в живой солнечной чешуе.

— Днепропетровск для гостей тепла не жалеет. Полагаю, что вы теперь в этом убедились,— смеется Александр Антонович.

Стоп! Дорога перекрыта, мы разворачиваемся и едем окраинными улочками. Мои спутники не скрывают огорчения, им так хотелось показать мне свой город — свой большой дом — с парадного входа.

— Ничего,— успокаивает себя Виктор Терентьевич,— скоро и этих неказистых тупичков у нас не будет. Видите, как строится наш город?

В голосе Виктора Терентьевича не просто радость человека, влюбленного в свой город,— гордость хозяина, своими руками делающего его день ото дня лучше.

Действительно, первое, что бросается в глаза, когда мы подъезжаем к станции Нижнеднепровск-узел,— половодье алых циний, георгины всех мыслимых оттенков, аккуратно подстриженные декоративные кустарники, удобные садовые скамьи. А посредине этого небольшого сквера бьет фонтан. Бассейн, где мелькают стайки золотых рыбок, затейливо выложен разноцветной плиткой. Словно радуга упала сюда вместе с дождем, да так здесь и осталась. И тут же за сквером — спортивный комплекс, где проходят тренировки личного состава.

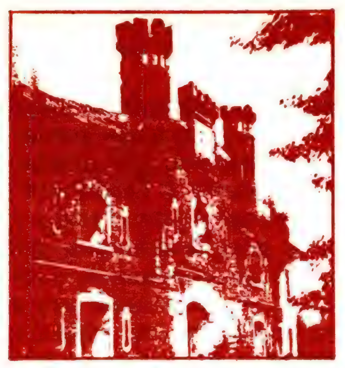
Начальник линейного отделения милиции Алексей Илларионович Ткач, пришедший сюда, как и его заместитель Анатолий Матвеевич Удалый, по направлению партийных органов более десяти лет назад, с видимым удовольствием рассказывает, что все это — и сквер с фонтаном, и спортивный комплекс — сделано в свободное от работы время самими сотрудниками милиции. Кстати, и помещение отделения, куда мы заходим, тоже выстроено с их помощью.

В небольшом подсобном помещении возле дежурной комнаты, оборудованной по последнему слову техники, Виктор Терентьевич открывает дверь шкафа — там электросамовар, чайный сервиз, как, кстати, во всех линейных отделениях Приднепровской дороги.

И за всем этим явственно проступает та самая действенная сивороновская любовь к людям, о которой Виктор Терентьевич так хорошо говорил накануне, ощутимая забота о том, чтобы им хорошо жилось и работалось, внимание к мелочам, из которых складывается жизнь. Она проступает здесь во всем: в обстановке, во взаимоотношениях, в большом и в малом.

Сын Якова Ивановича — за пультом связи. Он дежурный. К нему сходятся сигналы о всех нарушениях, которые происходят на двухстах километрах пути, обслуживаемых отделением.

Внук Ивана Сиворонова сегодня в ответе за все, что происходит на дороге, как когда-то несли за нее ответ его дед и отец.

ЛИДИЯ ГРЕЧНЕВА

Самый длинный день

Глава I,

рассказанная Прасковьей Фроловной Воробьевой, председателем женсовета линейного отделения милиции на станции Брест-Центральный в 1940—1941 гг.

В ту весну я впервые за всю нашу жизнь с Андреем по-настоящему поверила, что скоро увижу море. Залитое до горизонта ослепительным сиянием, живое, теплое небо на земле — таким оно грезилось мне с незапамятных времен. Может, потому, что выросла я на прокаленных зноем узеньких улочках Ташкента, где умели ценить каждую каплю влаги и где, вопреки пятеркам по географии, существование безбрежных водных просторов казалось невероятным.

Бредили мы с мужем поездкой к морю целых четырнадцать лет. Собственно говоря, с той самой поры, как я перебралась из дома, с окраины поселка Клинцы, где снимала койку, в шестиметровый закуток Андрея, неподалеку от железнодорожной станции. Каждый раз в ожидании отпуска он начинал строить планы, как отдохнем в Крыму, непременно неподалеку от Ласточкина Гнезда.

Обычно скупой на слова, об этой поездке Андрей мог говорить без конца. Я не уставала слушать и неотрывно глядеть, как все жарче, до густой синевы разгорались его глаза, как молодело лицо от веселой

мальчишеской улыбки. И безоглядно хотелось верить, что все будет на самом деле: и море, дышащее праздником, и Андрей возле меня, за тридевять земель от всех своих нескончаемых забот, и вот она — рядом — его сбывшаяся давняя мечта — Ласточкино Гнездо.

Еще мальчишкой Андрей ненароком увидел в доме сельского священника изображение сказочного замка над синей бездной и долго не мог поверить, что такое чудо и вправду есть на земле. Впрочем, череда чудес в его жизни только начиналась. Ему едва минуло пятнадцать, когда по стране прокатилась Революция. Подпасок сел за парту в открывшейся в соседнем селе школе второй ступени. Окончил ее и сразу подался добровольцем в Красную Армию. В памятный год Ленинского призыва Сокольнический райком партии столицы принял его в партию большевиков.

Незадолго до нашей встречи с Андреем в 1927 году вместе с другими коммунистами его направили охранять порядок на транспорте. И с той поры его жизнь навсегда оказалась связанной с железной дорогой, с ее постоянными заботами, тревогами, неожиданностями. Но даже их нескончаемый поток не смог захлестнуть далекую мальчишескую мечту — увидеть крымское чудо. Этой мечтой он увлек и меня, а когда стал подрастать сын, то и его.

Каждый отпуск мы собирались в Крым. Однако в канун отпуска каждый раз непременно что-нибудь случалось. Поездка на юг снова и снова откладывалась.

— Надо уметь ждать, Пануся! — говорил он спокойно в ответ на мои упреки.— Я вот всю жизнь жду своего чуда и знаю, что все равно дождусь. Не нужно только пороть горячку. А что порой приходится делать остановку, коли жизнь опустила перед тобой шлагбаум, так это в порядке вещей. Живем ровно на перекрестке. Тут уж правила движения соблюдать приходится свято...

Что правда, то правда, мы действительно жили как на бойком перекрестке, где никогда не бывало затишья. А когда Андрея после освобождения Западной Белоруссии из Смоленска перевели в Брест, об отдыхе вообще пришлось забыть. Он сутками пропадал на линии. О поездке к морю заговорил снова только весной сорок первого. И вот почему.

Случилось то, что не могло не случиться: в своих бесконечных разъездах Андрей сильно простудился,

но продолжал мотаться по дороге, пока не слег с крупозным воспалением легких. Три страшных дня температура держалась выше сорока. Когда Андрей наконец поднялся, врачи в один голос заявили, что для ликвидации последствий необходимо южное солнце. Выслушав их приговор, он неожиданно развеселился:

— Ну вот видишь, Пануська, не бывает худа без добра. Сама судьба посылает нас в Крым. Теперь-то мы обязательно поедем — медицине нужно подчиняться. Готовь чемодан! Сколько можно откладывать? Видно, пора! Сына возьмем с собой.

И началось счастливое, суматошное время сборов. Отпуск мужу обещали во второй половине июня. Телеграммой вызвали из Ташкента моего отца, Фрола Алексеевича, приглядеть за пятилетней дочкой Томиллой.

Все складывалось как нельзя лучше. Я уже видела перед собой синее море, дышала влажным, соленым ветром, взбиралась с Андреем на крутые прибрежные скалы...

Под стать моему настроению выдалась в тот год на редкость щедрая весна, солнечная, тихая, со спорыми ночными дождями. Город источал густой аромат сирени. По вечерам в нашем дворе старики подолгу толковали, что никто не помнит такого буйного цветения.

Не успели пожухнуть сиреневые кисти, как вечерние зори налились медвяным настоем липового цвета. Окна на ночь не закрывали. Они были открыты и в ту ночь, когда оглушительный громовой раскат разбудил нас.

— Закрой окна, Андрюша,— попросила я, не вырываясь из теплого полусна,— а то гроза разбудит детей.

Он встал, подошел к окну. Гром прокатился снова. И не успел затихнуть, как я услышала дрогнувший голос мужа:

— Вставай, Пануся! Это не гроза — война!

И словно в подтверждение страшных слов оглушительно громыхнуло где-то совсем рядом, и комнату залил зловещий отсвет первого пожара. Через несколько мгновений Андрей, уже в милицейской форме, положил руки мне на плечи. Никогда не забуду его глаза, в них была отчаянная мольба:

— Собирайтесь. Уходите из города. На Кобрин.

Я разыщу вас. Держись, слышишь? Все будет хорошо. Ну,— его руки разжались,— мне пора...

Хлопнула дверь, и в тот же миг показалось, что с грохотом обрушился наш дом, горячая волна подхватила и со страшной силой бросила меня на пол...

Глава II,

рассказанная Афанасием Дмитриевичем Красильниковым, членом КПСС с 1930 года, ветераном Великой Отечественной войны, полковником милиции в отставке, кавалером орденов Ленина, Трудового Красного Знамени, Красной Звезды и других правительственных наград, проживающим в городе Днепропетровске

Принимая в июне сорокового года дорожный отдел милиции на Брест-Литовской железной дороге, я и не подозревал, что пятнадцать лет прежней милицейской службы покажутся мне отсюда почти счастливым временем, когда можно было хоть раз в неделю выспаться по-человечески. Здесь, в Барановичах, об отдыхе пришлось сразу забыть. Не хватало людей, на многих станциях, где милицейские посты были просто необходимы, они даже не предусматривались по штатному расписанию. Местные жители, пришедшие на работу в линейную милицию после освобождения Западной Белоруссии, еще вчера бесправные батраки и сезонные рабочие, в лучшем случае имели четырехклассное образование, а некоторые с трудом умели расписаться. О работе на транспорте, милицейской службе, обращении с оружием понятие имели самое смутное.

Между тем инциденты на железной дороге следовали один за другим. То и дело поступали тревожные сообщения о диверсиях, крушениях, вооруженных лазутчиках, взрывах товарных вагонов с ценным грузом. Число нарушителей границы день ото дня угрожающе множилось. Только с октября 1939 года по декабрь 1940 года на нашей, западной границе было задержано более пяти тысяч вражеских агентов. За первые три месяца 1941 года их стало почти в двадцать раз больше, чем за этот же период прошлого года, а с апреля по июнь число обнаруживаемых лазутчиков за сутки подскочило до четырехсот человек.

В операциях по их выявлению постоянно участвовали и наряды железнодорожной милиции. Дня

не проходило, чтобы на транспорте не задерживали подозрительных лиц, собиравших разведывательные данные или пытавшихся совершить диверсии.

Хорошо еще, что самое близкое к границе линейное отделение было и самым боевым. Возглавлял его коммунист Ленинского призыва Андрей Яковлевич Воробьев. Знакомство у нас состоялось при очень памятных мне обстоятельствах.

Доклад на первом после моего назначения совещании руководителей отделений, если говорить откровенно, стоил мне многих бессонных ночей. Мой предшественник был отстранен от должности как несправившийся. Понимая, что от первой встречи с руководителями служб во многом будут зависеть дальнейшие отношения с коллективом, старался не ударить лицом в грязь. Нужно было восстановить авторитет руководителя дорожного отдела милиции — не ради личного престижа, а для наведения образцового порядка.

Словом, основания для волнения были. Но его как рукой сняло, когда почувствовал по настроению собравшихся, что поставленные мною вопросы попали в точку. Я уже совсем успокоился, как вдруг услышал:

— Не согласен с рядом выдвинутых положений. Разрешите сказать почему.

Голос негромкий, спокойный. А ведь сказал, как ударил. В последнем ряду поднялся коренастый человек лет под сорок — мой ровесник.

— Воробьев, замнач из Бреста,— шепнули мне.

Я подался вперед, стараясь подавить в себе невольное раздражение. Но Воробьев говорил так веско, с таким знанием дела, что я не мог не согласиться в душе с его предложениями.

Он замолк, сел. Повисла напряженная тишина. Я провел рукой по лицу, смахивая совсем некстати проступившую испарину. И вдруг краешком глаза увидел: Воробьев тоже вытирает лоб, понял — и ему разговор дался нелегко. Проникаясь уважением к этому человеку, не побоявшемуся поправить новое начальство, сказал:

— Согласен с замечаниями товарища Воробьева. Они свидетельствуют о глубоком знании оперативной обстановки и большом опыте. Есть еще предложения?..

Предложений больше не было. Зато после моих слов люди словно перевели дыхание. Мне показалось

даже, что именно с этого момента я стал для них не только начальником, но и своим человеком.

С Андреем Яковлевичем у меня установились доверительные отношения. Но каждый раз, выступая на совещаниях, против воли косился в его сторону. Знал — он не даст ошибиться. Чуть что не так — все промолчат, а он встанет, поправит.

Спуску Воробьев не давал никому, но взыскательней всего спрашивал с самого себя. Я в этом убедился в первый же приезд в Брест. В условиях невероятного напряжения, когда люди порой сутками не уходили с дежурства, начальник пограничного отделения жестко вел учебные занятия в два потока с учетом рабочих смен. Не знаю, когда он успевал готовиться, без конца пропадая в разъездах по линии, но его выступления на занятиях поражали серьезной подготовкой и умением самые сложные вопросы раскрывать удивительно просто.

Предметом особой заботы Воробьева была огневая подготовка личного состава. Война уже стучалась в наш дом. На границе этот зловещий стук был отчетливо слышен. Мы только не знали, когда начнется война, но то, что она не за горами, не сомневался никто.

Андрей Яковлевич и его заместители обязательно присутствовали при тренировках на стрельбище. Сам он владел винтовкой снайперски. В армии был пулеметчиком. Значок «Ворошиловский стрелок» получил одним из первых в стране.

Каждый сотрудник стрелял на занятиях не только из закрепленных за ним отечественной винтовки и нагана, но также из оружия самых разных иностранных марок. Боевых трофеев после пограничных инцидентов собиралось так много, что в общежитии линейного отделения рядом с винтовками и наганами личного состава был целый склад изъятого оружия — сдавали его только раз в месяц.

Весной сорок первого года почти всем сотрудникам отделения были вручены значки «Ворошиловский стрелок», а Андрею Яковлевичу за образцовую огневую подготовку личного состава присвоили внеочередное звание.

Вечером 19 июня, забрав с собой руководителей Барановичского и Лунинецкого линейных отделений, я прибыл в Брест для проведения боевых учений.

До глубокой ночи вместе с представителем Брестского горкома партии, гарнизона и 60-го железнодорожного полка НКВД отрабатывали детали проведения учебной тревоги в обстановке, максимально приближенной к военным условиям.

То, что в случае нападения враг прежде всего постарается захватить пограничный железнодорожный узел, ни у кого не вызывало сомнений. Для обороны предусматривалось выдвижение трех основных групп защиты — в сторону Западного (ныне Варшавского) и Ковельского мостов, а также на привокзальную площадь.

Позиции на мостах, перекинутых через железнодорожные пути, позволяли закрыть подступы к вокзалу с запада и юга, вести оттуда прицельный огонь, оставаясь почти неуязвимыми для врага. Мы понимали: бомбить мосты враг не решится, ему важно сохранить эту стратегическую магистраль. Такая расстановка сил и снайперское владение оружием личного состава позволяли надеяться, что в случае высадки вражеского десанта в районе вокзала железнодорожная милиция сможет перекрыть доступы к вокзалу до подхода наших воинских подразделений.

Учебная тревога была объявлена в пять часов утра в четверг, 20 июня. Время хронометрировалось. Несмотря на то что многие сотрудники жили в окрестных деревнях, а телефона не было даже на квартире Воробьева, через тридцать восемь минут после объявления тревоги все оказались на своих постах. Сработала связь по тщательно отработанной цепочке оповещения.

Имитировалась защита вокзала и железнодорожных путей в случае высадки вражеского десанта в районе поворотного круга. Мы с Воробьевым и его заместителями Холодовым, Яковлевым и Молчановым, секретарем партийной организации, побывали на всех объектах защиты. На разборе итогов учения я отметил оперативность и организованность всего личного состава.

На следующий день, в субботу, в восемь вечера мы с Воробьевым в последний раз поговорили по телефону.

— Что нового? Какая обстановка? — задал я традиционный вопрос.

— Ни одного происшествия,— ответил Андрей Яковлевич.— Даже удивительно. Такой тишины не

помню.— И добавил: — Прошу разрешения завтра, в воскресенье, с утра выехать с сотрудниками, свободными от дежурства, и их семьями за город на берег Муховца для проведения спортивного праздника.

Я разрешил. Совместные выезды сотрудников с семьями в воскресные дни случались у нас редко, но в условиях изматывающей работы, когда люди неделями не появлялись дома, были просто необходимыми.

Вечер прошел в будничной суете. Когда я собрался домой, было около двух часов ночи. Остановил резкий звонок. Из оперативного пункта станции Ивацевичи доложили, что в районе станции Береза-Картуская неизвестный самолет обстрелял скорый пассажирский поезд, следовавший из Москвы в Брест. Среди пассажиров несколько убитых и раненых. Отдав распоряжение об эвакуации жертв разбойного нападения, я приказал усилить охрану на всех станциях. Не успел положить трубку, как телефон зазвонил снова. Со станции Жабинка звонил мой заместитель Лобаков, выехавший вечером на воскресный день в Брест к семье. В его голосе звучала тревога. Он сообщил, что в двадцати шести километрах от Бреста разобрано железнодорожное полотно, телефонная и телеграфная связь с городом прервана.

Вызывая номер телефона секретаря Барановичского обкома партии И. П. Тура, я глянул на часы. Было два часа тридцать минут...

Глава III,

рассказанная ветераном линейного отдела милиции на станции Брест-Центральный Антоном Васильевичем Кулеша, ставшим в годы Великой Отечественной войны связным партизанского отряда имени Чернака бригады имени Сталина, проживающим в деревне Плоска Брестской области

В ночь на 22 июня я заступал на дежурство в полночь. Вышел из дома загодя вместе с братом Михасем, который гостевал у нас и возвращался к себе в Брест.

Ночь была теплая, светлая, по радио сказали — самая короткая в году. Утром за огородами скосили луг, и от привядшей травы шла густая духмяная сладость.

После знойного дня дышалось легко. Мы шли не торопясь, изредка перебрасываясь слухами о скорой

войне, которые становились с каждым днем все настырнее. В городе подчистую расхватали крупы, соль, спички. Особенно суетились бывшие хозяева особнячков, которые до недавнего времени даже не подавали голоса.

Все это было очень тревожно. Но в войну все равно не верилось. Не хотелось верить. Только ведь жить стали по-человечески. И двух лет после освобождения не прошло.

Я осторожно вел велосипед, все никак не мог привыкнуть, что эта сверкающая никелем, легкая машина в самом деле моя. Еще совсем недавно и помыслить о такой покупке не мог. До прихода Красной Армии наша семья была одной из самых бедных в веске[1]. И дед, и отец мой всю жизнь батрачили от зари до зари. И весь труд как в прорву — из долгов не вылезали. В четырнадцать лет и я подался в батраки, спины не разгибал.

В линейное отделение милиции меня взяли сразу после освобождения нашего края в сентябре тридцать девятого. Принимал на работу меня и моих односельчан, братьев Никиту и Федора Ярошиков, Андрей Яковлевич Воробьев. Трудно даже сказать, как тронула нас его душевность. После панского лиха, когда нас, белорусов, и за людей-то не считали, такое отношение было в новину.

К добру, как к свету,— привыкать легко, а отвыкать трудно. Умел Андрей Яковлевич и поддержать человека в трудную минуту, и строго спросить по справедливости, и научить. Он первый помог мне понять, что Советская власть — это прежде всего забота о людях. Было так: мы с женой и двумя ребятишками жили в небольшой хате, вместе с нами гуртовалась семья из восьми душ председателя нашего сельсовета Михаила Захаровича Бусько. Жили мы, правда, дружно, но, конечно, не сладко — повернуться негде. И стала меня жена потихоньку пилить, день ото дня злее — хоть закрывай глаза и беги из дома. Откуда об этом узнал Андрей Яковлевич, ума не приложу. Только приехал он в мое отсутствие к нам домой. Поговорил по душам с моей супругой. Объяснил ей, что недалек день, когда построим дома и заживем по-доброму. И еще сказал, что ценят меня в отделении, уважают.

---

[1] Веска — деревня (белорус.)

Вернулся я тогда с дежурства, а жену как подменили. Шелковая стала, и все нехватки стали ей вроде нипочем.

Так вот иду, вспоминаю, а на душе неспокойно. На углу Красногвардейской и Фортечной мы с братом словно споткнулись. Возле телеграфного столба стояли трое в гражданском и весело переговаривались с четвертым. Тот, примостившись наверху, ловко резал провода, и они с шуршанием падали на землю.

Мы с Михасем переглянулись, заподозрив неладное. Но те трое, не обращая на нас внимания, продолжали так беззаботно перекликаться с приятелем на столбе, что мы, хоть и не совсем уверенно, решили — наверное, срочный ремонт. То же самое сказали мне на вокзале, в нашей дежурке, где я рассказал об увиденном.

Не успел выйти на перрон, где мы с Леней Мелешко, самым молодым постовым, несли дежурство в ту ночь, как в городе погас свет. Через несколько мгновений засветился снова. И тут же опять погас. Пассажиры заворчали. И в вокзале, и на перроне в этот поздний час их скопилось не счесть, тысячи полторы — никак не меньше, никогда прежде такого не бывало. Добрая половина — женщины с детьми.

Откуда-то вынырнула группа пограничников, человек тридцать. Закомандовали громко, чтобы я вел их к дежурному. Там они предъявили документы и потребовали немедленной отправки в Высоко-Литовск служебным поездом.

Меня что-то насторожило. Может, почудился ненавистный знакомый барский окрик, прозвучавший, когда они обратились ко мне,— не знаю. Но только я скрытно последовал за ними. И вдруг замер на месте, услышав, как они тихо заговорили по-немецки. Кинулся к дежурному, командиру отделения Швыреву, но тот только усмехнулся.

— Тебе сегодня все чудится, Васильич! Перекрестись!

Однако креститься я не стал, полчаса не прошло, снова заявился в дежурную. На этот раз с подозрительным парнем, которого задержал вместе с нашим новеньким — Василием Литаренко, пришедшим к нам после демобилизации из Красной Армии. Парень держался развязно, с гонором, предъявил удостоверение представителя Брестского горкома комсомола, коман-

дированного в Высоко-Литовск. Однако, когда позвонили дежурному в горком, выяснилось, что такого работника там и в помине нет. Пока справлялись по телефону, парень сунул в рот какую-то записку. Но проглотить не успел, на него как молния кинулся от дверей только что вошедший Леня Мелешко. Парень выпустил записку и по-собачьи впился зубами в Ленину руку. Записка была уже вся в чернильных подтеках. Разобрать написанное мы не смогли.

— Ничего, где надо, завтра прочитают,— сказал Швырев.

— Не будет у вас завтра! — оскалился задержанный.— Не будет! Завтра вы все будете висеть на фонарях!..

Парня увели. А мы снова вышли на платформу. В половине второго мимо тяжело прогрохотал товарный состав, груженный зерном, которое мы по соглашению 1939 года поставляли в Германию.

И вдруг — оглушительный взрыв. За ним — второй, третий. В городе сразу заполыхало черное пламя. Над нами показались самолеты с паучьей свастикой.

— Война! — прокатился истошный вопль. Пассажиры в панике заметались по перрону. Надсадно закричали разбуженные дети, заголосили женщины. И вдруг разом стихли, остался только дьявольский визг падающей прямо на нас бомбы.

— Ложись! — зычно скомандовал чей-то, вроде бы Ленькин, голос, и, подчиняясь ему, люди ничком упали на платформу. Одни лишь матери так и остались сидеть, прижимая к себе перепуганных детей, прикрывая их головой, руками. Страшный взрыв оглушил, смял, выпотрошил начисто. Бомба упала где-то поблизости. Не сразу сквозь ватную тишину услышал крики, женский плач, трубный голос какого-то старшины с авиационными петлицами, отдававшего распоряжение молоденьким сержантам.

И тут я увидел Воробьева. Он стремительно пересек перрон, и его милицейская фуражка мелькнула в дверях вокзала.

Кинулся было за ним, но мне заступила дорогу обезумевшая от горя молодая женщина с младенцем. В суматохе у нее пропал трехлетний сынишка, и она, обливаясь слезами, умоляла помочь найти. Разыскали перепуганного мальчонку в угольном люке, куда его сбросило взрывной волной.

Когда прибежал в отделение, наших собралось уже больше сорока. Воробьев отдавал распоряжения заместителям Холодову и Яковлеву, командирам отделений Стацюку, Дейнеге, Ермолаеву. Возле меня оказались братья Семен и Арсений Климуки, Андрей Поздняков, Захар Кивачук, мои односельчане Ярошики, Дмитрий Сидорчук, неразлучный приятель Мелешки — Василий Литаренко, оба недавно вернулись из армии. Следом за мной влетел запыхавшийся Роман Галюк. Тут же появились Андрей Головко и Леонид Жук.

Здесь, в привычной обстановке, среди своих, перевел дух. Даже на секунду подумалось: случившееся — ночной кошмар. Воробьев, закончив инструктаж командиров отделений, обратился к нам:

— Товарищи! Мы еще не знаем, война это или провокация,— тише, чем обычно, сказал он.— Но обстановка очень серьезная. К платформе на Московской стороне сейчас подойдет состав. Надо отправить в первую очередь женщин с детьми. Место нахождения каждого у вагонов укажут командиры отделений. После отправки поезда — сбор здесь.

Это была самая настоящая схватка с обезумевшими от ужаса людьми, готовыми на все, лишь бы уехать. Город полыхал пожарами. Беспрерывно рвались снаряды, земля гудела от взрывов. Но в те минуты, когда мы вместе с железнодорожниками, сдерживая натиск толпы, помогали женщинам с детьми сесть в поезд, тревога, страх за наши семьи словно бы отступили. Все перестало существовать, кроме испуганных детских глаз, истошного женского крика, рук, судорожно цепляющихся за поручни, и одного лишь желания вместить как можно больше людей в вагоны, вызволить их из этого ада.

Поезд отошел через несколько минут. Единственный поезд, вырвавшийся из горящего города.

И только тогда я снова услыхал артиллерийские залпы, завывающий гул чужих самолетов, идущих в высоком белом небе. Вытер рукавом мокрое лицо. Гимнастерку можно было выжимать. С Никитой Ярошиком кинулись в отделение.

По дороге столкнулись с бегущим Леней Мелешко.

— Я в крепость за подмогой. Держитесь! — бросил он на ходу и исчез в толпе.

Вдруг перрон качнулся, ударило в спину, я еле удержался на ногах, от грохота заложило уши. Там,

где только что стоял состав, взорвалась бомба, разворотив часть перрона, путей. Что было бы с детишками, если бы с отправкой замешкались хоть на минуту?!

В дежурке нас подозвал командир отделения Швырев. Возле него уже были наш комсомольский секретарь Коля Янчук, милиционеры Андрей Головко, четыре Михаила — Козловский, Сильвончик, Добролинский, Корнелюк, Федор, брат Ярошика, Павел Денисюк, Арсений и Семен Климуки — человек двадцать с лишним.

Переговорив с группой, уходившей с Холодовым на охрану Ковельского моста, Воробьев подошел к нам. Объявил, что под командованием Швырева направляемся в общежитие.

— Заберете пулеметы, винтовки, трофейное оружие, боеприпасы, половину доставите сюда. Остальное сразу к Западному мосту. Займите оборону. Я скоро буду там. Торопитесь! Дорога каждая минута!

До общежития добежали минут за пять. На путях никого не было. Но когда, нагрузившись двумя пулеметами, оружием, ящиками с патронами, оказались у насыпи, на нас обрушились автоматные очереди.

Пришлось залечь. Стреляли из верхних окон паровозного депо. Едва оттуда снова брызнул огонь, наши стрелки, по команде Швырева, послали пули в засеченные точки. Выстрелы оборвались.

Нет, не зря Воробьев часами держал нас на стрельбище. Окна в депо молчали и тогда, когда мы поднялись и, пригнувшись за насыпью, заспешили к мосту. Но резвости поубавилось — несли тяжелый груз.

Возле моста нас уже ждали старшие оперуполномоченные Константин Иванович Трапезников и Александр Семенович Артеменко, милиционеры Леонид Жук, Василий Литаренко, Дмитрий Сидорчук, братья Николай и Александр Селивестровы, Иван и Андрей Поздняковы, бойцы из железнодорожного полка НКВД.

Часть оружия тут же передали на вокзал с группой Трапезникова и вместе с пополнением почти бегом поднялись на мост, залегли за перилами. Вскоре подоспел с пограничниками Андрей Яковлевич, устроился у пулемета. За другим пулеметом лежал Швырев.

Под нами разбегались бессчетные пути. Неподалеку стоял товарняк. Судя по солнцу, было около шести утра. Только теперь понял, как смертельно устал.

Над нами в безоблачном небе шли на восток фашистские самолеты.

Мы напряженно смотрели вдоль путей. Рельсы блестели, как надраенные, аж глаза слепило. Руки, сжимавшие автомат, стали слабеть. Но вдруг сила вернулась: на путях показались вражеские солдаты. Они шли не таясь, прямо к мосту...

Глава IV,

рассказанная Леонидом Афанасьевичем Мелешко, в годы Великой Отечественной войны бойцом, затем командиром отделения партизанского отряда имени Ворошилова бригады имени Ленина Брестского соединения (ныне автослесарь промкомбината поселка Домачево Брестской области)

Я спрыгнул с платформы и побежал по путям к крепости, гордый доверенным мне чрезвычайным поручением Воробьева. Вдруг сзади у вокзала саданула бомба, сильно толкнуло в спину. Падая, успел подумать: как же вовремя мы отправили состав! Если бы не решительные действия наших ребят, в панике, начавшейся на вокзале, женщинам, у которых руки были заняты детьми, к вагонам бы даже и не подступиться.

Сразу после ухода поезда меня остановил командир нашего отделения Семен Середа, передавший приказ Воробьева отправиться в крепость, выяснить обстановку. Если вражеские действия не случайный пограничный инцидент, не провокация, а начало войны, попросить на вокзал подкрепление.

— О результатах Воробьев приказал доложить лично,— сказал Середа и добавил, не скрывая тревоги: — Понимаешь, Лень, связи нет ни с кем. А нас всего шестьдесят восемь. Без тебя будет шестьдесят семь. От быстроты твоих ног и от твоей головы будет зависеть, куда и чьи пойдут поезда. Слышишь? И наша судьба тоже! Воробьев так и сказал: «Направьте Мелешку — он разведчик!»

Было около пяти утра. Я бежал, зорко поглядывая вокруг. За Западным мостом, где было до черта товарняка и кургузых польских паровозов, решил, что безопаснее двигаться между вагонами. Проскочил немного — и вдруг заметил затаившегося между вагонами красноармейца, хотел шагнуть навстречу, но бро-

силось в глаза: форма сидит на нем как-то уже очень мешковато, пуговицы оборваны. Я на всякий случай отступил за тормозную площадку. И тут из-за кирпичной будки показались бегущие пограничники. Человек вскинул пистолет, прицелился в них. «Ах ты гад!» — я рванул свой. В тот же миг что-то заставило врага повернуться — наши глаза встретились. Его рука судорожно метнулась в мою сторону; под гимнастеркой была видна немецкая форма. Мой выстрел опередил диверсанта. Он даже не успел крикнуть. Я забрал его парабеллум и кинулся дальше.

Со стороны крепости нарастал гром артиллерийской канонады. Неподалеку от Каштановой улицы увидел фашистов. Они шли клином по путям в сторону вокзала. Я прикинул: человек двести, не меньше. В руках автоматы. Морды красные, веселые! Видно, приложились для храбрости.

«Нет, это не пограничный инцидент,— подсказал мне солдатский опыт.— Это война!»

Мгновение раздумывал, броситься ли к своим предупредить или бежать в крепость. Словно заново услышал слова Середы: «От быстроты твоих ног и от твоей головы будет зависеть, куда и чьи пойдут поезда!» Нет, решил я, только в крепость! Помчался что было сил на грохот залпов. Навстречу попались наши бойцы.

— Куда, дура, прешь? — крикнул один на бегу.— Давай обратно.

Я только рукой махнул.

Уже на подходе к крепости понял — кругом немцы. Однако вернуться назад, не выполнив приказ Воробьева, не мог.

Двигался с кошачьей осторожностью, скрываясь за деревьями, зданиями. Из-за угла одного из них мне наперерез двигался толсторожий, тоже в нашей форме. Но я уже понял, что к чему. Гимнастерка топорщилась на нем, как у первого, и еще выдавали ботинки — на толстенной подошве. Автомат был немецкий. Но даже по одному тому, как спокойно он шел, когда вокруг кишмя кишело фашистами, было ясно, кто он. Выстрелил не раздумывая. Стояла беспрерывная пальба, на мой выстрел никто не обратил внимания. Я прихватил и его автомат и припустил дальше.

Возле крепости так гудело, что заложило уши. Пробраться туда через ворота и думать было нечего.

Бросился к валу. Фашисты заметили не сразу, а когда опомнились, открыли стрельбу. Поздно — я был среди своих. На валу укрепили линию обороны. Меня остановил старший лейтенант, спросил, кто я и откуда. Выслушав ответ, крикнул, чтобы все слышали:

— Ну, ребята, с нами милиция. Значит, будет порядок!

Я огляделся и увидел, что здесь в подкреплении нуждались не меньше, чем на вокзале. Мелькнула спасительная мысль: скоро подойдут наши войска...

Мы стали окапываться. Ураганная стрельба из пулеметов, автоматов и минометов не затихала. Мы отстреливались, но огонь нарастал с каждой минутой...

Глава V,

рассказанная участником обороны Брестского вокзала, секретарем комсомольской организации линейного отделения милиции до июня 1941 года, инвалидом Великой Отечественной войны, членом КПСС с 1947 года Николаем Мартыновичем Янчуком, замполитом отряда военизированной охраны станции Брест-Центральный

Мы лежали на Западном мосту, сжимая в руках винтовки, и разглядывали приближающихся фашистов. Ждали, когда подойдут совсем близко. Воробьев сказал: «Стрелять только по цели! Патроны беречь!» И мы ждали.

Они шли в три шеренги, растянувшись цепью во всю ширину путей, которые здесь, за мостом, разбегались особенно широко. Я начал считать и сбился со счета. Наверное, от волнения: и без счета было видно, что врагов во много раз больше, чем нас. Они подступали все ближе. А Воробьев не подавал команды. Зудели от нетерпения руки, ныла от напряжения спина. Тошно было глядеть, как нахально, совсем не таясь, неторопливо идут фашисты по нашей земле, словно позируют для экрана. Без касок. Обвешаны гранатами. Рукава засучены. Автоматы наперевес. Наверное, вот так, по-хозяйски, они проходили по городам Европы, чувствуя себя властелинами мира.

Мне особенно запомнился один. Высокий, на холеном лице самодовольная барская ухмылка. Расстегнутый ворот обнажал длинную белую шею. Он что-то,

видимо, говорил, потому что те, кто шел рядом, поворачивались к нему и смеялись.

Я ненавидел их всех, но этого возненавидел с особой лютостью, вместив в эту ненависть все горе, которое нынче на рассвете обрушилось на мою Нину, леденящий страх за нее, крики обезумевших женщин на вокзале, ужас, застывший в детских глазах, когда мы сажали их в вагоны, всю нашу покалеченную жизнь.

Еще вчера вечером мы с Ниной были в городском парке на симфоническом концерте. Слушали прекрасную, светлую мелодию, смотрели друг на друга, и нам казалось, эта песня без слов рассказывала о нашей любви; месяца не прошло со дня нашей свадьбы. После концерта бродили в парке до полуночи, переполненные радостью.

А сегодня этот молодчик с гнусной ухмылкой идет по нашей земле, а я, глядя на пылающий город, даже не знаю, где Нина, жива ли и увижу ли ее снова.

Дрожа от нетерпения, взял фашиста на прицел. Они подходили ближе и ближе, а Андрей Яковлевич попрежнему молчал. Нас фашисты не видели и, судя по веселым голосам, даже не подозревали, что встретят сопротивление.

Когда наконец по знаку Воробьева грянул наш залп, заговорили пулеметы, многие остались лежать — мой молодчик тоже. Остальные кинулись врассыпную, под защиту товарных вагонов.

Разгоряченные первым успехом, мы с нетерпением ждали, когда фашисты покажутся снова, но они затаились.

Что-что, а стрелять наши ребята умели. Спрос за стрельбу был очень строгим. Скидок не давали никому. Даже единственной женщине в отделе, веселой, не по-женски смелой Татьяне Фомичевой. Впрочем, ей скидки были ни к чему — она стреляла отлично.

Теперь, вступив в настоящее сражение, на деле убедились, что искусное владение оружием удесятеряло силы. Бойцы из 17-го погранотряда, сражавшиеся рядом с нами, уже побывали в переделке, некоторые были ранены, но ни один из них не ушел с моста.

Вот фашисты вынырнули из-за вагонов и, разделившись, бросились к мосту с двух сторон. Но их так хлестнули огнем, что они откатились обратно, не досчитавшись многих, и не высовывали носа довольно долго, пока над нами не закружил немецкий самолет.

Он сделал несколько заходов на бреющем полете, поливая нас пулеметными очередями. И тут же совсем неожиданно на путях показался бронепоезд и дал несколько залпов по мосту. Гитлеровцы хлынули к насыпи, надеясь обойти нас с левого фланга.

Воробьев приказал отходить к вокзалу. Продолжая строчить из пулемета, он прикрыл нас, а присоединившись к нам, дал команду укрыться за посадочными площадками Московской стороны перрона. Лучшую позицию для обороны найти было трудно. От вокзала к нам кинулись военнослужащие, железнодорожники. Со стороны привокзальной площади слышался шум боя.

Гитлеровцы появились из-за вагонов с южной стороны. Но теперь уже шли крадучись, стараясь подобраться к вокзалу незаметно, под защитой стоявших на путях вагонов.

Скрытые за посадочными площадками, мы молчали. Перрон и платформы казались пустынными. Фашисты осмелели, пошли в рост. Мы ударили почти в упор. Били наверняка. Они залегли, пустили в ход гранаты. А у нас их было очень мало. Рядом со мной тяжело осел на землю Федя Стацюк. Когда я смог обернуться к нему, он был уже мертв. И тут же увидел, как опрокинулся на рельсы Петя Довженюк.

Фашисты скоро снова полезли вперед. И снова мы заставили их отступить. Однако передышка была недолгой. На нас опять обрушился огневой вал. Медленно, не выпуская из рук винтовки, сполз на рельсы и затих Андрюша Головко, у которого всего неделю назад мы весело гуляли на свадьбе. Схватился за живот Леня Жук. Я словно оцепенел, и, хотя фашисты приближались, не мог отвести глаз от Лениной гимнастерки, которая быстро набухала кровью.

Нас становилось все меньше. Но каждая новая попытка гитлеровских солдат прорваться к вокзалу попрежнему встречала прицельный огонь.

С Граевской стороны вокзала доносилась частая стрельба. Видно, фашисты здорово напирали и там. Все с нетерпением ждали подмоги со стороны крепости, но ее почему-то все не было...

Возле меня, привалившись к краю площадки, стоял Антон Васильевич Кулеша. Стрелял без суеты, неторопливо, основательно целился. Так же, как обычно на стрельбище. Воробьев со Швыревым несколько раз

перетаскивали свои пулеметы. В их сторону фашисты бросали гранаты особенно усердно. Лицо у Андрея Яковлевича почернело, но он не выпускал гашетки из рук. Возле раненых, не обращая внимания на пули, хлопотали Танюша Фомичева и тихая пожилая женщина, уборщица пассажирского зала.

— Танюш! Уйди,— попросил ее Кулеша.— Ведь дите под сердцем носишь. Неровен час...

Но та только рукой махнула. Над нами низко пролетел вражеский самолет, дробно раскатились пулеметные очереди. Таня, пригнувшись, побежала искать транспорт для отправки тяжелораненых в больницу. Дело в такой обстановке совершенно безнадежное. Но только не для Татьяны, которая могла что и когда угодно достать хоть из-под земли.

Наступило затишье. Гитлеровцы куда-то пропали.

— Жрать пошли, сволочи,— хрипло бросил кто-то.

Нам было не до еды. Только нестерпимо хотелось пить. Воспользовавшись передышкой, наши лучшие спортсмены Саша Селивестров и Миша Козловский кинулись на вокзал за водой. Они вернулись очень скоро с тремя ведрами воды. Мы выпили ее залпом.

Появилась Татьяна. Ее глаза блестели. Сумела найти подводу, служившую для перевозки мусора на вокзале. Вместе с девчатами-телеграфистками помогла добраться до нее тяжело раненным Григорию Ефремову, Лене Жуку, Дмитрию Сидорчуку, нескольким военнослужащим. Вместе с Ефремовым послала записку главврачу железнодорожной больницы Григорьеву с отчаянной просьбой забрать остальных раненых. И вскоре тот прислал машину скорой помощи, на которой мы отправили еще несколько человек.

Снова загремели залпы.

— Татьяна! — крикнул Воробьев.

Она подошла.

— Немедленно отправляйтесь домой.— И видя, как упрямо сдвинулись ее брови, добавил: — Это приказ. Вы сделали что могли. И даже больше. Идите!..

За вагонами замелькали серо-зеленые френчи. Фашистов стало еще больше. Забросав нас гранатами, пошли в атаку, непрерывно строча из пулеметов. И снова мы заставили их залечь.

Но наши ряды сильно поредели. Не стало Константина Ивановича Трапезникова, нашего старшего оперуполномоченного. На наших глазах скончались

Андрей Поздняков, пятеро военных. Много было раненых.

Не давая нам возможности перегруппироваться, враг снова ринулся в нашу сторону. И вдруг пулемет Воробьева захлебнулся. Я испуганно обернулся и тут же облегченно перевел дух: Андрей Яковлевич был жив, косил врага из автомата — кончились пулеметные диски.

Потеряв счет времени, мы стреляли из последних сил. Хотелось передохнуть, полежать в спасительной темноте, вытянув занемевшие руки. Но солнце попрежнему высоко стояло в небе. По земле шел самый длинный день года. Самый длинный в моей жизни. В жизни моих товарищей. И каждый из нас в этот день держал экзамен — на что он способен...

Глава VI,

рассказанная ветераном линейного отделения милиции на станции Брест-Центральный, партизаном отряда имени Чернака Брестского соединения Никитой Сергеевичем Ярошиком, проживающим в деревне Плоска Брестской области

Фашисты надвигались стеной. Лай их автоматов не замолкал ни на минуту. А мы вели счет каждому патрону и терпеливо ждали, когда враги приблизятся, чтобы пулю положить точно в цель.

Рядом со мной уронил на винтовку голову и затих, будто задумался, молоденький артиллерист, которого война застала здесь на пути в отпуск к матери в Спасское-Лутовиново... Я взял из его теплых еще рук трофейный парабеллум и, стараясь не промахнуться, выпустил всю обойму. Стрелял за этого молоденького лейтенанта. За Леню Позднякова. За общего любимца Андрюшу Головко. За всех убитых товарищей.

Чувствуя, что наш огонь редеет, гитлеровцы осмелели. Забросав нас гранатами, снова двинулись в наступление. И эту атаку сумели отбить, но с огромным трудом. Силы были слишком неравны. Воробьев дал знак отходить к вокзалу.

Фашисты не сразу увидели наш маневр. А когда заметили, открыли бешеную стрельбу, чтобы не дать нам укрыться за стенами вокзала. Однако мы были у цели. Но трое остались лежать на перроне...

Пассажирский зал встретил нас оглушительным гомоном. Растерянные люди, которых война застала на вокзале в незнакомом городе, метались как в мышеловке.

Воробьев приказал занять оборону возле окон первого и второго этажей и раздать остатки оружия. Женщин и всех тех, кому оружия не досталось, отправили в подвал, куда вела лестница прямо из пассажирского зала.

В вокзале остались лишь те, кто мог держать оборону. На первом и втором этажах окна были превращены в бойницы. Фашисты били в них наугад, не причиняя нам особого вреда. Зато со второго этажа группа военных под командованием молоденького лейтенанта разила их без промаха. Однако вражеское кольцо вокруг здания продолжало сжиматься.

Неожиданно оглушительную пальбу словно обрезало. Руки невольно опустили винтовку. В наступившей тишине пролился нежный звон, настолько неправдоподобный после всех пережитых в этот день ужасов, что мы уставились друг на друга. Каждый подумал, что почудилось только ему. А чистый, печальный звук все дрожал в воздухе...

Не сразу сообразили, в чем дело. В огромную хрустальную люстру, висевшую в центре пассажирского зала, попала шальная пуля. И ее лепестки отозвались на боль, как живые. Не успел растаять в воздухе разбередивший сердце звон, как в окна ворвался хриплый голос, многократно усиленный динамиками:

— Русские солдаты! Сдавайтесь! Сопротивление бесполезно! Немецкие войска уже под Москвой! На раздумье — пять минут! В случае отказа — смерть!

Пять минут передышки пришлись очень кстати. Но едва они кончились, начался беспрерывный обстрел здания. На втором этаже заполыхал пожар, едкий дым пополз по всему зданию. Едва верхние окна оказались без защиты, фашисты бросились на приступ. Задыхаясь в дыму, мы продолжали отстреливаться. Наш единственный теперь пулемет подавал голос лишь в самые критические моменты — диски были на исходе.

Гитлеровцы, прорвавшись вскоре к зданию, начали косить нас из пулемета, установленного на подоконнике. Погибли командир отделения Сыцюк, милиционер Арсентий Климук, старший диспетчер вокза-

ла Борис Иванов, несколько военных, тяжело ранило начальника отделения дороги Льва Давыдовича Елина, оперуполномоченного Александра Артеменко, пожилого мужчину в штатском, сержанта из авиационной части.

Гитлеровцы вплотную подошли к вокзалу.

— Всем в подвалы! — крикнул Воробьев.

Мы бросились вниз по крутой лестнице...

В подвальных отсеках глаза не сразу привыкли к темноте. Из небольших оконных проемов скудно сочился дневной свет. В лабиринте переходов стояла кромешная тьма. Под ногами хлюпала стоялая тухлая вода.

Казалось, наступила долгожданная ночь и можно наконец хоть ненадолго перевести дух. Но темнота была живой, тревожной, наполненной горячим дыханием испуганных людей, которые ждали от нас защиты.

Оборону заняли у входа в подвал и оконных проемов. Ручной пулемет установили возле угольного люка. Было слышно, как наверху топали фашисты. Потом отрывисто прозвучала команда, и шаги загрохотали вниз по лестнице. Когда распахнулась дверь, ударило сразу несколько выстрелов. Два фашиста упали, остальные кинулись обратно. Больше сунуться к нам они не решались.

К ночи все стихло, доносился только гул далеких артиллерийских разрывов. Ночь прошла тревожно. Давил непроглядный мрак, стонали раненые, мучил голод. Мы чутко прислушивались, что творилось наверху. Но тишину нарушала лишь тяжелая поступь часовых.

Перед рассветом в дверном проеме показались вражеские солдаты. Антон Кулеша и стоявший вместе с ним на посту лейтенант-артиллерист выстрелили почти одновременно. Один немец рухнул, а остальных как ветром сдуло. Больше они не отваживались заглянуть к нам.

Утром снова загремели динамики. Фашисты, приняв нас за воинскую часть, предлагали сдаться, выдать коммунистов и командиров, остальным обещали сохранить жизнь. Заволновались измученные пережитым страхом женщины, попросили вывести их наверх. Но едва они показались там, как их окружили и под автоматами повели куда-то...

Вдруг над головой заскрежетало, сумрак сменился чернотой — оконные проемы закладывали железом, шпалами, засыпали шлаком, землей. Однако дьявольский замысел врагов мы уразумели полностью, лишь когда к нам через люк полетели дымовые и газовые шашки. Удушливый, липкий туман заклубился по подвалу. Мы задыхались от безостановочного кашля, страдали от нестерпимой рези в глазах. Стараясь спастись от удушья, люди все дальше расходились по подвальным отсекам.

Я хорошо знал их нескончаемый лабиринт, занимавший вместе с так называемыми «царскими погребами» почти квадратный километр. Когда-то мне пришлось принимать участие в поимке банды, скрывавшейся тут. Здесь недолго было заблудиться даже тогда, когда многие помещения были освещены. Теперь же, в непроглядном мраке, ориентироваться было невозможно. Воробьев попробовал собрать общий совет с участием военнослужащих и железнодорожников, договориться о выработке совместных действий. Но группы разбрелись по всему подвалу. В этих условиях координировать их действия было практически невозможно.

К середине дня, видимо, решив, что, наглотавшись газа, мы стали сговорчивей, гитлеровцы снова через микрофоны предложили сложить оружие. И так как на их предложение никто не отозвался, опять стали закидывать нас дымовыми шашками. Они торопились овладеть вокзалом. Их попытки задушить газом и дымом не прекращались ни в этот, ни в последующие дни. Люди совсем ослабели. Мочили в воде гимнастерки, дышали через них, но каждая новая волна приторного газа вызывала все более сильное головокружение и рвоту.

На третий день осады фашисты вылили в подвал бочку бензина, потом забросали люк гранатами. Огненный вал ринулся по переходам. С пожаром удалось справиться, но склад продуктов ресторана, обнаруженный в одном из помещений, сгорел почти полностью.

Ночью 25 июня попробовали прорваться из окружения к Кобрину, где находился штаб 4-й армии.

Вместе с Сашей Селивестровым и Лебедевым я выбрался через угольный люк на Граевскую сторону вокзала. Воробьев вместе с Холодовым и другими защит-

никами должны были двигаться за нами следом. Но едва мы скользнули на рельсы, началась такая огненная кутерьма, что не знаем, как ушли живыми. Спасло только то, что местность мы все трое знали отлично. До света успели выскользнуть из города и залечь в болоте, густо заросшем ольховником и лозой.

С наступлением сумерек снова двинулись в путь. За ночь отмахали до Кобрина и присоединились к воинской части...

Глава VII,

рассказанная участницей обороны вокзала, связной партизанского отряда имени Чернака Татьяной Николаевной Фомичевой, главным бухгалтером Брестского облисполкома

Домой бежала через железнодорожные пути, с надеждой вслушиваясь в густой орудийный гул со стороны крепости, откуда мы ждали спасения. Не успела добраться до своей улицы, как у вокзала послышались взрывы гранат, затявкали немецкие автоматы, ударили пулеметные очереди. Страх за товарищей сжал сердце с такой силой, что, невзирая на приказ Воробьева, решила вернуться.

Побежала обратно, но вдруг из-за угла вылетела группа немецких мотоциклистов, и один, не целясь, дал очередь в мою сторону. Тяжело дыша, привалилась к стене. От слабости замутило. И вдруг ощутила в себе робкий толчок, первое движение ребенка.

Как мы с Ваней ждали его! И вот дождались... Горькая спазма перехватила горло, улица поплыла в горячем тумане. Ивана нет, он в Минске. Теперь это — за тридевять земель. Свидимся ли? Останемся ли живы?..

Не видя дороги, с трудом добрела до дома — и словно споткнулась: на двери комнаты висел чужой замок, во дворе валялись мои вещи. Еще не осознав, что произошло, наклонилась над ними и тут же распрямилась, как от удара — на меня обрушился сиплый хохот. Обрюзгший тип, которого прежде никогда не видела, кинул мне с глумливой гримасой:

— Ну что, коммунары, поиграли всласть в советскую власть? Представление окончено! Извольте расплатиться! Я законный владелец этого дома. Вещички поприличней, фрау, мы забрали в счет

платы за жилье. С паршивой овцы — хоть шерсти клок...

Собрала немудреный скарб, отнесла в дровяной сарай в глубине двора и без сил опустилась на земляной пол. Голова шла кругом от тревоги за тех, кто остался там, на вокзале. Представила, как летела на вокзал утром. Взрывы не испугали: подумала, проводятся маневры наших войск. Испуг пришел лишь на перроне, когда увидела, как наши ребята, сдерживая натиск напирающей толпы, сажают женщин с детьми в вагоны, и, все сразу поняв, заспешила в отдел.

Воробьев был в кабинете. Заглянув к нему, услыхала, как он сказал своим заместителям Холодову, Яковлеву и Молчанову, нашему партийному секретарю:

— Держаться до последнего патрона! Важна каждая секунда задержки немецких составов.

Совсем рядом рванул сильный взрыв. Все было как в дурном сне. Нелепо и страшно. Я снова кинулась к Андрею Яковлевичу.

— Что делать с секретными документами? — нерешительно спросила я. Он мгновение колебался:

— Связи нет ни с кем! А медлить уже нельзя. Вот что — сжигай, Таня. И немедленно. По всему видно — война! Приступай!

Протянул неполную бутылку бензина, спички. Я собралась выходить. Воробьев остановил, открыл сейф, достал пачку документов.

— Уничтожь, Таня, и эти! — И заспешил вниз по лестнице.

Я закрыла дверь на ключ, распахнула окно. Взгляд упал на часы: было пять утра.

Бумага, облитая бензином, заполыхала сразу.

Меня не покидало ощущение нереальности происходящего. Словно я видела кошмарный сон и никак не могла проснуться. Все мое секретное хозяйство, за сохранность которого я отвечала головой, горело на моих глазах на чайном подносе...

Уничтожив документы, выбежала на перрон. Шум там стоял невообразимый. Перроны вокзала — и Московский и Граевский — обстреляли с самолетов. Появились первые раненые. Наши девчата с телеграфа — Оля Кравцова, Надя Журина уже хлопотали возле них. Я стала им помогать.

Мимо нас со стороны Западного моста почти бегом пробежали в дежурку красные от натуги старший

оперуполномоченный Костя Трапезников, Балабакин, Гривков, Ермолаев и еще человек десять, навьюченные оружием и патронами...

Мы перенесли раненых в помещение вокзала, коекак сделали перевязки. Когда я снова выбежала на перрон, то едва не столкнулась с Андреем Яковлевичем.

— Все сожгла? — спросил он на ходу.

— Все.

— Попробуй, Танюша, доставить раненых в больницу, к Григорьеву. Сумеешь?

Снова над нами совсем низко промчался самолет, рассыпалась сухая пулеметная дробь. Воробьев вместе с пограничниками бегом бросился к Западному мосту.

Кинулась к телефону, чтобы связаться с Григорьевым, главврачом железнодорожной больницы. Но связи по-прежнему не было. Я сбежала вниз, прихватив нашу аптечку, хотя и понимала, что это капля в море.

На перроне и в транзитном зале было полно пассажиров. Они помогли оказать пострадавшим первую помощь. Но вскоре бой разгорелся на привокзальной площади, и оттуда стали поступать новые раненые. Мы просто сбились с ног — ни медикаментов, ни перевязочного материала, а люди исходят кровью.

Когда у вокзала появился отряд Воробьева, многие военнослужащие и железнодорожники присоединились к нему. Пальба теперь шла и на Граевской, и на Московской стороне вокзала. Я совсем было отчаялась — на моих глазах умирали люди, а мы не могли ничем им помочь. И вдруг повезло — удалось разыскать подводу, на которой перевозили мусор на вокзале, и отправить тяжелораненых в железнодорожную больницу. С ними передала записку Григорьеву, умоляла прислать за остальными ранеными, хотя и сама понимала, что это почти невозможно. Однако через полчаса из больницы пришла «скорая помощь»...

За тонкими стенами сарая было слышно, что перестрелка в городе стихает, и только в стороне крепости не смолкал артиллерийский гул. Тревога за товарищей стала нестерпимой.

Прихватив с собой полбуханки хлеба — все, что оказалось в моей сумке, подобранной во дворе вместе с другими вещами, бросилась на вокзал.

Шла с оглядкой, памятуя о недавней встрече с фашистами. Когда наконец добралась до привокзальной площади, солнце уже скатывалось на крыши домов.

Вокзал скорбно смотрел пустыми глазами разбитых окон. Я попыталась сунуться туда.

— Хальт! — гаркнул солдат в каске и шагнул ко мне, подняв пистолет. Я отпрянула за угол.

В отчаянии, с трудом переставляя ватные ноги, потащилась обратно. Казалось, всех поубивали, и я одна на белом свете. Шла не таясь, все стало совершенно безразлично, сил уже не оставалось. Меня начал бить страшный озноб. Не помню даже, как дошла...

К Воробьевым смогла пробраться только на пятый день. Об Андрее Яковлевиче Прасковья Фроловна ничего не знала. Рассказала, что, убегая на вокзал после первых взрывов, он велел ей уходить из города. Собрала детей, помогла одеться отцу, пошли к Кобрину. Но скоро вернулись — кругом уже были враги, да и отец Прасковьи Фроловны, больной, старый человек, не смог идти дальше. Все просил, чтобы его оставили на дороге.

Едва вошли в дом, как нагрянули два фашиста с молодой вертлявой женщиной. Бесцеремонно вытаскивали вещи, оценивающе их разглядывали и все, что сочли достойным внимания, завязали в два узла. Унесли ручную машинку и патефон, забрали даже детское белье...

Потянулись гнетущие дни. Фашисты устанавливали «новый порядок», за нарушение которого немедленно следовала кара без суда и следствия. Появились полицаи. Ходить по городу стало опасно.

Когда неделю спустя снова зашла к Воробьевым, сразу поняла — случилось непоправимое. Прасковью Фроловну нельзя было узнать. Она даже не подняла головы мне навстречу. Молчала, словно не слышала моих расспросов, уставившись в одну точку.

Фрол Алексеевич тронул меня за локоть, увел в соседнюю комнату и рассказал, что накануне был схвачен Андрей Яковлевич по доносу Семенюка по кличке Маклер.

Я видела его не раз. Он нигде не работал, промышлял какими-то темными делами. Никто не знал его имени, за глаза все звали Маклером. Когда пришли фашисты, Семенюк расцвел, стал держаться барином, одеваться с шиком. В руках появилась трость с инкру-

стацией. Он по-прежнему пропадал где-то по целым дням, но, появляясь, уже не заискивал перед соседями, как прежде.

Однажды его трость неторопливо простучала по деревянной лестнице к Воробьевым. Вошел, по-хозяйски оглядел скромную обстановку, сел, не дожидаясь приглашения:

— Значит, так, пани,— сказал он с расстановкой Прасковье Фроловне.— Меня уполномочили передать, что если через три дня ваш муж не явится в комендатуру, то вы вместе с сыном и дочерью будете повешены.— Маклер помолчал, не спуская глаз с ее лица, и медленно повторил: — Через три дня. Ваш Вадим, Томилла. И вы тоже. Исключение гуманные немецкие власти сделают только для вашего отца... Вы все поняли?

Он помедлил немного, потом трость неторопливо застучала вниз по лестнице.

— Уходи, Паня,— сказал отец.— Уходи. Обо мне не тужи. Я свое отжил. Пусть «гуманные» меня вешают.

Где муж, Прасковья Фроловна не знала, но сердцем чуяла — жив. Он появился на рассвете второго июля, весь в угольной пыли, черный, как головешка.

Томилла крепко спала, но Вадим, заслышав голос отца, мигом вскочил, повис у него на шее.

— Погоди, сынок,— разомкнул его руки Андрей Яковлевич,— дай хоть умоюсь, а то совсем грязью зарос.

Прасковья Фроловна поливала над тазом, и он с наслаждением плескался под теплой струей. Раскрыла глаза и подскочила от радости Томилла;

— Папа! У тебя выходной! — захлопала в ладошки.

— Тише, тише, дочка,— погрозила ей мать, подавая мужу штатскую одежду.

И тут загрохотали по лестнице тяжелые шаги. В квартиру ворвалось несколько вооруженных фашистов, навалились на Андрея Яковлевича, связали его, стали зверски избивать.

— Комиссар? Комиссар? — хрипел верзила перед каждым ударом.

Воробьев молчал. Только когда его повели мимо сына, что-то сказал ему совсем тихо. Фашист развернулся и ударил прикладом в спину...

Через несколько месяцев после гибели Воробьева умер Фрол Алексеевич, и Прасковья Фроловна вместе с детьми ушла к партизанам, в отряд, который вскоре был назван именем Чернака, где и я, и Вадим уже были связными.

В недетском мужестве сына Андрея Яковлевича мне не раз приходилось убеждаться в первые дни войны, когда вместе с ним собирала оружие, не имея еще связи с подпольем, и потом, при выполнении заданий партизанского отряда. За бесстрашие и умение схватывать все на лету Вадима из отряда Чернака, где была «партизанским доктором» его мать, забрали в конную разведку отряда имени Щорса. К концу войны в свои неполные пятнадцать лет Вадим уже был награжден тремя боевыми медалями, в том числе медалью «За отвагу». Правительственные награды за мужество и самоотверженность при спасении людей заслужила и Прасковья Фроловна.

Глава VIII,

рассказанная майором внутренней службы в отставке Вадимом Андреевичем Воробьевым, в годы Великой Отечественной войны разведчиком отдельного партизанского отряда имени Щорса, проживающим ныне в городе Пскове

Оцепенев от ужаса, я смотрел, как фашисты остервенело били связанного отца, распаляясь все больше от бессилия заставить его говорить. Не мог отвести взгляда от окровавленного, изуродованного лица, на котором прежними оставались только глаза. Он неотрывно глядел на мать, даже тогда, когда судорога боли сводила тело. Словно никак не мог насмотреться. Я невольно повернулся к ней. Мать тоже не отрывала от него свои огромные горящие глаза. Казалось, они вели разговор о чем-то таком сокровенном и важном, что, кроме них, не имел права знать никто.

Мелькали кулаки, слышалось прерывистое дыхание, комната заполнилась водочным перегаром. Один из фашистов, дрожа от ярости, как заведенный твердил, четко выговаривая русские слова:

— Ты у меня заговоришь! Ты у меня заговоришь!..

Сколько все это тянулось, не знаю. Время будто застыло. Но я еще не знал тогда, что тяжелые удары, падавшие на отца, всю жизнь будут отдаваться во мне нескончаемой болью.

Мать не кричала, не плакала. Не двинулась с места, даже когда выталкивали отца из комнаты на лестницу.

Проходя мимо меня, он сказал очень тихо:

— Береги маму, сынок!

Фашист сзади ударил его прикладом с такой силой, что связанный отец рухнул с лестницы.

Несколько дней мать ходила немая. Она совсем поседела. Все делала машинально, как во сне. Молча покормив нас, садилась и замирала, уставившись безжизненными глазами в одну точку. Даже сестренка притихла, не приставала к ней.

— Покричи, дочка,— просил дедушка Фрол,— поплачь, легче будет...

Она ничего не слышала, сидела как мертвая...

На пятый или шестой день после ареста отца я шел по улице Ленина, на домах которой уже белели таблички с новым названием. Улица, такая оживленная прежде, теперь была пустынной. Город замер, как моя мать.

Я успел уже наглядеться, как равнодушно убивают людей фашисты. Но все равно не мог поверить, что отца, доброго, сильного, веселого, нет в живых. Планы его спасения роились в голове, и, хотя понимал их полную безнадежность, все казалось: стоит подумать еще немного — и выход будет найден.

Услышав шум идущей навстречу машины, даже не поднял головы. И вдруг замер — почудился окрик отца. Обернулся на голос. Машина была уже позади. В открытом кузове — солдаты с автоматами. В их кольце — двое в порванной одежде, один — в форме НКВД, другой в штатском. Вместо лиц у обоих — маски из бинтов. И вдруг тот, что был в штатском, сорвал с соседа фуражку и метнул в мою сторону. И тотчас на него навалились фашисты.

— Папа! — истошно закричал я.— Папа!..

Машина была уже далеко. Бежал за ней, пока она не скрылась из глаз. Потом вернулся за фуражкой. Она лежала у самого тротуара.

Поднял ее, отряхнул от пыли и, не помня себя, кинулся домой.

— Мама! — Мой голос сорвался.— Я видел папу!

— Где?! — Она бросилась навстречу, и у меня от безысходности перехватило горло: понял, куда везли отца. Не дослушав мой рассказ, мать схватила фуражку и затряслась от рыданий. Подошел дед Фрол, стал гладить волосы, как маленькой. Она долго не затихала...

Но с этого дня мать снова заговорила. Только яркий блеск ее глаз погас, и я никогда уже больше не видел тот горячий свет, который рвался из них, когда появлялся отец.

Она снова стала деятельной, быстрой на руку. С судорожной поспешностью приготовив нам поесть, надолго исчезала куда-то. Меня это очень устраивало — не надо было отчитываться за долгие отлучки.

Только потом, когда мы были уже в лесу, в партизанском отряде, узнал, что мать, так же как и я, была связной городского партийного подполья, которое поначалу возглавлял старый знакомый нашей семьи, бывший секретарь парткома железнодорожного узла Петр Георгиевич Жуликов.

Много лет спустя от разведчика нашего отряда Ивана Борисовича Степаненко, который через два месяца после начала войны был избран руководителем партийной подпольной группы станции Граевская, стало известно о расстреле отца. Об этом сообщил на первом заседании партийной группы в начале августа 1941 года Петр Георгиевич Жуликов. Мой отец был казнен неподалеку от Бреста на берегу реки Муховец.

Вместо эпилога

рассказ ведет заведующая научно-экспозиционным отделом мемориального комплекса «Брестская крепость-герой» Татьяна Михайловна Ходцева

Над Брестской крепостью ранним утром стоит чуткая тишина. Но если в молчании обойти руины, то можно услышать, как бьется ее живое сердце. Оно скупо отдает свои тайны. Многие герои, умиравшие здесь, остались безвестными. Но память о них не исчезла. Со всех концов земли люди несут сюда бесценные свидетельства их подвига. День ото дня наш музей становится богаче. В канун тридцатипятилетия первого дня

войны в одном из его залов появились новые документы о беспримерном подвиге защитников Брестского вокзала.

Как известно, наш город оказался на пути наиболее сильной группировки противника — группы армий «Центр». Немецко-фашистское командование придавало особое значение быстрому захвату железнодорожного узла для сохранения преимущества внезапности нападения и развития стремительности наступления.

27 июня 1941 года начальник штаба группы армий «Центр» Грейфенберг в секретном донесении докладывал генеральному штабу главного командования германских сухопутных войск:

«Уже в самом начале наступательных операций было необходимо овладеть цитаделью, и притом не только для того, чтобы вывести из строя опорный пункт, но главным образом для того, чтобы быстро овладеть шоссе и большим узлом дорог — Брест, имеющим решающее значение для всей операции в целом».

Для захвата путей на Москву сразу же после начала военных действий в районе железнодорожного моста через Западный Буг был высажен вражеский десант. В помощь ему были приданы части 10-й и 12-й рот, так называемого «800-го учебно-строительного полка «Бранденбург»», сформированного из молодчиков Канариса, переодетых в форму красноармейцев, пограничников, таможенников, железнодорожников. Им предстояло расчищать пути для продвижения войск, захватывать железнодорожные станции и мосты, совершать диверсии на важнейших объектах, сеять панику среди населения.

В приложении к специальному указанию главного командования сухопутных сил германской армии были не только перечислены объекты первоочередного захвата и уничтожения (десятки железнодорожных и автомобильных мостов в районе предполагаемых действий группы армий «Центр» от Бреста, Ломжи и Гродно — на западе до Слуцка, Барановичей и Лиды — на востоке, а также участки железных дорог и шоссе, узлы связи, склады), но и указано точное время, когда это должно произойти в соответствии с планом наступления. Вслед за первым молниеносным скачком фашистской армии предусматривался второй, нацеленный

на объекты, находящиеся в двухстах — трехстах километрах от границы.

Для подстраховки немецкое командование не жалело сил. «На рассвете мы заметили,— свидетельствует бывший рядовой 17-го погранотряда, ныне полковник запаса Герой Советского Союза М. И. Мясников,— приближающийся к пограничному железнодорожному мосту бронепоезд. Не успел я сообщить об этом на заставу, как бронепоезд открыл огонь по крепости и вокзалу. Одновременно начался артиллерийский обстрел и бомбежка».

В этих необычайно сложных условиях, невзирая на неизмеримое превосходство противника в живой силе и технике, начальник линейного отделения милиции на станции Брест-Центральный Андрей Яковлевич Воробьев сумел обеспечить сбор всего личного состава в считанные минуты после начала военных действий, расставить людей на решающих позициях защиты железнодорожного узла в соответствии с планом обороны, заранее согласованным с горкомом партии, Брестским гарнизоном и дорожным отделом милиции Брест-Литовской железной дороги, организовать взаимодействие с 17-м Краснознаменным пограничным отрядом, 60-м железнодорожным полком НКВД, военнослужащими, оказавшимися на вокзале, железнодорожниками, снабдить участников обороны оружием и боепитанием со складов трофейного оружия линейного отделения и военизированной охраны.

В итоге защитники станции Брест-Центральный смогли в первый день войны задержать продвижение немецких составов в сторону Москвы. План молниеносного наступления, расписанный в штабе главного командования германских сухопутных сил, был сорван.

Насмерть стояли на пути фашистов сотрудники этого линейного отделения и на других станциях дороги. Коммунисты Валеев, начальник линейного поста милиции на станции Владова, Назин и Иванов, оперуполномоченные на станции Брест-Полесский, сражались до последнего дыхания.

Из «Боевого донесения о взятии Брест-Литовска», захваченного позднее на одном из участков фронта, явствует, что в 18.30 22 июня 1941 года командующий 4-й армией еще не был уверен в возможности передвижения по железной дороге.

Первые сведения о героизме защитников Брестского вокзала проникли в печать на основе свидетельств противника. И лишь позже отыскались немногие уцелевшие участники обороны. Фашисты, потерявшие при взятии железнодорожного узла много сил, были убеждены, что имеют дело с воинским подразделением. Тогда как среди защитников военнослужащие составляли менее трети.

Матерый гитлеровский разведчик Отто Скорцени в своей книге «Легион Скорцени» писал: «Русский гарнизон крепости в буквальном смысле этого слова вел борьбу до последнего человека... То же самое было и в районе Брестского вокзала. Там солдаты противника сосредоточились в глубоких подвалах и отказывались сдаваться. Как я узнал позже, пришлось подвалы затопить, так как оказались неудачными все другие попытки взять вокзал».

Андрей Яковлевич Воробьев, сумевший задержать продвижение фашистской армии по стальным магистралям, был схвачен и расстрелян гитлеровцами на десятый день войны. Его семья ушла к партизанам и до освобождения Белоруссии Красной Армией сражалась вместе с народными мстителями. О сыне Андрея Яковлевича Воробьева, юном партизане, навечно зачисленном в батальон белорусских орлят, рассказывает посетителям наш музей. Приняв от отца эстафету доблести, В. А. Воробьев после службы в Советской Армии ушел на охрану общественного порядка. Когда последствия контузии и ранений, полученных в боях с фашистами, заставили Вадима Андреевича в 1968 году уйти в отставку, на его груди было одиннадцать правительственных наград. Но этот беспокойный человек с горячим сердцем по-прежнему в строю.

Недавно председатель Советского комитета ветеранов войны генерал армии Павел Иванович Батов и секретарь комитета Алексей Петрович Маресьев выразили Вадиму Андреевичу Воробьеву благодарность «за активное участие в работе по военно-патриотическому воспитанию молодежи».

Сотни людей ежедневно проходят по залам нашего музея. И каждый из них встречается с героями, сражавшимися в первый день войны на станции Брест-Центральный. Они стоят в одном строю с бессмертными воинами Брестской крепости. Как тогда, в тот самый длинный и страшный день — день начала Великой Отечественной войны.

ЮРИЙ ДОКУЧАЕВ

Осколки

Обычная сутолока после прихода очередного поезда спала. В конце перрона увидел крупного человека, склонившегося над малышом. Подошел.

— Ну что, милый, нюни распустил. Вытри-ка слезы. Вот тебе платок. Сейчас найдем твою маму,— услышал я.

В этот день я уже не отходил от подполковника милиции Константина Петровича Василенко, дежурного по линейному отделу Рижского вокзала Москвы. Стараясь не мешать, наблюдал за его работой и не переставал удивляться его способности к перевоплощению.

Только что он возился с мальчиком, и передо мной был добрый, заботливый человек. В кабинет дежурного ввели распоясавшегося хулигана. Крик, брань — через минуту-другую с хулигана будто ветром сдуло и фанфаронство, и пьяную удаль. А Константин Петрович даже не повысил голоса. На перроне что-то случилось. Василенко — большой, грузный человек, и в нем трудно угадать ту стремительность, с какой он через несколько мгновений оказался там, где был нужен. И вот, уже не торопясь, возвращается назад, а рядом с ним тот, кто минуту назад угрожал людям, пытаясь уйти безнаказанным. Здоровенный детина, а идет как паинька. Я только успел заметить, как Василенко предупреждающе положил ему на плечо руку.

Чем больше я узнавал Константина Петровича Василенко, тем больше вызывал он во мне искреннюю симпатию и интерес.

Он Герой Советского Союза. В войну командовал взводом автоматчиков. Значит, хватил лиха с избытком. Что же позвало его на работу в милицию? Сложность задачи? Желание не оставлять поле боя даже в мирные дни?

Мы встречались, беседовали, и постепенно я получил ответы на свои вопросы.

Начало

Марина Семеновна в колхозе слыла первой поварихой. Не было ни одного сколько-нибудь значительного праздника, чтобы не приходили за ней и не «били челом»: свадьба ли, окончание ли уборки табака, которым славится Северный Кавказ.

Мария Семеновна скорее для порядка, как первый на селе гармонист, как лучший тамада в округе, немного упрямилась, но потом всегда соглашалась. Впрочем, одна отговорка была у нее серьезная: семья. И немалая — Костя был пятым из шести детей Василенко. Три сына и три дочери.

А отец... Но это рассказ особый. Первый в колхозе мастер по ремонту косилок и борон, как говорится, мастер на все руки. Он был всеми любим и уважаем за добрый нрав, находчивость и за незаурядные артистические данные. Однажды так вошел в раж, что ради задуманной шутки не пожалел сбрить свои пышные казацкие усы. Переоделся и пришел на колхозное собрание в клуб. Представился новым районным начальством и был избран в президиум. Никто не узнал в нем односельчанина Петра Василенко. Сам не удержался, рассмеялся, видя, какие знаки внимания оказывает ему колхозное руководство.

Костя рос шустрым мальчишкой, редкий день являлся домой без ссадин и синяков, полученных при неутомимом «исследовании» окрестных балок и урочищ.

Сызмальства тянуло Костю к быстротечной Лабе — извилистой, с перекатами и водоворотами, как все реки, берущие начало в горах. Лаба — единственное место, куда ему строго-настрого было запрещено хо-

дить одному. Как-то упросил он старшего брата Якова взять его искупаться.

— Только так,— твердо сказал тот,— будешь сидеть на берегу. Искупаемся сначала мы, а тебя потом сам окуну разок-другой.

Старшие плавали наперегонки, выскочив из холодной воды на берег, грелись на солнце. Вдруг оглянулись — Костькина одежка на берегу, а его самого уже несет вниз по течению. Кинулись за ним. А светлая головка уже ушла под воду. Вытащили. С трудом отходили. Наградив затрещиной, повели домой.

А потом научился плавать так, что родители костиных приятелей спрашивали, отпуская их на реку: «А Костя Василенко с вами? Ну иди». Знали: что случится, Костя не растеряется. И действительно, не раз он за волосы вытаскивал из Лабы незадачливых пловцов.

В школу за четыре километра от хутора Костя не ходил, а бегал. Бегал туда и обратно в любую погоду, и рано утром, и поздно вечером, когда в школе приходилось задерживаться. Отменный вырос парень, здоровый, выносливый.

Когда закончил седьмой класс, классный руководитель предложил ему подумать о профессии. Рисовал Костя хорошо. Никто не учил, как-то сам потянулся к карандашу — и пошло. Стали они с приятелем Николаем Кривковым хуторскими художниками. Украшали школу, клуб. Костя был портретистом, а Николай любил рисовать пейзажи.

Учитель предложил Косте после семилетки попытать счастья в художественном техникуме в Майкопе. Но попытку эту Костя не успел осуществить. Началась война. Ушли на фронт старшие. Костя рвался уйти вместе с ними. А военком постоянно отвечал: «Жди, и до тебя дойдет очередь». Парень не находил себе места. Но очередь дошла. «Ну дождался, Василенко,— сказал военком,— отправляем тебя в авиадесантные войска».

Юность прошла в годы войны. В училище, в окопах, в госпиталях, где залечивал раны, и вновь — под пулями и разрывами мин и снарядов. Юность прошла в те многотрудные дни, когда солдат шел к Победе с миллионами таких же, как он.

«Я — из милиции»

Утро. Дождь мелкий, въедливый. Идти до платформы дачного поселка осталось немного. Вот уже сквозь поредевший перед железнодорожной насыпью лес показались станционные постройки, шире стала тропинка.

Справа набирал силу шум приближающегося состава.

«Опоздал!» Настроение, и без того неважное, совсем испортилось.

Василенко возвращался от фронтового товарища. Ездил советоваться, соглашаться или нет на предложение пойти работать в транспортную милицию. Съездил, но так ничего для себя и не решил.

На станции узнал, что электричка будет только через тридцать минут. И проклятый дождик сечет не переставая.

Перед самым приходом электрички пустынная платформа ожила. Пассажиры как из лукошка сыпанули. Слева, там, где не было ступенек, молодые и пожилые люди взбирались на платформу по скользкому от дождя настилу, помогая друг другу. Василенко заметил, как немолодая женщина, не сумев взять с ходу препятствие, забралась на платформу на коленях и долго потом вытирала платком выпачканные чулки. А поезда шли один за другим. Вот прогрохотал товарный состав, а вдалеке уже слышался густой, трубный сигнал следующего поезда. Чувство досады захлестнуло Василенко. Ну что за народ! Лень обойти платформу, так и лезут на рожон!

Надсадно свистя, скорый поезд приближался к платформе.

Все произошло в одно мгновение. Нет, никто из дачников под поезд не попал, хотя несколько человек явно рисковали жизнью.

Трагедия разыгралась в самом поезде, и здесь, у края подмосковной станции, видимо, должна была оборваться. Когда вагоны уже мелькали вдоль платформы, из одной двери выбросили человека. Поезд пронесся мимо. Василенко, не раздумывая, спрыгнул на полотно. Под платформой лежал парнишка. В не по-летнему теплой кожаной шапке и большом ватнике. Василенко нагнулся. Повернул тело. Крови на одежде не видно. С помертвевшего лица на него смотрели

большие черные немигающие глаза. Потрогал руки, ноги — целы. Осторожно повернул голову. Парнишка застонал. Неужто цел? Невероятно...

Вслед за ним спрыгнули еще несколько человек. Помогли поднять парнишку на платформу.

Кто-то рядом сказал: «Электричка идет», будто подсказывая Василенко, что делать дальше. Не обращая внимания на советы и реплики: «Нужно вызвать «скорую»», «И милиционера тоже!», Василенко твердо решил: «В Москву!»

Он взял пострадавшего на руки и шагнул в открывшиеся двери. В вагоне у первой лавки остановился, попросил: «Уступите, пожалуйста, место...» Какая-то женщина пыталась было затеять скандал:

— Да вы соображаете, что делаете? Что же вы-то, товарищи, смотрите? — обратилась она к пассажирам.— На сиденье — в ботинках, грязного, пьяного, смотрите, как вывозился.— Заглянула в лицо мальчишки, взвизгнула: — Милиция!

Василенко бережно опустил парня на лавку, снял плащ, свернул и осторожно подложил ему под голову.

Выпрямился.

— Шок у него,— спокойно сказал он.— Только что был на том свете. Чудом спасся. Может быть, шапка да ватник спасли. А милицию не зовите. Я — из милиции...

Дежурный отдела линейной милиции удивленно проверил его документы и спросил, как все произошло. Василенко еле сдержался, чтобы не возмутиться: «Что вы тянете, надо искать бандита!» Но дежурный, будто прочитав его мысли, спокойно, как показалось Василенко, сказал:

— Нам уже сообщили о случившемся. Наши сотрудники встретили поезд. Остается ждать. А вы свободны. Спасибо за помощь. Нужно будет, вас вызовем. Адрес мы записали. До свидания.

— До скорого свидания! — отозвался Константин Петрович. Ему вдруг стало легко, словно он сбросил с себя тяжелый груз. Так оно и было на самом деле, потому что сомнений уже не оставалось: свой выбор он сделал.

При оформлении на работу ему сказали: «Ваш фронтовой опыт в линейном отделе милиции очень пригодится».

Фронтовой опыт...

Поначалу, в десантных войсках, все пришлось по вкусу. Пригодились физическая закалка, выносливость, смелость, выдержка, смекалка — качества, заложенные с детства.

В воздушно-десантном училище был не из последних. Уже погоны младшего лейтенанта на плечах, а бывших курсантов все еще не торопятся отправлять на фронт. Часть перебазировалась, продолжались тренировки...

Советские войска подошли к государственной границе. «Когда же нам в бой?» Василенко добивался отправки на фронт.

— К сожалению, не можем пока послать в действующую авиадесантную часть. А в пехоту вы не...

— Согласен.

Скрытно несколько бойцов и офицеров добрались до командного пункта роты. Командир роты усталым взглядом оглядел прибывших, коротко, как на перекличке, познакомился и каждому дал задание. Спросил у Василенко:

— Ты что это в летной фуражке? Проштрафился?

— Я из авиадесантного училища.

— Ну-ну. Возьмешь взвод слева от меня. Командир вчера погиб.— Он обернулся: — Видишь тот садочек? Вон свежий холмик — его могила. Ребята во взводе приуныли. Найди с ними общий язык. Сейчас затишье. Значит, ждите сюрпризов. В бою не был?

Василенко, будто виноватый, пожал плечами.

— Ни черта,— сказал ободряюще комроты.

Неподалеку разорвался снаряд. Василенко весь напрягся, заметил, как улыбнулся одними глазами старший лейтенант.

— Я тебя не пугаю.— И кивнул на фуражку: — Снять не забудь. Снайперы давно ждут тебя с этим золотом. Смотри не подкачай!

Траншеями, вслед за пожилым связным, Василенко пошел в расположение своего взвода. Шел, смотрел под ноги, чтобы не споткнуться об ящики из-под пулеметных лент, не наступить на ноги бойцам, то тут, то там сидевшим в траншее в обнимку с винтовкой или автоматом.

Вдруг он наткнулся на спину вестового — тот неожиданно остановился. Глянул через его плечо. Впереди разбросанная земля образовала удивительно ровную, небольшую воронку. Земля еще дымилась. Чуть в стороне, стоя на коленях, двое солдат молча накрывали что-то плащ-палаткой. И по тому, как медленно и осторожно они это делали, он понял: «что-то» было человеком.

— Видишь, прямое попадание,— хрипло сказал связной.— Разве тут знаешь, куда укрыться.

Связной вылез на открытое место и, пригнувшись, побежал в обход воронки. Василенко ничего не оставалось, как последовать за ним. Но согнуться в три погибели показалось неловко. И тут же возле головы засвистели пули. Провожатый крикнул: «Чего маячишь? Так не дойдешь до своих-то!»

Василенко низко пригнулся и спрыгнул за связным в траншею. Впервые внимательно оглядев его, солдат с молчаливым укором сплюнул, поправил на плече винтовку и побрел вперед. Этот молчаливый укор и только что увиденное потрясли Василенко. «Ну вот она, ваша рать, принимайте, ребятушки, своего генерала»,— услышал он. Намек был явно на золотой краб на фуражке. Связной присел в сторонке, решив перекурить перед обратной дорогой. Василенко понял, что спешить ему ой как не хочется.

День прошел спокойно. Фашисты лениво постреливали. Наши почти не отвечали. Чего-то ждали.

К вечеру принесли обед. Ели молча. На командира поглядывали изредка. Распоряжался помкомвзвода. Василенко уже точно знал, чем вооружен взвод, запомнил несколько фамилий, присматривался к людям и был благодарен помкомвзвода, что тот, с его молчаливого согласия, принял боезапасы и приказал укрепить кое-где осыпавшуюся траншею. Казалось, ничего вокруг не предвещало опасности, если не считать одиночных выстрелов, редких пулеметных очередей да ракетной «перестрелки», озарявшей ненадолго то ту, то эту сторону.

Солдаты по очереди дежурили, а остальные спали глубоким, каким-то уж очень мирным сном.

Под утро все стихло. В первый предрассветный час принесли завтрак. Солдаты ели в полутьме лениво, не торопясь. Прибежал вестовой: «Командир приказал передать, чтоб...» Заработала как по команде артилле-

рия, рвались мины, пулеметные очереди словно выбивали барабанную дробь.

«Пошел фриц!» — крикнул помкомвзвода. Василенко, пригнувшись, поспешил вдоль траншеи, останавливался около каждого солдата и, стараясь говорить спокойно, повторял каждому одну и ту же фразу: «Братцы, смотрите за мной, как я — так и вы».

Никто не учил этому, но в тот момент ему казалось, что, обращаясь во множественном числе к каждому, он увеличивал численность своего взвода втрое, вчетверо.

Фрицы пошли. Все дальнейшее в памяти скомкалось в одно: гул, грохот, свист, вспышки и разрывы, вздыбленная земля, застлавшая солнце, плотно прилипшая к телу, мокрая от пота гимнастерка, нестерпимая жара.

Когда прямо против взвода появились четыре танка, Василенко инстинктивно поспешил к своему пэтэровцу. Тот, волнуясь, лихорадочно обстреливал то один, то другой танк. Стараясь перекричать гул боя, Василенко скомандовал:

— Прекратить стрельбу! Подпустим ближе.

Молча отстранив солдата, он припал к прикладу. Ждал. Танки приближались. За ними то справа, то слева появлялись группы вражеских пехотинцев. Василенко, не оборачиваясь, чувствовал, что солдаты, прекратив огонь, смотрели в его сторону.

Он выждал еще немного и выстрелил. Неудача. Еще выждал. Весь собрался и, как на стрельбище в училище, спокойно выстрелил снова. Стальная громада осела, развернулась. Пехотинцы побежали в сторону другого танка, вырвавшегося вперед. Казалось, уже слышен лязг его гусениц. Остервенело выплескивая на ходу огонь, танк шел прямо на окопы взвода. Василенко на секунду зажмурил глаза, чтобы снять напряжение, вновь открыл их и вновь, весь собравшись, выстрелил. На танке вспыхнуло пламя. Две другие громады как по команде круто развернулись, не сбавляя скорости.

— За мной!

Одним броском Василенко оказался на бруствере. Оглянулся — рядом бежали его солдаты. Стреляли на ходу по отступавшим. Ура!

Помнит Василенко первую ночь перед боем, а следующие не помнит. Они были такими короткими.

День первый, день второй, четвертый, шестой слились в сплошной непрекращающийся бой.

Помнит, как вновь, в который раз, выскочил на бруствер, как, догоняя его, бежали слева и справа «братцы». Как он кричал вместе с ними: «Ура!» Как что-то ударило в грудь, прошило острой болью. Помнит, как отказался лечь на носилки и, опираясь на плечи двух солдат, сам дошел до санбата. Помнит усталые, покрасневшие глаза командира роты, кричавшего хрупкой девушке-санинструктору: «Этого летуна сохраните! Он мне нужен!» Нестерпимо хотелось пить. Кто-то тихо сказал рядом: «Легкое навылет пробито...» «Сколько же дней я на передовой?» — попытался вспомнить Василенко — и не смог.

Висла

Дорога к Висле... Для него она пролегла через множество переездов. Из одного города в другой, из одного госпиталя в третий, потом в четвертый.

В штабе попросился в свою часть. К радостному удивлению солдат, прибыв в 102-й гвардейский полк, он снова стал командиром своего взвода.

На фронте солдаты порой верят в командира больше, чем в чудо. В Василенко поверили сразу, навсегда. А взвод был непростым. Украинец Присятник, русский Самохвалов, татарин Арсланов, казах Юсупов, узбеки Мирзахметов, Максуров, бурят Елаев — всего восемнадцать. Они словно бы олицетворяли собой ту великую, таинственную силу, которая помогла дойти до Победы. Они в своего командира верили. Поверил в них и он. И очень скоро взвод стал лучшим в роте, а может быть, в полку.

Василенко начинает свой рассказ о форсировании Вислы не с 1 августа 1944 года, когда его взвод одолел широкую реку, а с шестидневного похода к ней. Шесть дней и шесть ночей шел полк из-под Ковеля к Висле. Шли напрямик. То лес, то перелески. Сосна. А где сосна, там и песок. Первые сорок километров — в одни сутки. На вторые легла первая лошадь. В пушку впряглись солдаты. Песок. Бесконечный песок.

Люди «отдыхали» на проселках или редких дорогах, которые вскоре сворачивали в сторону. И опять начинался проклятый песок. Казалось, ему не будет конца.

На четвертые сутки тащили на руках уже все пушки. Привалы короткие. Весь путь рассчитан по часам. В штабе дивизии было установлено, когда, в какой день и час полк должен вступить в бой.

Ночью, в конце шестых суток, вышли к Висле.

Взвод спал, когда ранним утром связному удалось разбудить Василенко. На командном пункте командира дивизии тесно. Здесь собрались все офицеры, которые должны были повести солдат форсировать Вислу, закрепиться на том берегу и дожидаться подхода основных частей. Командир дивизии сказал:

— Время форсирования выбрано не случайно. Враг знает, что такие операции начинаются, как правило, скрытно, ночью. Готовятся к ним. Правда, форсировать днем опаснее. Их авиация по головке не погладит. Все зависит только от быстроты. Победа — в скорости. Первый десант пойдет на амфибиях. Командиры полков, выделите командиров первых трех рот — тех, кто начнет.

Три полка — 101-й, 102-й, 103-й — каждый выделял роту. Когда очередь дошла до 102-го, майор Ойхман, заметив шагнувшего вперед старшего лейтенанта Купчина, сказал:

— От моего полка начнет рота Купчина и приданный ему взвод Василенко.

Перед форсированием Василенко сказал своим солдатам:

— Каждый должен видеть другого. Я уйду вперед, а встретимся вон там,— и указал на смутно темневшие кусты на противоположном берегу, будто форсирование было уже позади.

За полчаса перед началом операции Василенко собрал свой взвод у отведенной для них амфибии. Солдаты выглядели подтянутыми, отдохнувшими, словно не было тяжелого перехода.

Выбрав минуту, он подошел к командиру батальона и протянул конверт:

— Товарищ майор! Сохраните, пожалуйста. Вода ведь.

— Что это?

— Комсомольский билет и фотография.

Посмотрев на документы и фотографию, майор Кулик спросил:

— Жена?

— Нет. Дивчина. Еще когда лежал в госпитале, познакомились.

— Значит, невеста. Симпатичная. Вот что. Бери фотографию. Плывите вместе.

Все произошло так, как рассчитал командир дивизии. Ровно в одиннадцать первые машины спустились в воду, и в ту же минуту артиллерия открыла шквальный огонь по берегу, занятому фашистами. Враг молчал, когда первая амфибия прошла середину реки. Молчал, когда подошли к первому, покрытому осокой и редкими кустами, островку. Очнулись, когда амфибия, на которой сидели Купчин и Василенко, завязла на песчаной отмели и солдаты спрыгнули в воду. Преодолев отмель, они, по пояс в воде, рванулись к берегу. Одни уже забирались на него, но вдруг неожиданно скатились обратно. Кто-то крикнул: «Там река! Это остров!»

Берег Вислы был дальше: за островком лежала протока, а островок простреливался очнувшимися фашистами с таким неистовством, что переходить через него было безумием.

Тут Купчин и Василенко расстались. Пригнув голову, скрываясь за берегом, Василенко подбежал к тем кустикам, куда должен был, по расчетам, уже переправиться его взвод. В адский грохот стрельбы ворвался вой «мессершмиттов». Самолеты охотились за амфибиями.

«Сейчас возьмутся за нас как следует»,— мелькнуло в сознании, и он побежал быстрее по самой кромке островка и видел впереди несколько плывущих солдат. С пистолетом в руке вышел из воды и поднялся во весь рост офицер в золотых погонах и бросился вперед. «Только что из училища»,— мелькнуло в сознании. И тут же увидел, как взмахнув руками, офицер опустился в воду, будто еще раз решил окунуться.

Василенко бежал, успевая замечать все, что творилось вокруг: и как исчезали в воде рвавшиеся к берегу солдаты, и как плыли другие, подняв над головами оружие, и как, приспособив на двух досках пулемет, толкали свой «плот» трое бойцов. Вот их осталось двое. Но по тому, с каким упорством они гребли руками, мелькнула мысль: «Эти доберутся».

Заметил, как, стоя по пояс в воде, девушка-санинструктор сорвала с себя мокрую гимнастерку и метнулась к тонущему, видимо раненому, солдату. А перед

собой увидел еще троих, лежащих в неудобных позах. Один держал в руке санитарную сумку. Догадался: «Ее работа. Она выловила». И, не останавливаясь, перепрыгнув через ноги лежавших раненых, устремился дальше. Вперед, вперед! И тут же какая-то теплота, радость захлестнула его. Он увидел свой взвод. Все! Его братва. Они лежали, как на стрельбище, цепочкой, под прикрытием намытой рекой полоски песка.

Весь взвод, повернув головы, смотрел в сторону бегущего Василенко, и выражение лиц менялось по мере того, как он приближался. Еще два прыжка — и он с разбега упал рядом с ними. Видя, что командир буквально задохнулся от бега, подполз Арсланов и прокричал:

— Смотри, командир! Вон пулемет!

Голос Арсланова потонул в вое «мессеров», вновь пронесшихся над головами. Будто градом осыпало лежащих...

Василенко увидел впереди над кустарником огненный язык крупнокалиберного пулемета.

Не теряя его из поля зрения, он переполз к своему ручному пулемету и открыл огонь. Дуэль продолжалась недолго. Василенко показалось, что прошла вечность.

Когда вражеский пулемет умолк, командир, схватив автомат, вскочил и крикнул:

— За мной!

К счастью, протока оказалась неглубокой. Вот уже он на берегу, вот взлетел на откос. До траншеи два шага. Чуть левее увидел своего врага с откинутой головой, вцепившегося мертвой хваткой в рукоятки пулемета, и тут же заметил офицера, вынырнувшего из-под бруствера. Тот судорожным движением взметнул парабеллум. Но выстрелить не успел. Василенко сверху, держась за ствол автомата, ударил врага прикладом.

Со всех сторон в занятую траншею соскакивали его солдаты. По сигналу командира справа и слева взвод гранатами и автоматными очередями очистил фланги. Отсиживаться было некогда. Василенко увидел, как неподалеку, из соседнего укрепления, побежали солдаты в серых мундирах.

— Вперед!

С командного пункта как на ладони были видны огороды на том берегу. Командир дивизии, не скрывая радости, обернулся к командирам полков:

— Вот этих уже не утопят! Ваши, Ойхман?

— Мои,— не отрывая глаз от бинокля, ответил майор.

— Кто?

— Младший лейтенант Василенко со своим взводом.

— Только бы не остановились! Найдите потом лейтенанта. Видите, отходят фашисты справа и слева. Почувствовали, что мы уже у них в тылу. Танки, танки на переправу. Василенко к награде и весь его взвод!

Останавливаться Василенко и не думал. Понимал, что здесь, на открытом месте, окопаться они не успеют. Взвод и присоединившиеся к нему солдаты из других рот добежали до леса. Да какой там лес! Просто реденький перелесок, впереди просматривалось поле. Оставшиеся в живых фашисты пытались там залечь.

— Вперед!

— Командир, кончились патроны.

— А это что? — крикнул Василенко, показывая на трупы гитлеровцев и брошенное оружие. На сбор автоматов, дисков, гранат ушли считанные секунды.

— Вперед!

За леском увидели бегущие серые шинели, их стало намного больше. Откуда? Наверное, тыловые службы.

— Не останавливаться! Вперед, братва!

Гитлеровцы добежали до настоящего леса и на опушке как в землю провалились. «Траншея»,— понял Василенко. Петляя, чтобы не стать мишенью, солдаты с ходу свалились в траншею.

Ее хозяева не приняли рукопашной, кинулись наутек.

Василенко осмотрелся.

— Все целы? — спросил он.

— Двое ранены, и те не тяжело. Держатся. Перевязываем.

— Пересчитайте всех, и тех, кто из других взводов.

— Да человек тридцать будет, и девушка-санинструктор с нами.

Прибежал солдат:

— В машине, брошенной фашистами, медикаменты и кульки с посылками, с едой,— помедлив, нерешительно добавил,— спирт есть.

— Медикаменты санинструктору, еду раздать! Окопаться! Спирт сюда! Весь! Сдать помкомвзвода. Часть санинструктору для медицинских целей. Рано

еще праздновать! Фашист скоро очухается. Соберите брошенное оружие, патроны, гранаты. Поищите ручные пулеметы. Быстро!

Василенко вытер рукавом забрызганный грязью циферблат часов: второй час. Прикинул, сколько ушло на форсирование, сколько преследовали врага,— и удивился: неужели от берега около четырех километров?

Минут через сорок сообщили, что появилось подкрепление. Взвод ротных минометов был послан вдогонку Василенко и расположился неподалеку, метрах в двухстах в неглубоком овражке. Командиры установили связь.

— Где наши-то? — спросил Василенко минометчика Иванова.

— Вся дивизия перебирается. Ты впереди всех. Командир дивизии велел тебя разыскать. Слышишь, что там делается?

Слышны были взрывы, стрельба, рев авиационных моторов. Над переправой шел воздушный бой.

Первая атака на траншею, занятую Василенко, была скорее разведкой врага. Как поведут себя смельчаки?

По команде Василенко взвод выжидал, пока как можно больше гитлеровцев не вышло на пятидесятиметровую полосу, отделяющую траншею от леса. Подвели ребята из других частей, не выдержали, открыли огонь. Получили взбучку. Особенно разорялся Юсупов.

— Не хочет жить — стреляй как баран, хочет жить — слушай нашего командира!

Под вечер послышался гул приближающихся танков. Танки шли с тыла. И пока еще трудно было разобрать — свои это или чужие.

Василенко почувствовал среди солдат замешательство. И минометчики не стреляли. Чужие? Или свои? Медлить было нельзя. Вместе с пятью солдатами Василенко пополз танкам навстречу. По дороге остановился, сказал:

— Будем действовать, как в кино «Мы из Кронштадта».

Солдаты не поняли.

— Да очень просто. Танков два. Разделимся — и на броню. По пулеметам прикладами...

И тут заметил не черные кресты, а звезды на

башнях, узнал тяжелые ИСы. Побежали навстречу открыто.

— Как вы переправились? — удивился Василенко.

Танкисты тоже обрадовались, встретив своих:

— Чудом. А Василенко здесь нет?

— Здесь.

— Жив? Командир дивизии приказал найти и беречь его.

— Будем беречь,— ответил Василенко.— А вы куда?

— На этой поляне нас накроют. Попробуем обойти лес и ударить с той стороны. Там скапливаются фашисты. Передайте Василенко, что он представлен к Герою.

— Передадим.

Одиннадцать контратак отбил взвод Василенко. Одиннадцать раз гитлеровцы пытались оторваться от леса и сломить упорное сопротивление горсточки советских бойцов.

А под утро подошла рота своего, 102-го полка. Раненых эвакуировали, а командир подошедшей роты не сразу поверил, что десятки вражеских трупов перед окопами — дело одного взвода, что только трое солдат тяжело ранены и один убит. Василенко отправили в тыл с тяжелым осколочным ранением в затылок. А остальные остались сражаться на занятом плацдарме, мстя за убитого, за раненых, за командира.

Юсупов, когда медсестра перевязывала ему руку и приказала готовиться к отправке в тыл, сказал:

— Нельзя, доктор. Командир придет. Спросит, где Юсупов? Что скажет?

— Командир тяжело ранен. Не придет.

— Ой, доктор. Ничего не понимаешь. Он обязательно придет.

Командир пришел. Поправился после ранения и вновь попросился в свой взвод.

И снова бой...

Январь 1945-го. Граница гитлеровской Германии. Еще один бросок, еще одно усилие, и полк перейдет границу. Было за что драться. Позади — разрушенные фашистами города, истерзанная, выжженная огнем земля Родины, осиротевшие дети и овдовевшие женщины.

Всем сердцем понимал Василенко это всенародное великое страдание Родины. И обрадовался, когда новый командир роты капитан Птицын сказал:

— Возьми своих автоматчиков, прочеши вон тот лесок...— Улыбнувшись, добавил: — Последний лесок перед границей.

Прочеши лесок! Лесок был битком набит гитлеровцами. «Тут их больше роты, может быть, батальон»,— подумал Василенко, и вскоре по его просьбе полковые пушки открыли по лесу огонь.

Взвод Василенко вступил на землю рейха. Впереди — Берлин.

Однажды километрах в ста или чуть больше от столицы фашистской Германии полк наткнулся на сильное сопротивление. Пять или шесть аккуратных домов, железная дорога. Каналы и залитая водой низина справа. А за железнодорожным полотном канатная фабрика.

Поселок не раз переходил из рук в руки. Взвод Василенко был прикомандирован к штабу полка. Ночью его вызвали к командиру.

— Сколько у тебя солдат?

— Четверо на отдыхе, четверо на постах. Остальные со мной.

— Немного,— сказал командир полка Казаков.— В поселке в подвале одного из домов, рядом с канатной фабрикой, застрял капитан Вайваков, командир роты минометчиков. Он контужен. С ним несколько солдат. Кругом гитлеровцы. Вайваков вызвал огонь на себя. Не поднимается рука. Фашистов все равно не уничтожишь. А наших как пить дать накроем. Ночью проберись туда со своими людьми, вызволи минометчиков. Гитлеровцы вроде бы не подозревают, что наши парни у них в самой середине. Так что соображай.

— Поговорить мне с ним можно?

Казаков приказал связисту соединить Василенко с Вайваковым. В трубке раздался приглушенный голос.

— Слушай меня, капитан, это я, Василенко. Ты не шуми там. Сидите смирно. Иду на выручку,— он на секунду задумался,— со мной сорок человек. Буду действовать по усмотрению. Как услышишь наше «ура», выскакивайте — и к нам навстречу. Только нас не перестреляйте. Понял?

— Понял! — откликнулся голос.

Казаков удивился, откуда сорок, но перечить Василенко не стал. Во тьме бесшумно перебрались через колючую проволоку. Почти ощупью добрались до глубокой траншеи, залегли. Впереди смутно угадывались какие-то строения. Неожиданно совсем рядом как из-под земли возникла фигура человека. Разобрать, свой или чужой, невозможно. Стоит как привидение, автомат наперевес. Без каски, в пилотке. По каске Василенко разобрал бы. Черт его знает, кто это: фашистский ли дозорный вылез на шум из своего окопчика, или наш, отставший во время последней контратаки.

Здесь Василенко сообразил, что «призраку» должно быть лучше его видно и каска, может быть, отсвечивает. Осторожно, без резких движений стал поднимать на край траншеи автомат.

«Призрак» ждал. «До утра будем в прятки играть, что ли?» — подумал Василенко и стал прицеливаться. В этот момент «призрак» будто камень швырнул в траншею. Швырнул метко. Граната ударилась о правое плечо, соскользнула в яму с водой, на краю которой стоял Василенко, и не разорвалась. Тут же раздалась короткая автоматная очередь, и дозорный свалился как подкошенный.

И вновь тишина. Вновь облака заволокли луну. Вновь ползли в кромешной тьме к поселку.

Но вот их услышали. Затявкали автоматы, заработали крупнокалиберные пулеметы. На выстрелы по приказу Василенко полетели гранаты. Взрывы, треск — все слилось в один непрерывный гул. И вдруг в тылу фашистов рванулось мощное «Ура!». У них началась паника. Выскочили из подвала солдаты Вайвакова. Бросились вперед и василенковцы.

Мглистый рассвет застал солдат Василенко уже у насыпи железной дороги. Отдышались. Солдаты рвались вперед. Откуда-то тащили фаустпатроны. Обнаружили склад. Но куда больше радовали Василенко два легких орудия с грудой патронных ящиков и появление солдат, не успевших покинуть поселок при последней атаке наших частей и спрятавшихся в подвалах домов и в погребах.

Войско Василенко росло. Гитлеровцев, появившихся у ворот канатной фабрики, встретили с железнодорожной насыпи ураганным огнем.

— Василенко! Василенко! Командир приказал закрепиться на насыпи и ждать подхода батальона,—

глотая слова, захлебываясь от бега, прокричал появившийся откуда ни возьмись связной.

От орудийного залпа в щепки разлетелись ворота, рухнула часть стены, и несколько человек, вскочив раньше Василенко, скатились по другую сторону насыпи прямо к воротам фабрики.

Перегоняя своих солдат, Василенко ворвался на фабрику. Подоспевшему связному сказал:

— Доложи командиру полка: поселок свободен, фабрика взята. Здесь будем закрепляться.

В этот момент послышалось завывание мины.

Раздался взрыв. Первое сознание, первое ощущение — полная глухота и боль с правой стороны лица и груди. Его отнесли в подвал.

— Шинель разрежьте вот здесь,— сказал Василенко и показал на правый бок. Собственные слова он слышал, как будто издалека: «Бум-бум-бум...» Разрезали шинель. Из-под ребра торчал осколок. Многие к сорок пятому научились санитарному делу. Вытащив осколок, промыли и перевязали кровоточащую рану. Наложили на правое распухшее ухо повязку и надели на голову шлем. Зачем? Так, для безопасности, наверное.

В голове гудело. Подбежавшему незнакомому лейтенанту Василенко, превозмогая боль, сказал:

— Круговую оборону. Собрать все оружие. Ждите наших.

Очнулся в тот момент, когда услышал голос командира полка. Он стоял с командиром батальона и, распекая его, показывал на лежащего Василенко.

Последнюю фразу услышал явственно:

— Немедленно в госпиталь!

Из полевого госпиталя Василенко наотрез отказался эвакуироваться в тыл. И были на то причины. Ребята из его взвода, командиры взводов и рот родного 102-го гвардейского орденов Красного Знамени, Суворова и Богдана Хмельницкого стрелкового полка часто на попутных машинах с артиллеристами, подвозившими боеприпасы, наведывались к нему в госпиталь, почти ежедневно с радостными вестями. Константин Петрович уже знал, что за форсирование Вислы он представлен к званию Героя Советского Союза, за переход с оружием в руках границы фашистской Германии — к ордену Отечественной войны I сте-

пени. Орденами и медалями были награждены все солдаты его взвода.

Да, тяжкий фронтовой опыт Василенко, который очень пригодился в транспортной милиции, научил его многому: молниеносной реакции, железной выдержке, высокому мужеству. А главное — вере в людей, желанию любить и беречь их.

Счастье

Правда, теперь перед Константином Петровичем другие люди — не только откровенные преступники, таких мало. Чаще — безвольные, опустившиеся, потерявшие веру в себя и не отдающие отчета в своих поступках.

И он делает все, что в его силах, чтобы вернуть им человеческое достоинство.

Осколки в теле общества, говорит о них Василенко. Они так же мешают жить людям, как ему — осколки, застрявшие в затылке, вызывающие головную боль.

И какое счастье испытывает он, когда видит, что порой его усилия, его настойчивость помогают оступившимся людям найти верную тропу в жизни.

Может быть, именно поэтому его видят часто в школах, на родительских собраниях. Он стал ходить по школам с того самого дня, когда его ошеломило страшное известие: подросток бросил камень в проходящий поезд, разбил окно и девочка, совсем ребенок, оказалась на всю жизнь слепой. Осколки стекла попали ей в глаза. Жертвой такой же «забавы» стал летчик, Герой Советского Союза. Он вернулся с фронта живым, невредимым. Летал. Теперь он — инвалид.

Чтобы предотвратить такие преступления, совершенные бездумно, озорства ради, он ездит из школы в школу, из пионерского лагеря на детские площадки. И когда ребята замирают, слушая его невыдуманные истории, Константин Петрович, глядя на их взволнованные лица, чувствует, что эти уже не бросят камень в проходящий поезд, не затеют игр на железнодорожном полотне. И остановят других...

Больше двадцати лет Василенко активно борется с нравственными пороками, с преступностью и, несмотря на это, не потерял веру в людей, не разучился любить их и делать все от него зависящее, чтобы им спокойнее жилось и работалось.

АЛЕКСАНДР НИЛИН

Сорок пять километров на карте безопасности

Безопасность — результат. Результат особой работы, работы круглосуточной, постоянной. Справедливо и строго именуемой службой.

Однако, как условились мы со старшим лейтенантом, обо всем по порядку...

С каждым может случиться...

Ну кто же считает себя в подобной ситуации «каждым»? А тут тем более такой человек — представительный, авторитетный, самостоятельный. Морской офицер, капитан второго ранга, бравый, видавший виды. И простой, общительный — все в вагоне успели его полюбить. Возвращался он из отпуска — ехал с Запада к себе на Камчатку. Отдохнувший, загорелый, полный сил. Поговорили, и прилег он отдохнуть, задремал. Проснулся после станции Облучье, хватился — нет чемодана.

Слышал, конечно, наш моряк всякие истории про кражи. Но кто обычно в таких историях попадал в беду? Несмышленыши. И вдруг с ним, с бывалым командиром, такое приключилось. Да бог с ним, с чемоданом, с вещами, хотя реглан меховой, новенький, конечно, жалко. Так ведь в чемодане и документы, и ордена — боевой человек, заслуженный,— и, пожалуй, главное: важный служебный пакет. Как быть, на кого поду-

мать? «Я привык людям верить»,— твердил капитан второго ранга, а кулаки сами собой сжимаются. Попадись ему сейчас вор... А где он, вор? Ищи ветра в поле, он давным-давно с поезда сошел. Сто километров уже проехали, поезд подходит к станции Бира. Проводник говорит: «В Бире линейный пост транспортной милиции». «Какая милиция, когда столько проехали, ищи-свищи теперь...»

В Бире стоянка поезда десять минут. Проводник все-таки успел дать знать в милицию, и, едва состав сбавил ход у платформы, в вагоне потерпевшего появился начальник линейного поста старший лейтенант Боровик.

Не мог знать, разумеется, ни капитан второго ранга, ни сочувствующие ему пассажиры, что на груди старшего лейтенанта, ветерана Великой Отечественной войны и транспортной милиции — тринадцать высоких наград, а в его послужном списке — более сорока поощрений. Что за последние пять лет на вверенном ему участке железной дороги нет ни одного нераскрытого преступления.

Да, успех неизменно сопутствует Боровику. Однако предположения моряка о том, что обращаться в милицию бесполезно, тоже основаны на чьем-то горьком опыте. Худая слава, как известно, далеко бежит. Так уж получается, что в каждом отдельном случае нарушения законов испытанию подвергается репутация всей милиции.

И, может быть, даже лучше, что так скромно появляется в купе попавшего в беду моряка Михаил Дмитриевич и вроде бы не спешит никого обнадеживать.

Нет, это только кажется, что обнадеживать он не спешит. А надежда — надежда обязательна в его рабочем состоянии: он и сам надеется, и в других вселит надежду. Говорит сейчас, правда, мало. Зато слушает: не то чтобы внимательно — просто-таки жадно. Он сейчас чувствителен, как фотопленка: приметы подозреваемого должны «впитаться» в него — он мысленно проигрывает и «партию» потерпевшего, и «самочувствие» исчезнувшего вора, считает за него, подобно шахматисту, варианты возможных ходов. И, как иногда шахматист, он в цейтноте — время не терпит. Поезда в Бире редко стоят дольше десяти минут. Поэтому надо спешить, не суетиться. Истинный врач никогда не

может сказать больному «потерпите» равнодушно. Он чувствует чужую боль, как свою, не может привыкнуть к виду страданий. Сочувствие Боровика потерпевшему не бывает вежливой формальностью. Служит он давно. С железной дорогой у него связана вся жизнь.

В 1940 году после окончания сельской семилетки поехал в Уссурийск в железнодорожное училище. Закончил дней за десять до начала войны — приобрел специальность слесаря по ремонту паровозов.

В сорок втором году его призвали — и до сорок девятого он в армии: в войсках внутренней службы, потом в пограничных. Транспортное его «прошлое» учли — он охранял вагоны со снарядами, с продовольствием. Вступали в занятые с боями города — вкапывали столбы, натягивали на них проволочное заграждение. Обозначалась граница, которую предстояло охранять.

Все само собой связалось, словно и не могло по-другому произойти.

У станции Бира железнодорожный путь изгибается, образуя полукруг. Боровик именно там и стоит, когда подходит поезд, и видит одновременно и голову состава, и хвост.

И вот стоит так однажды и видит: идет человек с двумя чемоданами. Поезд не успел остановиться, а он уже проходит мимо — незнакомый, нездешний.

Боровик к одному, другому проводнику: «Кто у тебя сошел, не дожидаясь полной остановки?» А тут и мужчина к ним подбегает растерянный: ну так оно и есть — увели чемодан.

А того, нездешнего, давно и след простыл, конечно. Опрос показал: проходил плотный — правильно, плотный, очень плотный — без чемоданов. Куда дел? В автоматическую ячейку камеры хранения? Скорее всего. Но на все предположения, проверки — десять минут. Стоянка поезда.

Чемодан обнаружили — все приметы совпали с описанными. Отдать потерпевшему? А вор — пусть уходит? Успокоили пассажира — вещи в сохранности. Подождите немного, ладно?

Двоим подчиненным Боровик велел переодеться — остаться на вокзале: придет этот плотный мужчина за ворованными вещами. Ждут день — нет, ждут второй, третий... Пришел. Взял билет в кассе и только тогда к камере хранения подошел. Теперь главное — задер-

жать с чемоданом в руке, а то ничего потом не докажешь. Что-то надо придумать: толкнуть его, допустим, нечаянно. Заспорить с ним шумно, чтобы Боровику подойти в форме, найти повод задержать: «Никто вас, гражданин, не винит, вполне возможно, они вас обидели, сейчас разберемся, кто прав... Чемодан-то, простите, ваш?» — «Мой. Продукты везу». В чемодане — Боровику известно — костюм, отрез. Улики налицо — задержали того, кого следует.

В штате линейного поста шесть человек. На участке дороги — на каждой станции и в самой Бире — восемь постоянных и десятки добровольных помощников из железнодорожников, местного населения. Внештатные уполномоченные подбираются из самых уважаемых в округе людей. Это все опытный народ, знающий досконально специфику транспорта. Жердев, например, Николай Константинович — дорожный мастер. Или вот Владимир Гончаров — с ним Боровика сдружило обоюдное увлечение фотографией. Без фотографии в криминалистике далеко не уйдешь. Боровик увлекся, перенял у Гончарова немало полезного, но и сам ему кое-что преподал. Внештатный уполномоченный должен уметь и оформить первичный материал для следователя, и свидетелей опросить. И не стесняться совет штатному работнику дать, поделиться возникшими соображениями. Совету будут только рады.

— Помощь по-всякому может выразиться. И хорошо, когда можешь рассчитывать на нее постоянно,— говорит Боровик.

День без чрезвычайных событий — или, назовем поскромнее, происшествий — таких ведь большинство — никак не назовешь спокойным.

Ожидается поезд, следующий с Востока на Запад. У дежурного никаких оснований для тревоги. Подходит поезд.

Из-за тепловоза появляется гражданин и направляется в вокзальное здание. «Почему из-за тепловоза?» — не может не заинтересоваться Боровик. Он успел заметить: у пассажира забинтована рука. Стараясь не привлекать к себе внимание, как бы случайно заглянул в зал ожидания — тот сидит себе на лавке. Не понравилась и поза сидящего — сам себе пока еще не мог объяснить, чем именно не понравилась. Но чувствовал, что правильно делает, что не теряет человека с перевязанной рукой из виду. Теперь бы подойти к

нему незаметно. Дежурному Боровик велел отставать от себя не больше чем на шаг.

У Боровика за годы работы сложилась определенная манера — резких жестов он избегает, громко говорит редко, корректность в обращении просто подкупающая...

Вот и сейчас не сразу подошел к сидевшему с забинтованной рукой. Сначала проверил документы у нескольких человек, поговорил с одним, с другим. И к нему как бы невзначай обратился, так, к слову пришлось: «У вас, мол, рука, кажется, поранена? Тут у нас медпункт...»

Однако неотложную медицинскую помощь чуть было не пришлось оказать самому Михаилу Дмитриевичу.

Человек с перевязанной рукой выхватил из-за обшлага опасную бритву... Хотел по горлу чиркнуть, да дежурный, четко соблюдавший указанную дистанцию, отреагировал вовремя.

Как готовить себя к такой жизни, полной опасности? Как избежать душевной, так сказать, амортизации? Впрочем, физическая — не менее опасна. Особенно для работника органов, от оперативной работы не освобожденного. Ответ один — быть всегда в форме.

В Боровике в рискованных ситуациях сразу просыпается азарт, в других случаях ему совсем несвойственный. Он маскирует его обычной своей деликатностью. И он же не силач, приемы борьбы ему нужны для пользы дела, и поэтому он неутомим в их изучении. Два раза в месяц по восемь часов в день положили себе сотрудники линейного поста на усиленную тренировку. Лыжи, бег, гимнастические снаряды в спортзале. Городки очень уважают. И футбол, и волейбол. Спортивности требует не начальство — практика.

Но паче всех наук — знание людей. Это знание определяет успех. А дается оно годами работы.

Делать людям доброе всегда старается старший лейтенант милиции Михаил Дмитриевич Боровик.

В благих намерениях работников милиции никто не сомневается. Уровень квалификации подразумевает высокие человеческие качества. Но борьба есть борьба. И в наших же интересах, чтобы мобилизованными на нее были люди решительные, энергичные, не пасующие перед озлобленностью, жестокостью нарушителей.

И не можем не ценить в милиционере способность быть суровым, строгим и непримиримым к нарушителям. То, что милиционерам чаще, чем другим, приходится иметь дело с преступниками, может привести к чрезмерной подозрительности, вызвать недоверие к людям. Но охраняющий других и сам должен быть охранен нравственно.

Охранная грамота Боровика — доверие к людям. Твердо знает старший лейтенант, что среди им обезвреженных есть и такие, кто сбился с ноги, оступился, кто нуждается в том, чтобы ему протянули руку помощи...

Как помните, обворованный капитан второго ранга считал свой случай безнадежным. И своих сомнений он от начальника линейного поста скрывать не собирался.

С другой стороны, могла ведь когда-нибудь и Боровику изменить удача? И лучше бы до поры, до времени не обещать. Всякое бывает...

«Всякое бывает» — не разговор для Боровика.

Он не просто верит в удачу, а гарантирует ее.

— Если приметы обрисованы правильно, чемодан мы найдем,— говорит он потерпевшему.— Но тогда придется сойти с поезда, остаться со мной для опознания...

Моряк соглашается.

Вместе они проверяют поезда — один, другой, третий...

Четвертый состав. Пожалуйста — в последнем вагоне на верхней полке на расстеленном меховом реглане спит человек. Так и есть, бывший попутчик моряка!

* *
*

Мы определили расстояние безопасности, исходя из длины участка, подведомственного линейному посту, где начальником Боровик М. Д.

Но пройденные в интересах безопасности граждан пути старшего лейтенанта гораздо длиннее. И много еще сюжетных поворотов и встреч предстоит ему и его товарищам на этом пути.

НАРИМАН ДАДАБАЕВ

Великий хашар

Стоят над арыком еще зеленые чинары. С крон с тихим шорохом падают желтые листья.

— Хорошая примета,— говорит Исмаил Арипович.— Если крона чинары начинает желтеть изнутри — быть доброй осени.

С Исмаилом Ариповичем мы не виделись несколько лет. Изредка обменивались письмами, по праздникам — открытками, чаще телефонными звонками. За минувшие годы он стал подполковником, его наградили орденом Красной Звезды. Линейный отдел милиции, который он возглавляет, сегодня один из лучших на Среднеазиатской дороге. Спрашиваю про детей:

— Как Исмаил джан? Как Ибрагим и Рустам?

Исмаил Арипович смеется:

— О, мой старший, совсем самостоятельный мужчина. Институт народного хозяйства в Ташкенте окончил. Это раз. Сейчас главным бухгалтером управления связи в Сырдарьинской области работает. Два. Женился. Три. Ибрагим еще в студентах ходит, а Рустам в Омске на офицера милиции учится.

— А как Муккарам и Насиба?

— О! Мои красавицы тоже в люди вышли. Муккарам в больнице — врачом, Насиба — учительствует. В Гулистане обе. Поедем? Почетным гостем будешь.

— Ну, а маленький джигит уже в школу пошел?

— Бахтиярчик? В третий класс этой осенью отправился. Представляешь, говорит мне: ата, вырасту большим, буду, как ты, железнодорожным милиционером. Не просто милиционером, а железнодорожным!

Мы подходим к углу Пушкинской и Хорезмской. Прямо перед нами монумент «Дружба». «А помнишь, когда его строили?» — спрашивает Арипов. «А не забыл, что было на этом месте?» «А знаешь, кто работал здесь?..»

* *
*

Станция Хаваст жила своей обычной жизнью. В сторону Самарканда только что ушел пассажирский поезд, и красные огоньки хвостового вагона вскоре исчезли за семафором. Маневровый тепловоз медленно подтаскивал к горке вереницу платформ с новенькими хлопкоуборочными машинами. Голос диспетчера, усиленный динамиками, предупреждал дежурных о скором прибытии на второй путь состава из Ленинабада.

Все было знакомо и привычно. Исмаил Арипович Арипов вышел из дежурки около двадцати четырех часов. Постоял на перроне, вдыхая вечернюю прохладу.

Линейный отдел милиции Арипов принял недавно, вскоре после окончания высшей школы МВД. Со станцией Хаваст у него были связаны почти все годы милицейской службы, однако с нового поста многое Арипов увидел другими глазами. Одно дело, когда он отвечал только за порядок на вокзале, и совсем иное — когда на плечи легла ответственность за весь линейный отдел.

От станции Хаваст магистральный путь из Ташкента расходится на Бухару и Самарканд, Ленинабад и Андижан. Хавастский линейный отдел — это сотни больших и малых станций, разъездов и полустанков, это не один десяток сотрудников милиции.

Начал Исмаил Арипович тогда со встречи с первым секретарем Хавастского горкома партии Эркабатом Исламовичем Исламовым. Разговор был без предисловий, потому что их первое знакомство состоялось давно, в пятьдесят третьем году, когда молодой инструктор горкома партии Исламов помогал начальнику линейного поста старшине милиции Арипову готовиться к вступлению в партию.

— Растут, растут наши кадры,— приветливо встретил Арипова Эркабат Исламович.— Проходите, проходите, Исмаил Арипович. Признаюсь, ждал я вас.

Он вышел из-за стола, крепко пожал Арипову руку и усадил его за приставной столик. Исмаил Арипович щелкнул застежкой кожаной папки. Перебрал несколько бумаг, потом уложил их обратно, решительно отодвинул папку в сторону.

— С добрыми вестями? — спросил секретарь.

— Добрых вестей, Эркабат Исламович, пока мало,— ответил Арипов.— Процент раскрываемости преступлений низкий, дисциплина в отделе хромает.

— Знаю, знаю, Исмаил Арипович, потому-то и поддерживал вашу кандидатуру на пост начальника отдела. Верю, что сумеете поправить положение.— Он помолчал.— Решить все вопросы одному — невозможно. Помните поговорку отцов: два арбуза в одной руке не удержишь. Что вы в работе считаете главным?

Исмаил Арипович сказал то, о чем уже много раз думал.

— Начинать надо с людей. Создать крепкий коллектив. Надо раз и навсегда сломать привычку ограничивать заботы выходными стрелками своей станции.

— Верно. А что если вы своими наблюдениями, мыслями поделитесь с коммунистами отдела? Думаю, поймут они вас и поддержат.

Он прошел к письменному столу, перевернул несколько листков календаря.

— Может, в четверг собрание и проведем? — спросил он.

Арипов согласно кивнул головой.

— Вот и хорошо. А укреплению отдела мы поможем...

Из радостного и невеселого складывались будни. Конечно, не всем по душе пришлись перемены. Исмаил Арипович редко приказывал. Чаще убеждал. Никто не помнит случая, чтобы он без нужды повысил голос. И его спокойствие, уравновешенность даже в самые острые моменты передавались окружающим. Постепенно Хавастский линейный отдел стал все реже и реже упоминаться среди тех, кому отводилось место в официальных докладах после слов: «Наряду с вышеперечисленными передовыми подразделениями у нас есть и такие, как...»

...Ветер из Янгиерской степи крепчал. Исмаил Арипович поглубже надвинул форменную фуражку, одернул китель и зашагал в сторону дома вдоль железнодорожных путей, поблескивавших под лучами станционных прожекторов.

Дома, прежде чем лечь спать, по давней привычке перевернул листок календаря. Через считанные минуты наступал новый день — 26 апреля 1966 года.

Звонок раздался на рассвете. Ночной звонок — это всегда тревога. И если сказать, что за годы милицейской службы Арипов привык к ним, это было бы неправдой.

— Исмаил Арипович,— докладывал замполит Базанов,— связь с Ташкентом неожиданно оборвалась. Не работают ни железнодорожная, ни городская линии...

— Сейчас буду.

Из сообщений газет:

«26 апреля 1966 года в пять часов двадцать две минуты пятьдесят две секунды по местному времени в Ташкенте произошло сильное землетрясение. Эпицентр под городом.

По предварительным данным, в Ташкенте разрушено значительное количество жилых домов... Разрушено также несколько больниц, школ, зданий государственных и общественных учреждений. Серьезно пострадали две фабрики.

Зарегистрировано четыре случая смерти, госпитализировано около 150 пострадавших...»

Землетрясение — это миг. В Ташкенте на этот миг пришлось пятьдесят миллиардов киловатт. Мощность двенадцати тысяч Братских ГЭС.

— Вызывайте доротдел,— приказал Арипов.

Дежурный Хавастского линотдела, прижимая плотнее к уху трубку, повторял: «Ташкент, Ташкент...» Линия молчала. Но даже если бы она работала, дежурный по Ташкентскому доротделу милиции на вызов Хаваста ответить бы не смог.

...До смены оставалось немного, и дежурный по дорожному отделу милиции Среднеазиатской железной дороги капитан милиции Владимир Демьянович Коробов приводил в порядок документацию. Он знал: перед самой сменой чуть ли не одновременно начнут звонить

в Ташкент все дежурные линейных отделов. Владимир Демьянович четким почерком вывел: «Рапорт». Хотел подчеркнуть. Не успел.

Вздрогнули аппараты. Качнулся шкаф. Раздался зловещий гул. Затрещали стены, посыпалась штукатурка, погас свет. Стол, за которым сидел дежурный, рванулся в сторону. Из помещения детского садика, находившегося рядом с отделом, раздался отчаянный крик. И этот крик словно ожег Коробова. Он выскочил во двор. Однако тут же понял, что войти в дом обычным путем ему не удастся: осевшая крыша перекосила дверь. А детский плач звал на помощь. Тогда Владимир Демьянович по высокому карнизу подобрался к окну. Стекла вылетели еще от первого толчка, и вырвать раму оказалось делом мгновенным. «Быстро к окну»,— приказал капитан няне, бегавшей в растерянности от одной кроватки к другой. Видя решительность офицера милиции, она пришла в себя. Через несколько минут все дети находились в безопасном месте.

А Хаваст вызывал: «Ташкент, Ташкент...» Линия молчала.

— Свяжитесь с Самаркандом, Андижаном.

Но связи с Ташкентом не было ни у одного города республики.

— Весь личный состав поднять по тревоге,— отдал распоряжение Исмаил Арипович.

Старшим среди дежурных милиционеров по ташкентскому вокзалу был командир отделения старшина милиции Раимжан Ибрагимов. Он проверил, как несут службу милиционеры на перроне, на привокзальной площади. Взглянул на часы. Сейчас придет поезд № 6 Москва — Ташкент. Подумал: надо подготовить тоннель и главный зал для прохода пассажиров. В зале дежурил старшина Иван Андреевич Гавриленко. Опытный милиционер, однако ему одному не справиться. Ибрагимов вошел в вокзал, огляделся. Гавриленко был в другом конце зала, но, увидев командира отделения, направился к нему. «Начнем с тоннеля»,— только и успел сказать Ибрагимов.

Неведомая сила бросила их друг к другу. Где-то рядом загремел по кафелю чайник. Зашелся плачем

ребенок. Перепуганная мать, прижимая к себе девочку, бросилась к дверям. Туда же устремились и другие пассажиры. Лопнули стекла больших перронных витражей, осколки со звоном посыпались в зал. Кто-то кричал: «Бросайтесь в окна», «Спасайтесь под скамейками...»

Во время стихийных бедствий самое страшное — паника, растерянность, неорганизованность. Сотни людей, которые легко могли бы справиться с бедой, терпят поражение лишь потому, что нет уверенной руки, объединяющей их на борьбу со стихией.

Раимжан Ибрагимов быстро оценил обстановку. Он подбежал к старшине Гавриленко: «Оставайся в зале, охраняй вещи. Я попытаюсь открыть запасную дверь». Замок с запасной двери командир отделения сбил металлической табуреткой из-под питьевого бачка. Затем он бросился в опустевшую комнату справочного бюро. Микрофон болтался на шнуре. Раимжан щелкнул переключателем. На счастье, зажегся зеленый глазок: аппаратура работала. В динамиках раздался уверенный голос старшины: «Граждане, выходите только на вокзальную площадь. Всем немедленно покинуть перрон и транзитный зал».

Когда улеглось первое волнение и на время прекратились подземные толчки, двести восемьдесят семь пассажиров, бежавших из главного зала, вспомнили о своих вещах. Все были в целости и сохранности. Их охранял старшина Иван Андреевич Гавриленко, обсыпанный штукатуркой и пораненный осколками стекол.

В этот ранний час со всех концов города, оставив во дворах и на улицах семьи, бежали к себе в отдел работники транспортной милиции, офицеры и рядовые: начальник дорожного отдела милиции Среднеазиатской железной дороги полковник Николай Петрович Машков, милиционер Николай Жулев, старшины Кудрат Караматуллаев, Зият Джамалдинов, Алексей Черемисинов...

Из рапорта начальника службы связи Г. С. Нахалова начальнику дороги:

«Через пятнадцать минут после землетрясения по всей Среднеазиатской дороге связь восстановлена».

Телефонограмма:

«Станция Хаваст. Нач. лин. отдела Арипову.

Распоряжение доротдела выделить десять сотрудников. Группу возглавить самому. Срок прибытия Ташкент десять утра. Машков».

Дорожный отдел милиции рядом с Ташкентским вокзалом. И бывать здесь Исмаилу Ариповичу приходилось несчетно. Но в тот день он не узнал знакомого дома.

Сотрудники перебрались в вестибюли и коридоры со своими столами, шкафами, телефонами. Это здание с глубокими трещинами, оборванной электропроводкой стало боевым штабом.

Николай Петрович Машков говорил неторопливо, словно стремясь, чтобы сказанное было лучше усвоено каждым. Исмаил Арипович, посматривая на осунувшееся лицо полковника, успевал почти дословно записывать каждое слово:

...Выяснены размеры бедствия. 400 тысяч человек остались без крова. Разрушено и повреждено более 30 тысяч зданий. На улицах, площадях, скверах установлено 14 418 палаток.

...Состоялось собрание республиканского партийного актива. В его работе приняли участие Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин. В речи Леонида Ильича Брежнева изложена широкая программа работ по ликвидации последствий землетрясения, определены задачи партийных, советских и общественных организаций.

...На подходе к Ташкенту эшелоны из Москвы и Ленинграда, из всех союзных республик. «Зеленую» улицу дали поездам военных строителей.

Наша задача обеспечить строжайший порядок в пассажирских поездах и сохранность грузов, идущих к нам со всех концов страны.

Арипову было нетрудно представить себе объем предстоящей работы.

Станция Ташкент — это единственные ворота, через которые идет основной поток грузов из центра страны в Узбекистан, Киргизию, Туркмению и Таджикистан. Через эти же ворота идет грузовой поток четырех республик в районы Сибири и Дальнего Востока, в десятки стран мира, которым они поставляют свою продукцию. Эти потоки нельзя ни остановить, ни за-

держать. Транспорт и в обычное время работал с полной отдачей. А как же теперь?

— В Управлении Среднеазиатской дороги,— продолжал Николай Петрович,— принято решение восемь маленьких станций, полукольцом облегающих Ташкент, расширить. Все вместе они составят ташкентский узел. Одна из станций,— он показал на карте,— вот эта — станет грандиозным по размерам и насыщенности техникой грузовым двором. Строительство узла не имеет единого пускового срока. В эксплуатацию будут вступать каждый новый подъездной путь, каждый пакгауз в отдельности. Таким образом, с ростом грузопотока будет расти и фронт его переработки. Одновременно нам предстоит отправить тысячи пассажиров. Сотни городов страны пригласили к себе ташкентцев, оставшихся без крова. Но немало людей выезжают самостоятельно.

Забегая вперед, скажу: действуя самоотверженно и четко, железнодорожная милиция справилась с возложенной на нее тяжелейшей задачей. Не было на ташкентском узле хаоса, сотрудники транспортной милиции обеспечили порядок на станциях.

Первую неделю группа Арипова дежурила по вечерам. Никогда еще не ощущал он волнующей силы братства с такой остротой, как в эти дни тяжелого испытания, выпавшего на долю Ташкента. Перед его глазами нескончаемой чередой проходили составы, на вагонах которых было выведено: «Главкиевстрой», «Главчерноморскстрой», «Главмосстрой», на платформах самосвалы с ленинградскими, свердловскими, минскими номерами. За рулем самосвала с московским номером Исмаил Арипович вдруг увидел парня-узбека в тюбетейке.

— А ты как попал в бригаду москвичей? — удивился Исмаил Арипович.

Тот улыбнулся, стряхнул пыль с тюбетейки:

— А мы все из одной бригады, брат. В дни великого хашара каждый там, где нужней.

* *
*

В то довоенное лето его с братишкой отправили к дальней родственнице — тетке Рахиме-апе. И, казалось, не было времени лучше, чем дни, проведенные у нее в небольшом кишлаке в Ферганской долине. Здесь

все было в радость: зеленые виноградники, развесистые кусты граната, желтая айва на деревьях.

Был обычный вечер. Они с ребятишками Рахимы-апы лежали на большом деревянном помосте — айване, укрытые стеганными цветными одеялами. За дувалом, тяжело ворочая камни, шумела Ак-Бура. Потрескивал кизяк в огне. Терпкий белый дым стлался по двору. Разговоры при огне у тетки с мужем шли все о том же — о новом доме. Часто повторялось слово «хашар». Саманная кибитка досталась им от деда. Стены от старости потрескались, почерневшие от дыма балки прогнулись. Так ребята тогда и уснули под грохот камней в Ак-Буре, под тихий говор о каком-то таинственном хашаре, который должен был начаться завтра.

С утра с десяток арб потянулись ко двору. С реки везли камень, песок. Рахима-апа варила шурпу, соседки занимались детьми. Мужчины месили глину, делали большие саманные кирпичи. Дом вырастал прямо-таки на глазах. А в памяти Исмаила навсегда остались взмахи отточенных до блеска кетменей, сотни кирпичей, сохнущих на земле, праздничность и приподнятость настроения тех, кто строил дом. На новоселье была вся улица. Опять во дворе допоздна горели керосиновые лампы. Мужчины пили чай, слушали дутариста, приглашенного по такому торжественному случаю.

В то же лето помогали построиться соседу. Потом еще кому-то за дальним виноградником. «Хашар, хашар»,— весело кричали мальчишки, поднимая босыми ногами тучи пыли. Хлопали калитки, и вся жизнь улицы, раньше упрятанная за глиняными дувалами, вдруг выплескивалась наружу. В день хашара заботы одной семьи становились общими. И люди самозабвенно трудились, пока в новом доме не справляли новоселье.

Много лет спустя Исмаил постиг, что хашар — это не просто руки, дружно протянутые к тебе в трудную минуту, но это еще и воспитанное в каждом новом поколении чувство товарищества, заботы о ближнем. Ближний — это не только брат, сестра. Это любой человек, которому нужна помощь.

И вот теперь, когда Ташкент лежал в развалинах, великий хашар пришел сюда. Поддержать братьев протянули руки со всех концов советской земли. В дни

великого хашара никто не считает свой труд, не боится передать людям лишнее. Потому что каждый знает: если случится беда с тобой, к тебе тоже придут на помощь с открытым, щедрым сердцем и тоже никто не будет считать, сколько он отдал тебе.

Мы сидели с Исмаилом Ариповичем в небольшой комнате милиции на Ташкентском вокзале. Он только что закончил обход постов. Неторопливо разливал чай по пиалушкам и прислушивался к каждому звуку за стенами.

Включился репродуктор, диктор объявил: «Подается поезд для посадки детей». Исмаил Арипович встал, надел фуражку — пора. Мы вышли на перрон.

На путях показался состав. Работники милиции заняли свои посты. Распахнулись металлические ворота, и первая колонна ребятишек появилась на платформе.

— Проверить вагоны, удалить посторонних,— отдает распоряжение Исмаил Арипович.

Все проинструктированы заранее. Сотрудники милиции расходятся по вагонам. Их работа незаметна для посторонних. Затем Арипов не спеша отправляется в свой маршрут — от хвоста к голове поезда. Негромкие доклады. Порядок. У Исмаила Ариповича есть все основания сказать именно так. Посадка подходит к концу, приняты меры, чтобы дети доехали до места благополучно. Он знает: на каждой станции, на всем пути следования их будут встречать его коллеги, работники транспортной милиции. Они тоже отцы, и с этого состава не спустят глаз. Великий хашар.

До отхода поезда — считанные минуты. Мамаши приглаживают чубчики мальчишкам, поправляют косички девчонкам. Слышатся наставления — где лежит мыло, где чистый носовой платок. Ребятишки серьезные, даже замечаний делать некому. Одна мама говорит:

— Ты едешь в Херсон, будь умницей.

— А в Херсоне лес есть? — спрашивает сын.

Мама растерянно смотрит на Арипова. Исмаил Арипович смеется:

— Бывать в Херсоне не приходилось. А вот про море знаю точно — есть.

Малыш доволен.

Поезд отходит. Лицо у Исмаила Ариповича усталое, но в глазах улыбка:

— Ну вот, отправили самых маленьких пассажиров. Как гора с плеч. Теперь матери в Ташкенте будут спать спокойнее...

Из справки Среднеазиатского отдела транспортной милиции:

«В течение апреля — мая со станции Ташкент отправлено 50 000 детей для летнего отдыха в пионерские лагеря страны».

И раньше в жаркую пору немало детей из Ташкента отправляли к морю, в «Артек» или «Орленок». Сейчас сроки отдыха продлены, большинство будут отдыхать все лето. Выезжает в десятки, сотни раз больше детей, чем раньше. Маршруты пролегают по всей стране. Лишь в дни дежурства Арипова были отправлены: 4148 детей на Украину, 850 — в Казахстан, более 1000 — в Грузию, 2800 — в Подмосковье.

В дни бедствий первая забота — дети.

Исмаил Арипович задумчиво смотрит вслед уходящему поезду и говорит совсем тихо, словно самому себе:

— Как хорошо, что у каждого из нас такой большой родной дом.

Война застала нашу семью в Гулистане. Гулистан в ту пору — небольшой кишлак, вытянувшийся вдоль дороги Ташкент — Самарканд. Я помню, как посуровели лица людей. В те дни редко можно было услышать смех или шутку. Помню, как однажды взрослые до глубокой ночи обсуждали письмо узбекам-фронтовикам. А потом под ним ставили свои подписи.

Есть старая узбекская поговорка: «Спокойствие соседа — твое спокойствие». За годы войны поговорка обрела новый смысл. Соседом для нас стал не только тот, кто живет рядом, за дувалом, но и тот, чей дом находится за тысячи километров.

В сорок четвертом я подделал метрику, был такой грех, к своим четырнадцати добавил два года. А уже в начале сорок пятого оказался в запасном полку в Брянских лесах. Со дня на день мы ждали отправки на фронт. И вот там, так случилось, я и прочел письмо узбекам-фронтовикам, под которым ставили свои подписи люди и нашего кишлака. Были в нем такие слова:

«...В дом твоего старшего брата — русского, в дом твоих братьев — белоруса и украинца — ворвался фашистский басмач. Но дом русского — также и твой дом, дом украинца и белоруса — также и твой дом!

Ведь твоя улица начинается в Белоруссии, а дом украинца — в твоей махалле...»

Под письмом подписались почти два с половиной миллиона человек. Однажды наш командир роты капитан Костяков предложил мне перевести письмо на русский язык и прочесть его перед строем. И в тот же день к двадцати пяти рапортам с просьбой о досрочной отправке на фронт добавились рапорты и остальных запасников нашего подразделения.

Единение было не только в огне сражений. В Узбекистан эвакуировались десятки тысяч семей, и ни одна из них не осталась без крова, сироты — без родителей.

Тридцать лет назад в холодный декабрьский день узбекский кузнец Шаахмед Шамахмудов привел в свой дом двух истощенных больных мальчишек, проделавших в эшелоне эвакуированных нелегкий путь от линии фронта до Ташкента,— украинца Федю и татарина Рафика. Через день третьего — маленького еврея Саню. Потом членами семьи стали молдаванка Халида, русские Коля и Вова, татарин Рахматулла, чуваш Самут, узбек Нигмат. Шестнадцать ребятишек нашли в тяжелую годину любящего отца, заботливую мать, перестали называться сиротами.

Исмаил Арипович протянул мне «Ташкентскую правду». После землетрясения со страниц газеты к землякам обращался старый Шаахмед. «Ташкентцы, дети мои! Если у тебя четыре комнаты, отдай две, если три — отдай одну, если две — все равно подумай, как потесниться, чтобы помочь земляку, и поспеши в исполком!»

...Строительные материалы для возрождения Ташкента шли по железной дороге. Исмаил Арипович, проследив за разгрузкой дефицитного оконного стекла, дверей, кафеля, листового железа, решил посмотреть, как они идут в дело.

Мы вместе поехали в Сергели, новый городской район.

На пологой чирчикской террасе выстроились веселые разноцветные дома в один и два этажа. Элегантные уличные светильники, телевизионные антенны над каждой крышей, налитые стеклянным блеском окна. Город Сергели, рассчитанный на тридцать тысяч человек, уже принимал своих первых хозяев.

Одновременно с жильем вступали в строй школа, больница, детские сады и ясли, баня и пожарное депо,

водопровод и канализация, четыре теплоцентрали, магазины и предприятия бытового обслуживания. Сто пятьдесят тысяч квадратных метров жилья плюс АТС, клуб, столовые, еще школа, еще магазины и многое другое...

Возвращались из Сергели под вечер. Настроение у Исмаила Ариповича было отличным. Отдохнув в прохладе центрального сквера, мы пошли по Пушкинской в сторону Салара. «Вот здесь по проекту должна быть высотная гостиница»,— объяснял мне Исмаил Арипович. «А центр построят москвичи и украинцы». Потом надолго задумался и сказал:

— Уезжаю завтра в Хаваст, и в моей памяти на всю жизнь останутся дни великого хашара. Пойми, друг, ташкентское землетрясение стало экзаменом не только строительного мастерства узбека или белоруса, москвича или ленинградца, их умения быстро и ловко работать. Это ведь и экзамен на братство. Проверялась наша готовность отказать себе во многом ради счастья и спокойствия человека, в дом которого пришла беда. Наши люди выдержали этот трудный экзамен. Выдержали экзамен и мы, охранявшие порядок на транспорте: на ташкентском железнодорожном узле никаких происшествий не произошло. Мои товарищи их не допустили. Ни одного случая...

Мы попрощались. С его слов я уже знал о его семье и по нашему обычаю просил передать всем привет.

ЛЕОНИД КРАСОВСКИЙ

Отцовские погоны

Степана Андреевича Синько призвали в армию в начале 1943 года. Уже позади были сборы и скромные проводы, и новобранцы мысленно уже перенеслись туда, где день и ночь шла смертельная схватка с фашизмом. И вдруг военком вызвал троих к себе в кабинет: «Вы остаетесь». И увидев, как вспыхнули от обиды парни, добавил серьезно: «Не волнуйтесь, будет вам фронт, только другой — и нисколько не легче. Милиции нужны надежные ребята».

Так Степан Синько стал милиционером линейного пункта на станции Тулун. Научился исправно нести дежурство и в пургу, и в яростные морозы, сопровождать поезда в дальние рейсы. И совсем не думал, что очень скоро, всего через три месяца, начнется его карьера сыщика. А получилось так.

Старшему лейтенанту, начальнику пункта милиции пришлось спешно выехать в райцентр. Он вызвал Степана:

— Вот что, Синько, остаешься за старшего. Смотри, чтоб комар носа не подточил.

Только начальство за дверь — на пороге кабинета появилась женщина вся в слезах:

— Ой помогите! Ой беда, начальник!

Усадил ее «начальник», обмирающий от собственной ответственности, успокоил как мог.

— Возьмите себя в руки. Давайте по порядку. Что случилось?

— Да вы нешто еще не знаете? Корову увели нынче ночью. Ох, горе мое, как же мне быть теперь с ребятишками. Ведь их у меня целый выводок. От мужа уже полгода вестей нету. Может, уже убили...

— Подождите, подождите, где, как украли?

— Утром доить пошла. Смотрю — замка на стайке нет и Пеструхи след простыл...— Слезы опять хлынули из глаз.— Чем же мне теперь детей-то кормить? Ой беда!

Поначалу Синько растерялся, лихорадочно стал соображать, кому можно передать пострадавшую. Вспомнил всех, кто был сейчас на пункте,— выходило, что некому. Все такие же новички, как и он сам. Значит, самому и разбираться. Он ведь за старшего.

— Пошли,— решительно затянул на шинели ремень с кобурой нагана.— Показывайте, как дело было.

Возле стайки, во дворе, на огороде — везде, до самой улицы, наезженной санями, снег был основательно вытоптан, словно прикатан. Больше недели не было снегопада. Увидев это, милиционер приуныл: тут даже ищейка ничего не вынюхает. Однако же далеко корову увести не могли: слишком приметная животина, пестрая, беломордая. В мешке не унесешь, не поросенок.

— Ладно,— сказал он женщине,— пойдемте поспрашиваем соседей. Может, кто видел.

— К ним не пойду,— махнула она рукой на ближнюю избу.— Ничего они не скажут. Два брата живут. Обормоты. Что они увидят, коль с утра до вечера в стельку. Кажинный день!

Синько это заинтересовало. Огородами подошел он к соседней избе, походил, походил и вдруг остановился как вкопанный, увидев капли крови на снегу. Заглянул в сарай — пусто. Поднялся по лестнице на чердак — и сразу кинулся обратно, поманил женщину:

— Хозяйка, лезь-ка сюда!

На балке висела свежая коровья шкура.

— Она?

— Она,— выдохнула убитая горем женщина.

Услышав шаги на чердаке, на крыльцо выбежали братья, еще не опомнившиеся после ночной пьянки. Поняв, что их разоблачили, кинулись к воротам.

— Стой! — скомандовал милиционер.— Показывайте, куда мясо припрятали.

Мясо было в подвале, в бочках.

Разом протрезвевшие преступники, накрытые с поличным, понуро тащили санки с мясом. Следом вышагивал Степан Синько. Он уже воочию видел, что произойдет на пункте: удивление, похвалы, благодарность в приказе. О нем заговорят — еще бы, самый молодой в линейном посту сумел с ходу раскрыть преступление. Это ведь не только ему зачтется, но и всему пункту.

Старший лейтенант был уже на месте. Выслушав Степана, сказал почему-то без всякого энтузиазма:

— Ну молодец. Только отлучился ты, Синько, совсем не ко времени. Тут в поезде случилась кража. А старшего, тебя то есть, на месте не оказалось. Кто с этой кражей должен был заниматься? Дядя?

Степан опешил:

— Товарищ старший лейтенант, так ведь тут тоже... Корова все-таки... Семья фронтовика...

— Надо было позвонить куда следует.

— Куда?

— А вот туда, куда сейчас доставишь этих пьяных мясоедов. В райотдел милиции. Ты же залез на их участок. У нас — железная дорога и ее объекты. Понял?..

Темнело уже. И мороз крепчал. От станции до поселка километра четыре. Но что делать? Братья снова впряглись в санки, а мрачный Синько зашагал следом.

Дежурный райотдела сказал: «Спасибо, товарищ!» — и все. На том «коровья история» вроде бы закончилась. Но с этого дня ему все чаще и чаще стали поручать раскрывать преступления.

Получалось неплохо. Его хвалили и советовали: «Учиться тебе надо».

Он поставил перед собой первую цель: окончить среднюю школу. Ночи не спал — окончил. Потом — Хабаровскую среднюю школу милиции.

В послужном списке Степана Синько появлялись новые и новые записи о поощрениях за раскрытие преступлений.

...Начальнику линейного пункта милиции на станции Слюдянка капитану Синько позвонили из Улан-Удэ: «Встречайте поезд. В почтовом вагоне совершена кража денег в сумме ста сорока пяти тысяч рублей».

Поздно ночью, когда прибыл поезд, капитан вместе с понятым зашел в почтовый вагон, представился. Кто-то заворчал:

— Ищут пропажу, где свет поярче. А денежки тю-тю, гуляют... Два раза шарили, а толку...

Да, вагон уже дважды осматривали. И оба раза впустую. Но было известно, что на стоянках из вагона никто не выходил. Значит, деньги все-таки здесь.

Служебное помещение вагона, где обычно хранятся деньги, он обшарил от пола до потолка. Ничего подозрительного не обнаружил. Но что-то настораживало. Облазил все еще раз. Вот оно: планки обшивки стен крепились шурупами. Все шурупы покрыты ровным слоем краски. Кроме четырех, на которых явственно проступали царапины.

Вывинтив шурупы и убрав планку, Синько увидел проем между двойной обшивкой. Бросился в глаза конец шпагата. Им-то и были связаны пачки денег, опущенные в проем...

На Иркутском вокзале задержали парня, который стянул у пассажира чемодан. Парень молодой, вертлявый. На допросе беззастенчиво врал. Степан Андреевич, пытаясь поймать его бегающий взгляд, спросил напрямик:

— Чемодан этот — который по счету?

— Первый он, первый. Я же говорил, взял случайно.

— Вот как! А мы вас разыскиваем. За другой чемодан. Выходит, ошибка?

— Выходит, так! Про другой ничего, начальник, не знаю.

— Что ж, тогда идите, подумайте. Торопиться нам некуда.

Сержанту, который сопровождал задержанного, Синько шепнул:

— Будьте повнимательнее, этот шустряк вполне может рвануть.

— Пусть попробует,— уверенно усмехнулся сержант.

Однако, оказавшись на привокзальной площади, преступник действительно рванулся в сторону, перебежал площадь, кошкой вскарабкался на бетонную стенку, а оттуда — вверх по пригорку. Когда немолодой, грузный сержант добежал до стенки, парня уже и след простыл.

Вечером Синько привел беглеца. Начальник отдела глазам не поверил.

— Где ты его засек? Случайно?

— Почему случайно,— ответил Синько.— Я его ждал возле рынка, он туда и явился. Как по заказу.

После бегства преступника Синько разослал сотрудников уголовного розыска по местам, где он мог появиться. И когда вроде бы все «щели» были перекрыты, вспомнил фразу, брошенную задержанным во время допроса:

— Я к сестре приехал. Она учится в торговом училище, живет на Тимирязева, в общежитии, у рынка.

И Синько поехал на улицу Тимирязева. Устроившись на скамейке, с которой был виден вход в здание, стал ждать. Прошел час, потом — второй. Начинало темнеть. Синько стал уже подумывать о том, что, кажется, напрасно потерял время. И вдруг увидел знакомую фигуру. Беглец остановился у перекрестка, пропуская машины. В несколько прыжков Синько настиг его, схватил за руку...

Был Степан Андреевич в командировке в Нижнеудинске, там в линейный отдел милиции пришло известие о краже в магазине, расположенном на небольшой станции Варяг. Начальник отдела уголовного розыска капитан Небыков схватился за голову:

— Пятая кража из одного магазина! И никаких зацепок. Завмаг заявляет о краже, а потом сам же выплачивает недостачу. Потому что мы не можем найти виновных.

Степан Андреевич попросил:

— Дайте мне заняться этим делом.

По своей обычной привычке Синько начинал розыск с опроса наибольшего числа людей. Он ходил по домам, расположенным вблизи магазина, и, беседуя с жителями, выяснил, что завмаг любит покутить в компании молодых лоботрясов. Обычно их бывает пятеро.

Синько установил, что в день последней кражи троих в поселке не было. А вот двое — Кульгавый и Максимов — снова гуляли с завмагом. Правда, днем. А ночью кто-то сорвал замок с двери и унес около 300 рублей, несколько бутылок водки, кое-какие продукты и промтовары.

Мысль, что кража — дело рук самого завмага, пришлось отбросить. Недостачу он всегда выплачивал полностью, так что какой смысл ему воровать.

— Кульгавого и Максимова мы проверяли,— ска-

зали Степану Андреевичу нижнеудинские розыскники.— Зацепиться не за что. Так что глухо...

И снова беседы с жителями. И вдруг очень важное свидетельство: Кульгавый и Максимов хвастались, что как-то у загулявшего завмага стянули ключи от магазина, взяли вино, а ключи потом подсунули ему обратно.

Это уже было нечто существенное. Можно было начинать допрос. Синько вызывал их по одному, дотошно, шаг за шагом нащупывая несовпадения в показаниях. До тех пор, пока они вконец не запутались и не поняли, что на этот раз отвертеться не удастся.

За тридцать три года службы в транспортной милиции многое повидал Степан Андреевич. Наиболее напряженными оказались последние годы, когда он был переведен в Восточно-Сибирское управление транспортной милиции старшим инспектором уголовного розыска по особо опасным преступлениям. Один из случаев напомнил ему давнишнюю «коровью историю».

На станции Красноярск прямо на перроне был тяжело ранен человек. Медики дали заключение: ножевая рана. По показаниям свидетелей, никто на него с ножом не бросался. Пассажиры видели, как этот человек, словно ошпаренный, первым выскочил из прибывшей электрички на перрон, побежал, размахивая бутылкой. Его догнал какой-то парень, выхватил бутылку и кинулся в сторону. После этого пострадавший присел на корточки, а потом повалился на бок. Когда к нему подошли, он уже был без сознания.

Оперативная группа безуспешно в течение нескольких дней разыскивала по приметам неизвестного, выхватившего бутылку. Пассажиры точных примет указать не могли, парня они видели мельком, и все произошло в считанные секунды. В Красноярск направили Степана Андреевича. Ознакомившись с делом, он обошел все райотделы, поговорил с работниками уголовного розыска, сообщил скудные приметы предполагаемого преступника.

А через день в линейный отдел на станции Красноярск позвонили из Советского райотдела:

— Приезжайте. Мы тут задержали одного. Очень похож на разыскиваемого вами человека...

Да, это был он. Потом, на допросе, преступник рассказал:

— Мы ехали в электричке. Выпивши были. Хотелось похмелиться, а у него была непочатая бутылка. Дай, говорю. А он — нет. Ну я его в тамбуре и пырнул перед самым Красноярском. А он еще выскочил, побежал. Я догнал, вырвал бутылку, думал — промазал...

Уезжая из Советского райотдела, Степан Андреевич сказал лейтенанту, задержавшему преступника:

— Спасибо, товарищ.

Как когда-то сказал ему дежурный в Тулуне. И подумал: «Нет, не бывает у нас не «своих» дел. Всякое дело, если есть пострадавший и нарушен закон, касается любого из нас. Ведь мы отвечаем перед людьми за их спокойствие. И люди, обращаясь к нам за помощью, не спрашивают нас, где мы работаем, они просто надеются на нас».

На слете отличников транспортной милиции Восточной Сибири алое знамя вносил подполковник милиции Степан Андреевич Синько. Люди, поднявшись, замерли, провожая глазами медленно плывущее бархатное полотнище и тех, кто печатал шаг рядом с ним. Два офицера в парадных мундирах, два сына Степана Андреевича — заместитель начальника линейного отдела милиции на станции Иркутск-сортировочная Валерий Степанович Синько и заместитель начальника отделения уголовного розыска того же отдела Геннадий Степанович Синько.

Оба рослые. Схожие с отцом. Как и он, уже пользующиеся доброй славой.

Как-то молодой, но порядком задерганный делами работник уголовного розыска под влиянием настроения сказал о братьях Синько:

— Чудаки, выбрали себе ярмо. Неужели не видели, как отец мотается?

Да, видели. Видели, как отец днями и ночами пропадает на службе, не вылезает месяцами из командировок, потом, бывая дома, смотрит так, словно находится за тридевять земель, и не слышит обращенных к нему вопросов. Но видели и другое — самозабвенную увлеченность отца своим делом и то бесконечное доверие, которым он пользовался у окружающих. Им очень хотелось походить на него. Так же помогать людям, так же утверждать справедливость, так же упорно бороться за нее.

Когда Валерий, отслужив на границе, поступил в

политехнический институт, отец не возражал. Не возражал он и когда сын, закончив институт, заявил, что пойдет работать в милицию. Только предупредил:

— Смотри, сам знаешь, что это за служба. Покоя не будет.

— Вот и хорошо,— отшутился Валерий,— это по мне, значит, не заскучаю.

Геннадий сделал выбор сразу. Он еще из армии написал: «Демобилизуюсь — пойду в милицию».

Сейчас братья Синько — мастера розыска, уже руководители, наставники тех, у кого только начинается милицейская биография.

Если подсчитать все медали, знаки отличия, благодарности, Почетные грамоты и другие поощрения, которыми отмечен самоотверженный труд Степана Андреевича Синько за годы службы в транспортной милиции, их окажется больше пятидесяти. Этот счет успешно продолжают два его сына. А кроме того, улыбаясь, рассказывает Степан Андреевич, его пятилетний внук Андрейка уже примеряет отцовские погоны...

7 Заказ 3614

НАТАЛЬЯ ГНАТЮК,
ТАТЬЯНА САФАРОВА

Везучий Спирин

Откуда пошла молва, с годами подкрепленная такими реальными фактами, что не верить ей стало трудно, будто Василий Спирин, старший инспектор уголовного розыска Куйбышевского линейного отдела милиции, родился «под счастливой звездой»?

Не с того ли дня, когда шестилетний Васька с закадычными приятелями Вовкой и Костиком, махнув на лыжах за пять километров от своего городка, чудом остались живы? А что! Действительно чудом! Мать до сих пор в жар бросает, едва вспомнит.

Поначалу все было как обычно. Мальчишки наперегонки заскрипели по синеватому снегу к реке. Дело в Инзе привычное, в эту пору и стар и мал — все лыжню прокладывают. Прошел час, другой, третий. Ребята все не возвращались.

Вдруг тусклое февральское солнце померкло. Стало темно. Началась поземка. Вначале легкая, робко трогавшая пушистые, неслежавшиеся сугробы, потом осмелевшая настолько, что стряхнула крупную белую пыль с кустов. А потом ветер залютовал так, что все вокруг превратилось в злую ледяную кашу. Пурга валила с ног, обрывала дыхание.

Люди захлопывали ставни. Прибежала с фермы встревоженная Александра Ивановна, Васькина мать. И теперь стояла она у окна, зябко кутаясь в платок, в отчаянии приговаривая:

— Ах, малый, ах, шалый! Мало я его порола, мало!

Зина, старшая дочь, обняла ее за плечи, пытаясь заглянуть в потемневшие от страха глаза.

— Беги, Зинаида, народ подымать. Пропадают, видно, ребята...

Зина едва отодрала прижатую ветром дверь. Люто на дворе, куда идти — сразу не разберешь. Добралась до калитки, отворила и нос к носу столкнулась... с обледеневшими мальчишками.

Непонятно, как увел все-таки Васька своих приятелей от неминуемой гибели? В ту пургу тракторист из соседней деревни заплутал, замерз в пути, а шестилетний Васька вывел. Как? Объяснял через пень колоду, по детской привычке проглатывая слова:

— Мы друг за дружку схватились и пошли.

— Куда? Ни зги ж не видно было?!

— А направо.

— Почему направо?

— Да так показалось...

Вот тогда, в бессилье опустив полотенце, уже скрученное жгутом, и осев на лавку, смеясь сквозь слезы, Александра Ивановна впервые сказала:

— Везучий ты, Васька!

И бить не стала.

...А может, счастливая Васькина звезда взошла над ним позже, в ту осеннюю дождливую ночь, когда он, шестнадцатилетний ученик токаря, шел напрямик по железнодорожной насыпи, сокращая дорогу в общежитие.

Раздался свисток — мимо прогромыхала запоздалая электричка.

Скошенные желтые квадраты перепрыгивали, метались по придорожным кустам, высвечивали пожухлую листву. И все это: черный обрыв насыпи, за которым, казалось, разверзлась пропасть, решетка черных шпал и отливающих свинцом мокрых рельсов, зазубренный иссеченный контур подступавших деревьев — представлялось ему, бредившему детективными историями, огромной сценой с мрачными декорациями. И когда впереди у заброшенного вагончика он увидел четыре фигуры, согнутые под тяжестью мешков, ему показалось, что в нарисованной воображением картине они кстати.

Вася в эту минуту почему-то подумал о себе в третьем лице: «Преступники пытаются спрятать

награбленное. Вдруг из-за завесы дождя появляется инспектор уголовного розыска. Движения его точны. Спустив пистолет с предохранителя, он произносит: «Стой, руки вверх!»...»

Именно эту фразу Вася, сам того не ожидая, выкрикнул вслух. Он уже бежал к вагончику, еще точно не зная, что будет делать. А рука сама собой выхватила из кармана черную кожаную перчатку и, придав ей форму пистолета, наставила на опешившую четверку.

Все это было так неожиданно, что четверо растерялись. Вася это почувствовал. Мысль заработала четко: нужно воспользоваться моментом. Больше всего на свете Вася боялся сейчас электрички. Она может предательски высветить «пистолет», мальчишеское лицо. Тогда все пропало.

Неожиданным даже для самого себя спокойным и твердым голосом Вася сказал:

— Я инспектор уголовного розыска. Не оборачиваться! При попытке к бегству стреляю без предупреждения. Пошевеливайтесь!

И четверо пошли впереди Васи, по-прежнему согнувшись под тяжестью мешков.

А идти было полтора километра. Ноги то и дело разъезжались, скользили по откосу насыпи. В размокшей желтой глине осталась подметка от ботинка. И несмотря на серьезность ситуации, Вася с грустью подумал, что до стипендии еще далеко.

...Дежурный вначале ничего не понял: входят четверо с какими-то мешками, а за ними совсем зеленый паренек. Докладывает по всей форме:

— Товарищ капитан! Задержанные при подозрительных обстоятельствах граждане доставлены мною... сержантом Спириным.

Вася чуточку запнулся, произнося это звание в сочетании со своей фамилией. Не мог, ну никак не мог он признаться перед четырьмя задержанными, что еще только мечтает о синей фуражке и алых погонах и поэтому второй год проводит все свои свободные часы в оперативно-комсомольском отряде железнодорожной милиции.

На следующий день начальник уголовного розыска линейного отдела майор Тареев вынес Василию благодарность, предварительно отругав за лихачество: «Ты соображаешь, ведь с жизнью мог проститься. У одно-

го из них в кармане финка была. Считай, тебе повезло... сержант милиции!» Впрочем, последние слова прозвучали не в насмешку, а как признание его заслуг.

И он действительно стал сержантом. Два года спустя. А вскоре в отделе заговорили о везучести молодого сотрудника.

С годами накапливался опыт, появлялись излюбленные методы работы. И один из них — личный сыск. Товарищи в шутку называли его «блуждающим форвардом», начальство корило за излишнюю самостоятельность. А Спирин шлифовал, совершенствовал индивидуальный поиск.

Хотя индивидуальным его можно назвать весьма условно. Проводницы и буфетчицы, кассиры и уборщицы, носильщики и шоферы помогали ему охотно, становясь его глазами, ушами, дополнительной памятью.

Он изучил вокзал так хорошо, как мальчишкой в родной Инзе — каждую тропинку, ведущую к реке, каждый забор, за которым прячутся раскидистые яблони. Как настройщик-виртуоз, улавливающий на слух фальшивую ноту, он безошибочно научился фиксировать малейшее отклонение в ритме вокзальной жизни. И ему сопутствовала удача. Она имела истоки.

Смелость

Далеко за полночь восемнадцатилетний милиционер возвращался домой. Зябко. Василий поплотнее запахнул недавно выданную шинель, рука в который раз ощупала под ворсистым сукном твердую корочку только что полученного удостоверения.

Он свернул в переулок. Редкие окна светили в ночи. Недалеко и его окно, которое тоже, конечно, светится по давно заведенному матерью обычаю. Она ждет его, как бы поздно сын ни вернулся, ждет, как ждут все матери. На столе горячая картошка, заботливо укрытая полотенцем, чтобы не остывала, молоко, свежий хлеб. Уютом и покоем светится окно.

Бывает другой свет. Вороватый, дрожащий от прикрывающих его ладоней. Вот такой, как мелькнул в эту минуту за витриной ювелирного магазина. Василий замер. Но свет погас. Померещилось? Он ждал. Луч света за витриной снова вспыхнул на мгновение. Кто там так поздно? Зачем?

Василий бесшумно перебежал пустынный переулок, по пути отметил, что до ближайшей телефонной будки целый квартал. Прижался боком к стене и осторожно заглянул в окно магазина.

Там смутно проскользнула чья-то тень. Движения человека, торопливо складывающего награбленное. Молодой милиционер покосился на дверь. Замок. Значит вор проник в магазин другим путем. Луч от потайного фонарика метнулся в глубь магазина. «Хочет уйти!» Василий резким ударом сапога выбил витрину, посыпалось толстое стекло, сапог лопнул и из порезанной вены хлынула кровь. Спирин кинулся в ноги к вору. Тот рухнул. Но и Василий смог подняться уже с трудом. Вор успел вскочить и броситься на него. Хруст битого стекла, прерывистый хрип, звук выпавшей и откатившейся финки, секунда, другая — и Василий заломил преступнику руки, связал его той самой веревкой, которую тот припас, чтобы унести краденое...

Интуиция

Подполковник Емельянов с улыбкой рассказал любопытный случай. Он проходил со Спириным по привокзальной площади. Разговор шел о том самом шестом чувстве, интуиции, которую, он твердо убежден, определить невозможно.

Все привокзальные площади очень схожи. Вечно спешащие толпы, снующие во всех направлениях машины, цветочные лотки, носильщики, пестрый, живой калейдоскоп. Глаз скользит по этому яркому потоку, отмечая разве что-либо из ряда вон выходящее...

— Товарищ подполковник, видите того человека с портфелем?

Емельянов отыскал в толпе ничем не примечательного представительного мужчину в сером костюме.

— Вижу.

— Он вор!

— Что-о-о?! Тебе что, Василий, везде преступники мерещатся?

Спирин усмехнулся:

— Нет, не везде. Но этот точно вор.

— Постой, да ты его знаешь, что ли?

— Нет.

— Видел раньше?

— Нет.

— С чего же ты взял, что он вор?

— А вы поглядите, он портфель несет, как чужой, и оглядывается с опаской, как бы хозяин не увидел... Разрешите проверю...

Емельянов колебался.

— Головой отвечаю!

— Ну проверь.

Документы у гражданина в сером костюме оказались в порядке. На вопрос, что у него в портфеле, спокойно, чуть удивясь, ответил, что книги и завтрак. Спирин щелкнул замком. В портфеле оказались... ноты и женский кошелек. Гражданин схватился за голову, начал уверять, что по ошибке, перепутав, взял портфель жены. Но установить истину было уже нетрудно.

Находчивость

Спирин ехал в командировку из Куйбышева в Челябинск, не доезжая до станции Уфа, зашел в вагон-ресторан. Сидя за столиком, невольно обратил внимание на соседей. Те допивали вторую бутылку коньяка и, требуя еще, размахивали смятыми пятидесятирублевками.

— Откуда едете, ребята? — как бы невзначай спросил Спирин.

— Из отпуска. С юга. Коньяку хочешь?

Спирин вышел из ресторана, размышляя, что по пути из отпуска редко пьют коньяк. Чаще наоборот.

Дорогу ему преградил выбежавший из купе взволнованный мужчина, в одной пижаме, с пиджаком в руках.

— Господи, что же делать?! Только что были деньги. Здесь, в кармане — и нету! — Он горестно размахивал пустым бумажником из крокодиловой кожи, ища сочувствия у Спирина и выглянувших на шум пассажиров.

— Кто с вами в купе едет?

— Старушка. Больше никого. Я как раз помогал ей в другой вагон перейти, мягкий. Купе незаперто было. Вот и... Что же делать? Я эти деньги за изобретение получил! Пять лет работал! Ночи недосыпал...

Спирин вместе с мужчиной вернулся в вагон-ресто-

ран. Подошел к тем двоим. Потребовал документы. Один из них вместо паспорта предъявил справку об освобождении из мест лишения свободы. Другой схватил бутылку и, отбив горлышко о край стола, угрожающе двинулся на Спирина.

А вокруг тесно: столики, люди. Сам не увернешься, и другие пострадать могут. Но у Спирина первый разряд по самбо. Со стороны показалось — он просто быстро протянул руку и пьяный хулиган добровольно переложил бутылку в его ладонь, а сам, почему-то охнув и изумленно округлив глаза, осел на стул.

Тут же, в присутствии оцепеневших от неожиданности посетителей ресторана, Спирин извлек из карманов преступников семьсот рублей именно теми купюрами, которые назвал потерпевший.

Василий Николаевич сдал обоих постовому. А дежурный по отделу в Куйбышеве принял телефонограмму, в которой содержалась просьба вынести благодарность лейтенанту Спирину.

Память

Из аэропорта к себе в отдел Спирин возвращался около двух часов ночи. Сел в такси. Шофер попался знакомый. Узнав лейтенанта, подмигнул: «Раз милиция рядом — можно с максимальной скоростью!»

Они мчались по шоссе, и эти случайно выпавшие ему минуты отдыха, покоя, и это едва слышное шуршание шин по асфальту, и тихая мелодия, льющаяся из приемника, и ароматный табачный дымок, окутавший кабину, расслабляли и убаюкивали. Спирин открыл глаза, когда шофер тронул его за плечо.

— Возьмем попутчика? Вон голосует. Наверное, девчонку провожал.

— Конечно, возьмем.

Парень уселся на заднее сиденье. Окинув его мимолетным взглядом, Спирин по привычке невольно отметил: «Рост метр восемьдесят, фигура спортивная, лет двадцать, одет модно. Городской, видать, парень».

Общего разговора не завязалось. Спирин вообще неохоч до беспредметной дорожной болтовни.

Вот засветился вокзал. Машина остановилась. Спирин отсчитал деньги. Шофер вопросительно посмотрел на второго пассажира.

— И мне сюда же. Только вот денег на билет в обрез. Ты уж, друг, пойми, не обижайся, возьми вот это, жене подаришь,— и он протянул шоферу женскую брошку.

Вышедший из машины Спирин остановился. Сработала профессиональная реакция: подозревая, проверять.

Подождав, пока парень вылезет из машины, он представился и попросил предъявить документы:

— Извините, я ненадолго вас задержу. Служба такая...

Парень нехотя расстегнул куртку и медленно полез во внутренний карман. Он вытащил паспорт, но не торопился отдавать его Спирину. Спокойные движения, слегка ироническая улыбка были на первый взгляд вполне естественной реакцией не чувствующего за собой вины человека и, казалось, опровергали первые и неясные подозрения лейтенанта.

Василий Николаевич внимательно просмотрел паспорт. Фамилия ни о чем не говорила. А это уже значило много: память Спирина была его личным архивом, хранившим тысячи фамилий, имен, кличек и примет. Но что же, что заставляло инспектора медлить, вертеть в руках паспорт и еще и еще раз вглядываться в фотографию?! Он поднял голову. И вдруг произошло необычное: он увидел перед собой не живое лицо с ямочкой на подбородке, с широкими выбритыми до синевы скулами, прячущими, как бы загоняющими в глубь лица серые, чуть раскосые глаза, а фоторобот — облик преступника, составленный криминалистами по показаниям десятков свидетелей. Он еще раз посмотрел в документ. И снова на помощь пришла память, и он словно заново перечитал страничку из ориентировки: «Разыскивается особо опасный преступник. Рост метр восемьдесят — метр восемьдесят пять. Лет девятнадцать-двадцать. Фигура спортивная. На подбородке ямочка. Скулы широкие. Глаза слегка раскосые. Нос маленький, прямой. Губы тонкие. Волосы длинные. Одет модно. Аккуратен».

Спирин огляделся по сторонам в надежде увидеть кого-нибудь из своих. Но привокзальная площадь была пустынна.

— Ну что, лейтенант, мне на поезд надо. Можно идти?

Почуяв неладное, из машины вышел шофер, встал рядом со Спириным.

— Попрошу пройти в отдел,— голос Спирина был вежлив и непроницаем.

Парень сделал рывок в сторону. Но лейтенант предупредил его движение. Вдвоем с шофером они привели парня в дежурку.

А утром Спирин принимал поздравления. Все — от сержанта до полковника — повторяли на разные лады:

— Ну, Спирин, ну, молодец! Такую птицу накрыл!

Наблюдательность

Василий Николаевич отправился с женой в кино. Должен же человек когда-то отдыхать, отключаться от всего, словом, быть человеком, если даже он старший инспектор уголовного розыска.

Они гуляли по фойе и разглядывали портреты известных киноактеров...

— Вася, я мороженого хочу! — напомнила о себе Клавдия.

— Сейчас.— Спирин улыбнулся.— Ты сиди, я быстро.

Клавдия положила сумочку рядом, на свободное сиденье,— заняла место для мужа. Через несколько минут вернулся, проталкиваясь сквозь толпу, Спирин с двумя вазочками, в которых горками красовались разноцветные снежки, политые сверху сиропом.

— Твое любимое, клубничное.

Прозвенел третий звонок, последние зрители заторопились из фойе в зал. Спирин едва успел отнести вазочки.

В зал они вошли, когда свет погас. Пришлось вслепую, нащупывая ногой ступеньки, продвигаться вперед. Клавдия держалась правой рукой за спинки крайних кресел.

— Ой,— негромко вскрикнула она,— ногу подвернула! — И, желая сохранить равновесие, на секунду оперлась левой рукой о мужа. Но этого было достаточно, чтобы он почувствовал неладное.

— А сумочка где?

— Я думала, ты ее взял.

— Интересно... Ты иди садись, я сейчас.

— Тише вы, смотреть мешаете!

— Извините.

После темноты зала солнце ослепляло. Василий прикрыл глаза, привыкая к свету. Попытался восстановить в памяти ситуацию. Вот портреты киноактеров, под ними возле стены ряд стульев... Клава... Справа от нее сумка... нет слева... возле сумки старушка с внуком в матроске... с другой стороны от Клавы мужчина в потрепанном кителе с орденскими планками... прислонен костыль... нет-нет, не то.

Спирин понял ошибку. Он представил картину застывшей. Раз! И он заставил все прийти в движение. Головы, пиджаки, край платья, пахнуло одеколоном «Москва», какой-то парень в куртке «болонья» наклоняется к старушке, нет, к внуку, что-то говорит, смеется, шутливо грозит тому пальцем. Его спина на секунду закрывает свободный стул с сумочкой... Стоп! Это он!

Василий открыл глаза. Прошли секунды. Теперь действовать. Впереди — улица и проспект. Куда свернул парень в куртке? Улица — поуже, побезлюднее, там трудно затеряться. Значит, остается проспект... Через квартал Спирин нагнал парня.

Воображение

В тот день Спирину достался легкий участок — сопровождать электропоезд. Ненадолго задержался в тамбуре. Здесь туристы, судя по всему, заядлые рыболовы, спорили о достоинствах спиннинга. Василий тоже ввернул пару словечек. Они прислушались с уважением, узнавая своего брата-рыболова. Спирин взглянул через стеклянную дверь и, отказавшись от предложенной сигареты, вошел в освещенный вагон.

Прямо у входа на скамейке сидел пожилой гражданин. Аккуратно зачесанные назад редкие седоватые волосы, коричневое ворсистое пальто, ярко-красный шарф. Рядом — темно-зеленый чемодан. «Интересно,— подумал Спирин.— Позавчера ночью я его видел в воинском зале. Никакого чемодана с ним не было. И сегодня на перроне он тоже был без чемодана. Может, из камеры хранения забрал? Но почему же он метался тогда по платформе?»

Спирин наклонился и спросил в упор:

— Чей чемодан?

Мужчина, помедлив секунду, улыбнулся:

— Нашел в электричке. На ближайшей станции собирался сдать в милицию.

Вор был тертый и опытный. За свои семь судимостей он изучил уголовный и уголовно-процессуальный кодексы как азбуку. И точно знал: не будет потерпевшего, не будет и восьмой судимости. Вора на месяц задержали как лицо без определенного места жительства.

В запасе у Спирина было тридцать дней, чтобы найти потерпевшего и доказать вину подозреваемого.

Увы, ни в одно из отделений милиции города и области заявления о краже зеленого чемодана не поступало. И вот вечерком, запасшись пачкой «Столичных» и чайником крепко заваренного чая, Василий надолго устроился у себя в кабинете. Разбирал содержимое чемодана.

Ни документов, ни писем или на худой конец записки там не оказалось. Ни библиотечной книги, ни квитанции. Кримпленовый костюм, несколько рубашек, майки. Судя по всему, их владелец из отпуска или командировки возвращался — белье мятое, несвежее. А парень, наверное, молодой. Покрой пиджака модный.

— Ничего себе приметы,— сказал Спирин,— ищи, Васенька, по всей стране владельца нестираных маек и модного пиджака.

Он повертел в руках новенький фотоаппарат «Киев», извлеченный со дна чемодана. Счетчик кадров стоял на делении «35», значит, пленка отснята полностью. Василий Николаевич не стал ждать утра. Он поехал домой и, составив растворы, проявил пленку. Не дожидаясь, пока она высохнет, стал разглядывать кадры на свет. Улыбающиеся, веселые лица. То в пляжном наряде, то за ресторанным столиком. Судя по всему — группа отдыхающих, курортников. Спирин печатал фотографии до рассвета. И наутро жена увидела, как он, вооружившись лупой, разглядывал лежащие веером фотографии.

— Клава, погляди, видишь, здание на снимке, на нем — вывеска «Дом отдыха». Дальше неразборчиво. Ну, ладно. А впереди, впереди что? Разбираешь?

— Вроде бы «Яновский», что ли?

— Ну и растяпа же я, «Ульяновский», ну, конечно, «Ульяновский»!

На следующий день Спирин был в Ульяновске. Отыскал дом отдыха. И даже некоторых запечатленных на снимках. Но вот кто фотографировал? Того самого парня с аппаратом, чей чемодан оказался в Куйбышеве, люди как на грех не помнили. То ли Саша, то ли Стасик. В канцелярии дома отдыха уже перебрали адреса и фамилии всех молодых парней, отдыхавших недавно, и Спирин предчувствовал, что список будет внушительный.

Он ушел в сад, выбрал укромный уголок и снова, в который раз, стал разглядывать фотографии. Сравнив шесть коллективных снимков, обратил внимание: на них все люди повторяются, кроме паренька в темных очках. А там, где он снят,— нет молодцеватого летчика из первого ряда. Вероятнее всего, фотограф именно этот паренек. Щелкал, щелкал других на память, а потом и себя захотел увидеть на карточке. Передал аппарат, наверное, летчику.

Когда Спирин попросил работников дома отдыха назвать если не фамилию, то хотя бы имя паренька, те за голову схватились: «Ой, товарищ лейтенант, как же мы раньше не сообразили! Это же Саня Новиков, за несколько дней до отъезда аппарат купил, всех подряд снимал, практиковался...»

В поселок, где жил Саня, инспектор приехал на следующий же день. Все не выходила из памяти наглая ухмылка рецидивиста, и очень уж хотелось самому побыстрее привезти потерпевшего в Куйбышев.

Долго потом удивлялся молодой рабочий:

— Товарищ лейтенант, это же прямо как в кино! Я и заявлять не стал, решил, дело гиблое. Сам, думаю, виноват, выпил в буфете лишнего, заснул крепко, а чемодана как не бывало. Неужели по фотографиям нашли меня?

Артистизм

— Ну, как смотрюсь?

— Вася, ты неотразим. Только галстук давай перевяжу. Вот так.

Клава придирчиво оглядела мужа. Пестрая сорочка, темно-синий галстук в тон джинсам, на заднем кар-

мане которых красуется молодцеватый ковбой, мягкие замшевые туфли. Волосы лежат небрежно, и выражение лица чуть глуповатое, простодушное и легкомысленное.

— Ну, я пошел...— Василий потоптался у порога,— Клавочка, дай еще пять рублей, вдруг не хватит.

Клава достала из-за старинного зеркала хрустящую синенькую пятерку.

— В добрый час, мой лейтенант, только, ведя шикарную жизнь, не забывай, что ближайшее поступление денег в семейную кассу ожидается нескоро.

В комнату с шумом вбежали дети.

— Сережа, смотри, наш папа на танцы в клуб собрался,— Белла прыснула в кулачок.

— А вот и не на танцы, а вот и не в клуб, а на работу, правда, пап?

Да, он снова после рабочего дня шел на службу. В привокзальный ресторан.

Спирин смеялся, шутил со случайными соседями по столику, рассказывал анекдоты, разливал вино. Молоденький оперативник за соседним столиком только диву давался, глядя на своего обычно серьезного и молчаливого начальника.

А начальник, то есть молодой прожигатель жизни, рассеянным взглядом скользил по лицам танцующих, по опустевшим столикам. Женщины с упоением танцевали, а их сумки беспечно висели на спинках стульев.

Совсем недавно в этом ресторане во время танцев исчезли три сумки. А всего по городу было зарегистрировано семь аналогичных случаев. Преступников ждали во многих ресторанах, но Спирин почему-то был уверен, что вновь они появятся именно здесь: преступников, по мнению Спирина, посетительницы привокзального ресторана больше привлекали. Ведь всех прочих представительниц слабого пола, как правило, приглашают в ресторан мужчины, и вряд ли женщины возьмут с собой крупные суммы денег. А вот одинокие транзитные пассажирки, объединившиеся вдвоем-втроем, чтобы скоротать время между поездами,— дело другое. Не случайно из четырех «городских» сумок преступники взяли всего семьдесят два рубля, тогда как из трех «вокзальных» — более пятисот.

Музыка грохотала с прежней силой. Седеющий певец, обняв микрофон, казалось, не пел, а уговаривал

слушателей: «Не надо печалиться, вся жизнь впереди... надейся и жди...»

Василий поморщился. «До чего же пустые слова, хотя, впрочем, мое нынешнее положение характеризуют как нельзя лучше. Надеюсь и жду».

Спирин запнулся. Он не сразу понял, что именно заставило его насторожиться. Снова пробежал глазами по залу. Ага, вот оно. За крайним столиком появилось новое лицо. Довольно привлекательная девушка, и одета со вкусом. Откуда же я ее знаю? Этот знакомый овал лица, родинка на щеке возле уха. Василий прикрыл рукой глаза.

— Что с вами? — участливо спросил сидящий напротив моряк.

— Ничего, браток, пройдет, видно, перебрал лишнего!

Он вспомнил «особые приметы»: родимое пятно на щеке величиной с копеечную монету, на внутренней стороне запястья татуировка — мужское имя. Называет себя Ниной, студенткой из Москвы. Эту ориентировку он читал с полгода назад. Мошенница была объявлена во всесоюзный розыск. Но лицо этой девушки было знакомо Спирину скорее по фотографии из его личного альбома. Надо проверить.

Спирин встал из-за стола. Провожаемый сочувственным взглядом моряка, нетвердой походкой направился к выходу. По пути, покачнувшись, оперся о соседний столик и прошептал, едва заметно шевеля губами: «Крайний справа стол, девушка в голубом». Товарищ понял его сразу. Теперь он не спустит с нее глаз.

Дежурный по отделу удивился, увидев старшего инспектора таким франтом, но виду не подал. Спирин стремительно влетел в кабинет, открыл сейф. Вот он, знаменитый синий фотоальбом, на первой странице которого девять лет назад сержант Спирин вывел крупными буквами: «Лица, склонные к совершению правонарушений». Инспектор перелистывал страницы. Молодые и старые, испуганные и нагловатые, мужчины и женщины, снятые в разные годы, более полутора тысяч фамилий, имен, кличек, адресов. Разные люди, некоторые из них после совершенных ими проступков, к счастью, не стали преступниками. А вот и девушка с родимым пятном.

С фотографии семилетней давности глядела еще не растерянная красота: «Мария Фомина, 1954 года рождения».

И он сразу вспомнил.

Пьяный, уснувший прямо на перроне, а над ним склонилась девчонка и воровато шарит по карманам пиджака.

Спирин вспомнил даже, как она была одета, как плакала в отделе, размазывая по лицу слезы.

Лейтенант убрал альбом, вздохнул: значит за семь лет переквалифицировалась в мошенницу. И направился обратно в ресторан.

Фомина сидела на месте. Музыканты вернулись с перерыва и разбирали инструменты. Спирин подошел к эстраде, подозвал саксофониста и негромко сказал ему что-то. По залу полилась медленная мелодия блюза. «Совсем другое дело,— думал Спирин, направляясь к крайнему столику,— на шейк я со своим разорванным сухожилием не потяну».

— Вы позволите?

Фомина улыбнулась, не признав, разумеется, в типичном ресторанном завсегдатае молоденького сержанта, задержавшего ее много лет назад. Он вел ее в танце легко и уверенно, исподволь поглядывая на левую руку партнерши, лежащую у него на плече.

— Мой счастливый соперник носит имя Коля, и вы его так любите, что решили навечно запечатлеть дорогое имя?

— Перестань, видишь, я краснею. Девчонкой баловалась, а теперь не выведешь. Очень некрасиво, да?

— Пустяки, это вас не портит... Маша.

— Ты всех незнакомых девушек называешь Машами или через одну?

— Через одну.

— Ну, мальчик, это не лучший способ познакомиться. А зовут меня Ниной. Между прочим, москвичка.

Музыка смолкла. Спирин не хотел скандала в ресторане. Он склонился к плечу Фоминой и тихо произнес:

— Ниночка, я приготовил маленький сюрприз, пойдемте посмотрим?

— Ох уж эти кавалеры,— засмеялась Фомина и кокетливо взяла инспектора под руку.— Ну пойдем.

...Через час мошенница давала первые показания.

Прогнозирование

Близилось лето — самая горячая пора на вокзалах. Готовились к приему большого потока пассажиров железнодорожники, готовилась и милиция. Третий день допоздна засиживался Спирин на работе, изучая старые дела из архива, что-то сверял, выписывал, подсчитывал. В пятницу, на очередной летучке, Василий Николаевич попросил слова, что случалось с ним крайне редко.

— Я тут подсчитал. Больше всего краж летом приходится на кассовый зал. Пассажир торопится закомпостировать или купить дефицитный по летнему времени билет, о вещах не думает, у касс — очередь, давка. Самая благоприятная для нашей клиентуры обстановка.

— Что же ты предлагаешь?

— Выделить оперативную группу для дежурства в кассовом зале.

...Спирин пристроился в конце самой длинной очереди. Беспечность пассажиров его раздражала. Вот, например, тот дядька в соломенной шляпе пробивается к кассе, а чемодан посреди зала бросил.

Спирин мысленно наметил предполагаемые объекты кражи: черный чемодан в центре зала, красная сумка, одиноко стоящая у скамейки, и внушительный черный портфель в самом углу, возле фикуса. Если в зале есть преступник, он непременно даст о себе знать. А вот и он! Усатый мужчина в черных роговых очках только делал вид, что читает газету, он так же, как и инспектор, внимательно оглядывал зал поверх газетного листа. Изучал, так сказать, обстановку. Спирин снова превратился в озабоченного пассажира и протиснулся ближе к кассе.

— Папаша, на Ульяновск есть, не знаете?

— Что я тебе, справочное бюро? — Дядька в соломенной шляпе стоял в очереди вторым и в каждом подошедшем видел претендента на его место.— Шагай в хвост!

А в это время усатый нагнулся, подергал черный чемодан за ручку, словно пробуя его на вес, оторвал от пола и понес к выходу...

Спирин нагнал его у самых дверей.

За девять лет работы в милиции коммунист Спирин расследовал около четырехсот преступлений. В пос-

ледние годы у него — стопроцентная раскрываемость. За задержание особо опасного преступника получил внеочередное звание старшего лейтенанта. Награжден медалью «За отличную службу по охране общественного порядка», грамотами ЦК ВЛКСМ и МВД СССР.

«Этот везучий Спирин» — так называют его товарищи.

Конечно, Василию Спирину повезло. В том, что он от природы обладает феноменальной памятью, смелостью, выносливостью, физической силой, острым умом. Да, но не только. Повезло и в том, что рядом с ним с самого начала находились люди, у которых было чему поучиться: искать знакомых выходов из незнакомых ситуаций, накапливать умение распознавать повадки, особенности характера, слабости тех, кто мешает людям спокойно жить.

И потому мы берем на себя смелость утверждать, что счастливая звезда Василия Спирина взошла над ним в тот день, когда он впервые переступил порог милиции с твердым убеждением работать именно здесь.

БОРИС СЕЛЕННОВ

Самый первый год...

— Алло! Алло!

За тонкой перегородкой простуженный голос вызывал Ленинград.

— Здравствуй! Ты слышишь? Здравствуй! У меня все в порядке,— донеслось из-за стены.— Собираюсь в командировку. Наверно, на месяц. А потом в Ленинград... Честное слово. Обязательно буду. Ну, конечно, скучаю. Ты сама знаешь... Хорошо, хорошо, понял,— голос встревоженно заторопился,— время кончается. Да, время... Ясно... Ну все, целую. Скоро буду. Жди.

Звякнул аппарат. Человек за стеной замолчал.

Сизым облаком плыл по комнате папиросный дым. За окном, вытянувшись на все три тысячи с лишним километров будущей трассы, лежала холодная ночь. И замполиту ясно представилось, как у вышедшего на крыльцо человека сжалось сердце от острого чувства одиночества. Ему захотелось догнать вышедшего, положить ему руку на плечо, заглянуть в глаза, чтобы он понял: кончится и эта длинная ночь, пройдет и эта минутная слабость.

...Днем все проще. День заполнен до краев делами, разговорами, встречами. Днем вокруг люди, которые сразу заметят, если ты загрустил. Днем раскалывается голова от телефонных звонков, гудят ноги в пудовых от налипшей грязи сапогах.

Сколько их было, таких дней, здесь, на БАМе, в тот первый и самый трудный год? Вереницей проносились они один за другим, нервные, клокочущие, пока не наступала вдруг вот такая, словно специально созданная для раздумий, бессонная ночь. И сон летел прочь. И впервые за долгое время человек оставался наедине с самим собой, чтобы переворошить всю свою жизнь, воскресить в памяти что-то далекое и полузабытое, разобраться в сумятице дней, заглянуть в будущее. И мысли текли не спеша, как вода в широкой сибирской реке, не прыгая с одного на другое, издалека, от самых истоков, потому что времени хватит — велика северная ночь...

Плавал сизым облаком по комнате дым. Замполит сидел за столом и чувствовал: эта ночь бесконечна...

* *
*

...Дежурный по аэропорту, взглянув на милицейскую форму, кивнул Алексееву как старому знакомому.

— Сегодня уже четверо ваших прилетели.

И махнул рукой куда-то в сторону поросших тайгой сопок:

— Прямо по этой дороге и топай до Тынды. Или лови попутную.

Алексеев опустил чемодан на землю. Огляделся. Сопки, как застывшие зеленые волны, высились вокруг аэродромного поля.

— Куревом не богат? — вновь заговорил дежурный.— А то угости. Московский, наверно, табак-то?

Юрий Леонтьевич достал пачку «Беломора», протянул парню. Тот помял папиросу в пальцах, зачем-то понюхал, улыбнулся:

— Я «Беломор» тоже уважаю. Тут у нас снабжение хорошее. И «Беломор» настоящий есть. А все же свеженький, только из самолета — приятней.

— А какой же настоящий? — полюбопытствовал Алексеев.

— Московский хорош. А еще, пожалуй, получше ленинградский. Фабрики Урицкого. Курил?

— Случалось,— ответил Алексеев.— Три года в Ленинграде прожил. Пожарно-техническое училище там кончал.

— Да ну? — Парень растянул в радостной улыбке рот.— Так мы с тобой, считай, земляки. Я-то из Приозерска, слыхал?

— А как же...

— Слушай, земляк,— продолжал парень,— а что это ваши-то едут и едут,— он показал взглядом на погоны,— случилось что? Что-то я ничего не слышал?

Алексеев улыбнулся:

— Раз не слышал, значит, ничего не случилось.— И уже серьезно добавил: — Новое управление создано в Министерстве внутренних дел. Управление на БАМстрое.

— Ого,— парень присвистнул,— моя милиция меня бережет!

— Точно.

— Это хорошо,— подытожил дежурный.

...В первые же минуты знакомства начальник отдела капитан милиции Летов, сутуловатый, смуглолицый, внимательно взглянув на Алексеева сквозь стекла очков, сказал:

— Работы много...

— С чего начинать? — спросил Юрий Леонтьевич.

— С партийного собрания, замполит. О задачах, стоящих перед коммунистами отдела. Начинай прямо сегодня.

И заметив удивленный взгляд Алексеева, добавил:

— Как устроишься, разумеется. Привыкай. Это БАМ...

Протянул руку:

— Раз есть начальник, есть замполит, значит, есть и отдел. Как считаешь?

— Все верно...

...Вечером вместе со своим новым знакомым и соседом по койке первым автоинспектором на БАМе Михаилом Игнатьевичем Обуховым замполит сидел у своего временного жилья под крупными и низкими звездами и слушал его неторопливый говорок:

— Вначале пришлось покрутиться. Про выходные не вспоминали даже. В первые дни останавливаешь водителя:

— Ваши документы!

А он:

— Да ты что? Я же здесь живу...

Поселок маленький, все друг друга знают. Какие там документы? Дома лежат. С шести утра на ногах.

Сначала в автобазу, проверишь машины, выходящие на линию. Потом в отдел, документацию разбирать, с вызванными поговорить. Тут какое-то происшествие. Выезжаешь на место. А концы у нас какие? На шесть человек — Тында да шестьсот километров дороги. На трассе Москва — Ленинград сколько постов и отделений? А у нас всего шесть человек. Чувствуешь разницу? Если бы не общественники — не знаю, чтобы и делали.

С ними и поработаешь часа три-четыре. А как же? Люди всю смену отработали, сюда приехали, а нам уж, как говорится, сам бог велел.

Дома раньше девяти не бываешь.

Очень трудно, что транспорта нет. Представляешь? В ГАИ нет машин! Остановил кого-нибудь — поехал. Только так.

Помню, вышел из дома, смотрю, КРАЗ огромный идет. И что-то подозрительно мне показалось. Делаю знак остановиться, не останавливается. Еще раз. Мимо едет. Я автобус останавливаю — за ним. Километров двадцать догоняли. Остановили все-таки. Водитель на ногах еле держится. С собой еще ящик водки везет.

— Что же ты делаешь? — говорю, он мычит что-то в ответ.

Обухов глубоко вздохнул.

— Трудно. Конечно, трудно...

Свою самую первую ночь на БАМе Алексеев провел под открытым небом. После долгой беседы с Обуховым, затянувшейся далеко за полночь, они наконец пошли укладываться в свою половину вагончика, где, дожидаясь новых сотрудников отдела, стояли еще две незанятые кровати. В помещении было душно. В отличие от Обухова, который сразу же мирно засопел, Алексеев ворочался с боку на бок. В конце концов он оделся, вышел на улицу и, выкурив еще одну папиросу, пристроился на груде недавно полученного оборудования, укрывшись толстым брезентом. Звезды, висевшие низко-низко, над самыми верхушками сосен, повели над головой бесшумный хоровод...

Он проснулся оттого, что кто-то жарко дышал ему в лицо. С трудом разомкнул веки. В упор на него смотрели угрюмые зеленоватые глазки. Алексеев вздрогнул, изо всех сил ударил во что-то лохматое и мягкое. Темный ком с воплем скатился вниз. Под тяжелым телом затрещали кусты. Юрий Леонтьевич вскочил, с

трудом переводя дыхание. Кровь колотилась в висках...

Утром Алексеев узнал, что напугавший его лохматый ком был ручным, правда довольно крупным, медвежонком, приходившим всегда в отдел на запах гречневой каши...

...Юрий Леонтьевич встал, обмерил шагами кабинет. В те первые дни о таком помещении никто из них не смел и мечтать. Весь отдел размещался в небольшом вагончике. За один-единственный стол садились по очереди, чтобы написать необходимые справки, вызовы, документы. Вся работа в основном шла среди людей, на строительстве будущей трассы, в хозяйствах, строительно-монтажных поездах, в общежитиях. Даже то, самое первое партийное собрание отдела прошло прямо на полянке в лесу.

Впрочем, был ли тогда отдел? По документам — да. Официально Амурский линейный отдел внутренних дел управления МВД на БАМстрое существовал и выполнял все возложенные на него функции. А фактически... Фактически были люди, разные, очень не похожие друг на друга, приехавшие сюда со всех концов страны.

Впрочем, нет, думал Алексеев, шагая по кабинету, тут, брат, ты прав лишь отчасти. За всей непохожестью этих людей у них было много и общего. Все носили погоны, все привыкли к строгой милицейской дисциплине, всем было знакомо чувство долга. И все, наконец, приехали сюда по собственному желанию, или, если говорить громкими словами, по зову сердца. Правда, никто из них таких слов не произносил. Одни говорили: романтика... И тут же смущенно умолкали. Другие говорили про богатую природу здешних мест, охоту и рыбалку, третьи — про огромную стройку, но все явно чего-то не договаривали. И эта часть беседы для замполита и его собеседников была обычно самой трудной.

В общем-то все было правильно — и про романтику, и про охоту. Но главное — и это замполит, чем больше сходился с людьми, тем сильнее чувствовал — главное было в том, что все хотели быть участниками этой стройки века, которая для потомков станет в один ряд с легендарными Днепрогэсом и Запсибом, целиной и Братском. И получалось, что все они действительно приехали сюда по «зову сердца», работали

без выходных, не досыпали ночей, нервничали и мучались во имя этой главной и единственной цели.

Охраняли порядок, дорогостоящее оборудование, те огромные ценности, которые посылала страна БАМу.

Юрий Леонтьевич еще раз прошелся по кабинету, потом, порывшись в тумбе стола, нашел толстую общую тетрадь.

Много раз вот такими же бессонными ночами принимался замполит за свой дневник. Решительно садился за стол, брал в руки перо. И спотыкался о первое же слово, как о высокий порог: не связывалось все увиденное и пережитое в те особые, чеканные слова, какими, по его разумению, надо было писать про БАМ. Всплывали в памяти заботы прожитого дня, встречи, разговоры. Вставали перед глазами люди, в которых, как ни вглядывался замполит, вроде и не было ничего особенного, героического. И терялся замполит, закрывал дневник, так и не написав ни строчки...

...Прав был первый автоинспектор Обухов, на БАМе трудно было всем. А им особенно. Потому что здесь к уже известным трудностям милицейской работы добавлялась едва ли не самая главная: в максимально короткие сроки узнать людей, населявших Тынду и все поселки по трассе (а эти люди-то и сами только-только начинали узнавать друг друга), завоевать их авторитет, найти в их среде своих верных помощников. Без этого нечего было и думать об успешной работе линейного отдела.

...Однажды замполит вместе с участковым инспектором старшим лейтенантом милиции Анатолием Лукьяновым пошел вручать почетную грамоту лучшей в Тынде добровольной народной дружине. Встречные, в рабочих спецовках, ватниках, телогрейках, приветствовали участкового уже как своего старого знакомого. У дворца культуры «Юность» к ним подошла пара, приветливо поздоровались.

— Ну как дела? — спросил Лукьянов.

— Спасибо, Анатолий Григорьевич,— женщина улыбнулась, словно держала в зубах ромашку,— все хорошо!

Потом, когда попрощались, замполит узнал историю этой молодой семьи.

— У меня на участке новый дом строился,— рассказывал Анатолий.— И там работала бригада деву-

шек-отделочниц. Я туда часто заходил. Всякий раз, когда мимо иду, если есть минута свободная, обязательно поднимусь на последний этаж и гляну оттуда на город. Интересно. С каждым днем что-то новое увидишь. Девчата привыкли ко мне.

— Опять работу проверять идешь?

Отшучивался как мог. Не скажешь ведь, что просто полюбоваться на город хожу. Засмеют. Девчата за словом в карман не полезут.

Анатолий улыбнулся, посмотрел на Алексеева:

— А вообще-то молодцы. Работали здорово. И дружно. Вечерами часто всех на танцах видел. Одна только в стороне держалась. Валя, это я уже потом узнал. Обычно девчата работают, поют, а эта все молчит, вроде думает о чем-то своем.

Раз спрашиваю:

— Что грустная такая?

А она мне:

— Тебе какое дело!

Девчата, понятно, в мой огород — камешки. Мол, хоть ты и милиционер, и старший лейтенант, а к Вальке не приставай. Незамужних девчат полно. А то тебе ее Иван вмиг голову оторвет.

Ну ладно, думаю, Иван так Иван. Не хочешь — не говори. А что-то, чувствую, не так в ее жизни, как надо. Что-то гнетет ее, давит. Ладно, решил, посмотрю, что будет дальше.

Раз захожу опять — дом уж почти готов был. Вот-вот комиссия будет принимать. Смотрю, Валя-то от меня отворачивается. Так и есть, синяк под глазом. Нет, думаю, так дело не пойдет. Вечером пришел опять, подождал, когда работу девчата закончат, иду за ними, чтоб не видели. Дождался, когда девчата к общежитию свернули, догнал Валю.

— Что случилось? — спрашиваю.— Давай со мной откровенно.

Не тут-то было. В общем долго мы с ней говорили, пока поняла она, что хочет участковый инспектор Лукьянов ей только добра. В общем, оказалось...

— Трудная семья? — подсказал Юрий Леонтьевич.

— Почти так. Муж у нее плотником работает и большой любитель был этого дела,— Лукьянов выразительно щелкнул себя по шее.— Мы тут прикрыли это дело. И в Тынде, и по всей трассе сухой закон установили. А в пятидесяти километрах в любом продмаге

водки сколько хочешь. А что шоферу пятьдесят километров?.. Да если по пути...

В общем, взял я ее Ивана в работу. Первый раз зашел, он на меня чуть не с кулаками: не лезь в личную жизнь. Я ему: какая же это личная жизнь, если жена вон с каким глазом ходит? Он, было, на нее: а, посадить меня хочешь? Жаловаться бегала? А сам здоровый такой верзила. Ну, тут уж пришлось вмешаться. Успокоил его немного. И говорю: заруби себе на носу. Валю в обиду не дам! Еще раз хоть пальцем тронешь — пеняй на себя.

И начал к ним ходить. Каждый вечер с работы, прежде чем домой, к ним заверну: как дела? На работу к Ивану сходил, с товарищами его побеседовал. Они со своей стороны начали на него нажимать. Вот так и долбил. Теперь я за них спокоен...

Лукьянов шагал легко, пружинисто. Кивал приветливо встречным. И чувствовалось, что внутри у него все пело от неожиданной встречи. Замполит прекрасно понимал состояние парня. Конечно, приятно разыскать, задержать опасного преступника, изолировать его от общества. Но куда приятней вовремя поддержать споткнувшегося человека, не дать ему упасть, помочь твердо пойти по правильному пути. И потом, повстречавшись, спросить о делах и услышать в ответ:

— Спасибо, Анатолий Григорьевич. Все хорошо!

Вот в такие минуты особенно остро чувствуешь гордость за свою форму, за милицию в целом, за свою сложную, но нужную людям работу.

Вот такие чувства переполняли участкового инспектора. А шагавшему рядом замполиту вспоминался и долгий болезненный процесс акклиматизации Лукьянова здесь, в Тынде, долгие разговоры с молодым участковым с глазу на глаз вечерами, когда в его кабинете уже никого не было. Сколько потребовалось замполиту терпения и такта, чтобы заставить поверить в себя этого парня, у которого от первых неудач опустились руки.

— Ты пойми, что тут всем трудно,— доказывал замполит, не задумываясь, что говорит словами первого автоинспектора Обухова.— Ты себе потом не простишь никогда, если уедешь...

В штабе их уже ждали. Передавая грамоту управления МВД СССР на БАМстрое командиру луч-

шей в Тынде добровольной народной дружины Таисии Николаевне Лосевой, Алексеев говорил собравшимся торжественные слова, какие обычно говорят в таких случаях, благодарил за помощь и чувствовал себя счастливым от встречи с этими удивительными людьми.

Да, безусловно, отдел и он сам, Алексеев, сделали немало, чтобы создать в Тынде добровольную народную дружину, комсомольские оперативные отряды. Они верили, что люди их поймут и пойдут навстречу. Нашлись и скептики, доказывавшие, что намотавшимся за дневные смены людям будет не до патрулирований и рейдов, что им надо отдохнуть, наконец, просто-напросто выспаться. Но все разговоры очень быстро затихли.

Люди, отработав день на сорокаградусном морозе, наскоро перекусив, приходили в штабы народных дружин, шли дежурить на улицы, проводили рейды по общежитиям. Они чувствовали себя хозяевами здесь, на стройке, чувствовали себя ответственными и за будущую магистраль, и за судьбу сбившегося с пути молодого парня.

Душой дружины была Таисия Николаевна Лосева.

К каждому подход найдет. Натворит кто-нибудь — она сразу к нему: да ты же хорошим парнем был, что с тобой случилось? «Удивительная женщина»,— говорил о ней Лукьянов.

Энергичная Лосева словно заряжала окружавших ее людей бодростью.

В квартирку, которую она получила с мужем от мехколонны и которая стала, можно сказать, филиалом штаба, приходили в любое время. И каждый находил там то, что искал: и совет, и помощь, и участие, и тот незамысловатый уют, по которому тосковали люди, оторванные от своих семей.

Алексеев вспомнил, как рассказывала Лосева про первый возведенный их мехколонной мост, о едином стремлении сотен людей сдать его раньше срока, о настоящем празднике, которым стал день приема комиссией их творения. Она рассказывала с таким увлечением, что Юрий Леонтьевич ощутил даже некоторую обиду оттого, что не был в те дни с ними рядом.

Что же заставляет, думал замполит, жертвовать своим личным, тратить время на то, что вроде вовсе не связано с их профессией?

...Сидел в своем кабинете замполит, думал. Один за другим проходили перед глазами дни первого, трудного года становления отдела. Вспоминалось, как создавали партийную организацию, комсомольскую. Как своими силами строили это здание. Сколько событий было в тот первый год! Сейчас все и не вспомнишь. Полистать бы дневник, воскресить в памяти прожитые дни. Но дневника нет.

Юрий Леонтьевич с неудовольствием покосился на толстую общую тетрадь. Убрал ее опять в тумбу стола, закурил.

Ему захотелось написать о том, как незаметна подчас замполитовская работа. И всходы ее тоже видны не сразу. Разговоры по душам, собрания, экстренные выпуски «молний», знакомство с приезжающими в отдел новыми сотрудниками. Беседы о БАМе, о жизни отдела. А сколько приходит людей со своими бедами и заботами! Одному позарез нужно жилье, другому — устроить ребенка в ясли. А к третьему замполит идет сам, потому что чувствует: не ладится у него что-то в жизни. А вечером — выходить на пост или лететь на задание. Сколько он там пробудет? Концы немалые. Протяженность будущей трассы, закрепленной за Амурским линейным отделом внутренних дел,— около тысячи шестисот километров.

Идут вперед десанты, строительно-монтажные поезда, идут вперед механизированные колонны. И вместе с ними уходят на трассу люди отдела: участковые инспекторы, работники других служб. В первый год восемь человек из отдела были закреплены и работали на разных участках строящейся трассы. Один был за шестьсот километров от Тынды, другой — за сто пятьдесят, третий — за сто двадцать. И если там что-то случится, то оперативной группе нужна обязательно летная погода. А если метель, пурга... Тогда участковому инспектору приходится действовать на свой страх и риск, надеясь на помощь окружающих его людей, показать все, на что он способен.

Ему вспомнилось, как однажды летом два бывших пограничника, два сержанта милиции Василий Никитин и Владимир Рудаков были командированы на станцию Бам Транссибирской железной дороги. Там, приняв ценный груз, они должны были сопровождать его до поселка Тындинский. В дороге, где-то на шестидесятом километре, два последних вагона, в ко-

торых ехали парни, сошли с рельсов и перевернулись. Восемнадцать часов, невзирая на полученные травмы, они охраняли ценный груз, пока не подоспела помощь. И потом, уже прибыв в Тындинский и смущенно выслушав благодарность начальства, ребята и не подумали зайти в поликлинику, считая, что время их службы еще не кончилось.

Да и кто из тех, кто работает в отделе, думал об отдыхе, о выходных? Разве были они, эти выходные дни, в первый год их пребывания на БАМе? И разве будут? Да и вообще, говоря строго, разве можно точно сказать, когда кончается время их службы? Раз дали присягу, значит, служба до самой отставки, а еще точнее — до конца своих дней.

В тот воскресный день младший лейтенант милиции Василий Орлов был на своем участке. Крики людей заставили его обернуться. По улице, выписывая немыслимые зигзаги, ревя мотором, мчался мощный трактор К-700. Люди шарахались в разные стороны. Сухо затрещали обломки срезанного мощным корпусом забора. Как игрушка, отлетел в сторону и опрокинулся вверх колесами двухосный прицеп. Орлов бросился к стальной громадине. Поравнявшись с трактором, рывком бросил тело на подножку, вцепился в руки, сжимавшие рычаги управления. Трактор резко вильнул влево, чуть не сбросив младшего лейтенанта с подножки. Несколько мгновений двое мужчин, напрягая силы, ломали друг другу руки. Водитель рычал, обдавая Орлова смрадным запахом перегара. Наконец Орлов отбросил его в глубь кабины. Дрожащими руками заглушил двигатель. Трактор встал. И в ту же секунду десятки подоспевших с разных сторон мужчин, словно мешок, вытряхнули из кабины враз протрезвевшего водителя. И Орлов сорвал до хрипоты голос и растерял половину пуговиц, прежде чем спас его от расправы разгневанных людей.

Водитель, высокий широкоплечий мужчина, обмяк, словно стал ниже ростом, и всю дорогу до отделения ГАИ то с испугом поглядывал назад, то почти с любовью — на молодого милиционера.

И только через три дня, когда позвонили из управления Главбамстроя, в отделе узнали о случившемся. И Орлов, вызванный к Алексееву, на все вопросы пожимал плечами и терпеливо, как малому ребенку, объяснял замполиту:

— Как же тут по-иному?.. Он бы таких дров мог наломать.

Почему так бескорыстно, размышлял замполит, здесь приходят друг другу на помощь? Разве кто заставлял, например, того же Михаила Игнатьевича Обухова порою откладывать в сторону свои срочные дела и терпеливо объяснять ошибки, подсказывать, помогать молодому автоинспектору Ивану Седых? Разве кто-то приказывал начальнику отделения уголовного розыска Киму Семеновичу Иваненко сутками возиться с недавними выпускниками высших школ милиции Григорием Маликовым и Сашей Дударевым?

Юрию Леонтьевичу вспомнилось, как после деликатного стука в дверь в кабинет вошел рослый парень со значком мастера спорта на новеньком кителе.

— Лейтенант милиции Дударев,— представился молодой человек и протянул диплом Омской высшей школы милиции,— направлен к вам для прохождения службы.

Алексеев встал, протянул руку и чуть не охнул от железного рукопожатия молодого лейтенанта:

— Силен же ты, брат! Садись, садись, не смущайся. Значит, к нам. Инспектором уголовного розыска? А если для начала в другую службу?

Александр почти с испугом затряс головой:

— Нет...

— Чем же так привлекает уголовный розыск?

И замполит услышал сбивчивый и во многом наивный, навеянный приключенческой литературой рассказ о розыскной работе. Алексеев слушал, завидуя молодости, здоровью, силе, румянящей еще совсем мальчишески пухлые щеки, и внутренне даже сочувствовал парню, явственно ощущая все его будущие разочарования, сомнения в себе самом.

Становление Дударева как инспектора уголовного розыска могло затянуться, если б не старшие товарищи по отделению и в первую очередь Ким Семенович Иваненко. Коренной ростовчанин, легко сходящийся с людьми, сыщик с большим стажем, путешественник по натуре, проводящий каждый свой отпуск в самых глухих местах, он уже через год работы был знаком едва ли не с каждым в Тынде и, казалось, знал не только то, что произошло, но и что произойдет в городе.

И благодаря постоянному общению с Иваненко немногословный, сдержанный Дударев очень скоро почувствовал вкус к постоянной работе с людьми, наладил контакты с ребятами из комсомольского оперативного отряда, возглавляемого Алексеем Филиным, и уже совсем не случайно получил благодарность от руководства за задержание опасного преступника.

...Александр был дежурным инспектором уголовного розыска, когда среди дня в отдел вбежал взволнованный мужчина. Из сбивчивого рассказа выяснилось, что в квартире, пока он был на работе, совершена кража — преступление в Тынде довольно редкое. Дударев возглавил оперативную группу, немедленно выехавшую на место происшествия. Осмотрели квартиру, установили, что преступник влез в окно, выдавив стекло, и ушел через двери. На полу в беспорядке валялась выброшенная из шкафа одежда. Преступник, видно не новичок, взял только деньги. Мальчишки, игравшие во дворе, видели, как около дома несколько раз прошел невысокий мужчина в синей куртке и черных брюках. Разослав сотрудников оперативной группы по разным маршрутам, Александр поехал к станции бензозаправки, стоявшей на выезде из Тынды. Вероятнее всего, преступник постарается поскорей уехать из города.

Подъехав к станции, спросил у дежурной, не видела ли она кого из посторонних.

— А как же, только что был тут какой-то паренек. Все ждал попутную,— отозвалась словоохотливая дежурная и вдруг умолкла: из-за домика станции вышел невысокий мужчина в синей куртке и черных брюках.

Увидев, как мгновенно посерело его лицо, Дударев резко открыл дверь оперативной машины:

— Прошу!

Спорить с крепким, плечистым, решительно настроенным инспектором не имело смысла...

— Не спишь, замполит? — Алексеев, погруженный в свои думы, вздрогнул. На пороге стоял начальник отдела капитан милиции Летов.

Странное впечатление производил в первые дни на Алексеева этот невысокий, сутуловатый капитан в круглых очках на смуглом лице. Очень уж не вязалась его внешность с тем типом сотрудника московской милиции, который сложился у Юрия Леонтьевича. И да-

же временами подумывал замполит о начальнике как о канцеляристе.

Каково же было удивление Алексеева, когда приезжавшие из столицы с различными проверками люди с большими чинами и полномочиями здоровались с Летовым как со старым знакомым, передавали ему приветы от корифеев Московского уголовного розыска, известных далеко за пределами столичной милиции. Узнал он, что Летов в двадцать восемь лет уже был начальником одного из лучших в Москве отделений милиции. А для посвященных это говорит о многом.

И еще больше удивился Юрий Леонтьевич, когда узнал, что Летов, сутуловатый, сдержанный в словах и поступках, был известен в Москве как специалист по особо опасным, тяжким преступлениям, раскрытым талантливо, с профессиональным блеском.

И чем больше присматривался, чем больше узнавал замполит начальника отдела, тем все больше и больше проникался к нему уважением.

Да, он был немногословен, потому что его понимали с полуслова. Он был медлителен, но за этой внешней медлительностью скрывалась способность к стремительному действию. Он был строг, но никто не жаловался на его придирчивость.

Сын погибшего под Москвой младшего политрука, с мальчишеских лет болезненно воспринимавший проявление любой несправедливости, он, вступив в бригадмил, отчаянно воевал с измайловской шпаной. В почтовый ящик его квартиры бросали записки с угрозами. Он рвал их в мелкие клочья, не читая.

Когда созрело решение посвятить свою жизнь милицейской работе, перед ним возникло неожиданное препятствие. Из-за плохого зрения медики не признавали Летова годным для избранной профессии. Упорство, стремление во что бы то ни стало добиться цели помогли ему одержать победу.

Летов стал работать дознавателем. Потом упросил начальство перевести его в уголовный розыск. Инспектор, старший инспектор, заместитель начальника 31-го отделения милиции, начальник. Таков его путь за двенадцать лет работы в московской милиции.

И сейчас замполит понимал, как нужен был отделу в самый первый год именно такой начальник: волевой, целеустремленный, не бросающий слов на ветер...

— Не спишь, замполит,— повторил Летов, подходя к Алексееву. Присел рядом, достал из пачки папиросу.— И мне тоже что-то не спится.

Они сидели, курили и неторопливо говорили. Говорили о Москве, о своей службе, о завтрашних делах и заботах. И с полуслова понимали друг друга.

Прощаясь, Летов задержал в своей руке руку замполита:

— Сегодня ведь год — не забыл? — как ты здесь, на БАМе...

...Небо на востоке светлело. Вставало солнце. И лучи его разрезали тайгу, как рельсы будущей магистрали.

ЮРИЙ БУЛУШЕВ

Бой, который не кончается

Как не любить свой город, да еще такой, как Сухуми. Город, где знаешь даже количество ступенек при входе в парк, все дворы, закоулки. По именам — многих жителей, а тебя, наверное, все.

Нельзя сказать, что сотрудник уголовного розыска городского отдела милиции Жан Амбросимович Акубардия поручится за всех жителей своего центрального района Сухуми. Есть потенциальные правонарушители, кое-кто нахулиганить может, есть и любители выпить, да так, что тоже ничего хорошего не жди. Но нет среди них тех, кого называют особо опасными преступниками. Такие не живут на одном месте. Такие всегда в движении, и неизвестно, когда и кто из них выберет Сухуми очередным местом своих «гастролей».

О появлении в городе Гиви Ахалая с дружками стало известно в тот же день: за матерым преступником шли по пятам. Вся милиция города была поставлена на ноги. И должно же было так случиться, что очередной жертвой едва не оказался сам Жан Амбросимович!

Поздно вечером майор Пацация отпустил его домой. «Если что произойдет, пошлю за тобой машину». Произошло — в ночной тишине раздался взрыв.

...Два сотрудника, напавшие на след преступника, уже догоняли его. Он забежал в подворотню. «Убью, не подходи!» —

и бросил гранату. Оба упали раненные, преступник скрылся. Город был перекрыт. Улицы патрулировались днем и ночью. В машине — четверо: майор Пацация, инспектор уголовного розыска Акубардия и еще двое сотрудников. Ехали медленно, всматриваясь в ночные улицы, переулки. Хорошо, что ночь выдалась светлая. Такие на юге бывают не часто.

За углом увидели «Москвич», трое суетились около машины. Видимо, отказал мотор. «Подъедем»,— сказал майор. Свернули, и, когда поравнялись с «Москвичом», один из оперативников тихо сказал: «Он». Выскочив из машины, сотрудники окружили машину полукольцом. Двое бросились в сторону, но их опередили. Бежать некуда. Они прижались к стенке. А у «Москвича» остался Ахалая. Выхватил из кармана пистолет, зарычал: «Не подходи. Убью!» — и выстрелил вверх. На него шел Акубардия. Шел не спеша, будто выбирая место, куда поставить ногу, чтобы не поскользнуться. Он смотрел только на руку бандита и следил за дулом пистолета.

— Гиви, брось оружие! Буду стрелять! — И, демонстративно высоко подняв свой пистолет, тоже выстрелил в воздух.— Брось оружие! — повторил твердо, настойчиво.

— Не подходи, гад! Убью! Говорю, убью! — И вновь высоко над головой просвистели пули.

Может, уже броситься, сбить с ног? Но, падая, он может выстрелить в упор, подумал Акубардия.

— Не губи себя. Дай пистолет.

Наверное, в эту секунду в сознании Ахалая мелькнула надежда на жизнь, пусть не на свободе, но...

Почувствовав этот момент колебаний, Жан Амбросимович вырвал пистолет, и тут же чьи-то руки опустились на плечи преступника.

Акубардия перевел дыхание. В стороне обыскивали двух дружков Ахалая. Только сейчас почувствовал он, как острый холодок пробежал по телу.

Так он выдержал первый очень серьезный экзамен.

Шло время. Акубардия набирался опыта, тренировал память. Учился наблюдать. Бросив взгляд на прохожего, пытался определить, кто он, какое у него настроение, и не ленился потом при возможности деликатно навести справки. И был очень доволен, когда угадывал. Так постепенно он запоминал многих жителей города и приезжих. Товарищи не шутя стали

называть его «ходячей картотекой». И сколько раз это знание его выручало!

Тревога. Подряд несколько дневных краж. Все поражали наглостью и какой-то маниакальной жадностью. Не брезговали ничем. Даже пластмассовой статуэткой.

Сотрудники сбились с ног. Каждый раз они приезжали на место кражи через несколько минут, но преступники словно испарялись. А тут еще начинался курортный сезон, и на улицах было много людей с чемоданами. Не проверять же каждого!

Работники милиции ходили мрачные. Город уже знал о кражах, шли толки, да и пострадавшие открыто выражали возмущение. Позвонили из министерства: «В чем дело? На поиски преступников дается три дня».

Только закончилось короткое совещание в отделе, как раздался звонок: еще одна кража.

На месте определили: почерк тот же. Опросили жильцов в соседних домах. Никто ничего подозрительного не видел и не слышал. Только сказали, что хозяйка квартиры уехала недавно в Ленинград, к сыну. Акубардия вышел на улицу. Редкие прохожие. Спокойный район. Но тут заметил наискосок от дома маленькую девочку, старательно учившуюся прыгать через скакалку.

Предупредил оперативную группу:

— Не зовите меня, не подходите. Я пойду поговорю с девчушкой.

Он несколько раз прошел мимо девочки. И когда она перестала обращать на него внимание, подошел:

— Здравствуй, дорогая. Меня зовут дядя Жан.

— Здравствуй.

— А как тебя зовут?

— Надя.— Из-под белокурой челки на Жана с любопытством смотрели зеленые глазенки.

— Что-то я тебя не знаю, Наденька. Ты давно здесь живешь?

— Давно.

— Я жду своих друзей. Ты не видела, приезжала сюда недавно машина?

— Вот она,— сказала Надя и показала на оперативную машину, стоящую неподалеку.

— Нет, не эта, а раньше приезжала?

— Не-а...

— Ну, значит, они ушли, не дождавшись меня. Как жалко...

Надя, склонив головку, с сожалением посмотрела на дядю.

— Ну что же, пойду... А ты не видела, кто-нибудь выходил вон из тех ворот?

— Видела. Тетю Юлию. Еще? Нодари пошел рыбу ловить...

— А еще, с вещами?

— Тетю и дядю.— Акубардия собрал всю свою волю, чтобы не выдать волнения.

— Ты запомнила их?

— Не-а.

— Ну как же, дядя такой полный...

— Не-а. Он худой, черный. Весь черный.— И девочка провела по личику ручкой и в довершение всего, бросив скакалку, сжала ручками свои щеки.

— Небритый? Да? И лицо худое, вытянутое? А тетя? У нее черные волосы?

— Не-а.

Через минуту он уже знал, что двое — высокая блондинка в белом плаще и худой небритый мужчина — с большими узлами прошли к набережной.

— А что, этот мужчина, без руки? Да?

— Не-а. Он...— Девочка неуклюже переступила с ноги на ногу.

Минуты две Акубардия представлял ей хромающего мужчину. Это были веселые минуты для смышленой девчушки. Дядя смешно припадал на обе ноги, волочил то одну, то другую, выбрасывая, будто на протезе, несгибающуюся ногу. Потом стал хромать менее заметно.

— Не-а, не-а.

— Ага!..

Теперь он знал. Преступник прихрамывает на левую ногу.

На следующий день, сидя в машине в центре города с другими оперативниками, Акубардия внимательно разглядывал проходящих. Еще две группы дежурили в других районах. Подошел трамвай. Вышли люди. И вдруг... Стоп! Кажется, они... Двое переходили улицу. Он черный, худой, вел под руку блондинку в белом легком плаще и чуть заметно припадал на одну ногу. На левую. Они. Ах, Надя, Наденька, спасибо тебе!

Пошли за ними на приличном расстоянии.

Мужчина и женщина дважды останавливались. Звонили в тот или иной дом. Обменивались с хозяйками двумя-тремя словами и следовали дальше. «Будто квартиру ищут»,— догадался Акубардия. На одной из улиц, ведущих к морю, остановились. Мужчина вошел в садик. Женщина осталась на улице. Огляделась: нет ли кого поблизости? Акубардия буквально слился со стеной за небольшим выступом.

Но вот и женщина скрылась в саду. Открыть любую дверь для матерого вора дело секундное. Акубардия взглянул на часы. Не торопясь, подошел к садику и встал у калитки за густой зеленью черешни.

Скрипнула дверь. На дорожке появились оба. В руках большие узлы и чемодан. Акубардия не верил глазам: на ограбление квартиры им хватило восемнадцати с половиной минут!

Дойдя до калитки, они остановились. В тени густой черешни стоял молодой мужчина в легкой рубашке и, не торопясь, срывал и со вкусом ел сладкие ягоды. Он приветливо улыбнулся им, как старым знакомым, и, широко раскрыв калитку, сказал:

— Зачем так? Зачем не бережете свое здоровье? Можно ведь и надорваться.— За его спиной у тротуара остановилась легковая машина. Справа и слева как из-под земли появились два сотрудника милиции.

Мужчина поставил было чемодан, но Акубардия его остановил:

— Нет-нет. Сам грузи. Любишь кататься, люби и саночки возить. А вам, гражданка, поможем. Мы ведь мужчины. Знаем, как вы намаялись. Столько перетаскать! Совсем себя не бережете,— с наигранным сочувствием сказал он.— Идите вперед. Не беспокойтесь, вещи теперь не пропадут...

Рядовой милиционер, потом младший инспектор, затем инспектор уголовного розыска — Жан Амбросимович Акубардия нашел себя в таком деле, о котором никогда не думал. Служил в армии в войсках МВД, демобилизовался, стал работать в лесхозе в Адлере. Но вот почему-то потянуло в подразделение внутренних дел.

Руководители отдела разглядели в молодом сотруднике и смекалку, и смелость. Он не лез сломя голову, не шел напролом при выполнении заданий, но каким-то внутренним чутьем угадывал возможную

ситуацию, был настойчив и, главное, в нужный момент проявлял выдержку и хладнокровие.

Опытом щедро делились с ним старшие товарищи. Охотно брали на операции. Он же в любое время дня и ночи готов был идти на любое задание, даже не в свое дежурство. Слушал, впитывал, учился. Не всякий может работать в уголовном розыске. А он почувствовал, поверил, что может и должен.

В 1973 году он, уже опытный профессионал, перешел работать в транспортную милицию. Поначалу казалось, что работа там немногим отличается от той, что была в городском отделе. Но с первых дней понял, что ошибался. Транспорт — как море. Только что преступник был в вагоне, через минуту сошел, растворился в людском потоке. И свидетели — уже за десятки километров. Попробуй восстанови то единственное мгновение, которое расскажет тебе о происшедшем. Все нужно решать быстро. И в то же время никогда не торопиться, чтобы в спешке не ошибиться.

Память — это не подозрительность. Хорошая память — это оружие, и еще какое!

Как-то Акубардия, тогда еще старший лейтенант, сопровождал поезд «Сухуми — Москва». В Сочи вышел на перрон. Надо было возвращаться домой, отсюда начинался следующий участок. И вдруг увидел знакомое лицо. Человек был странно одет — в пижаме, но в каракулевом «пирожке». В поезде он его вроде не заметил. Купив кое-какую снедь, человек пошел к вагону. И, мельком взглянув на Акубардия, вздрогнул. Или это показалось? Жан Амбросимович подошел, вежливо поздоровался, задал ни к чему не обязывающий вопрос.

— Зайдемте в мое купе, там и поговорим,— пригласил его человек в каракулевой шапке.

Акубардия заметил, как в соседний вагон вошел его сотрудник. «Правильно, не зевает».

В купе Акубардия попросил показать документы. Человек возмутился, назвался инженером, едущим в командировку. Нехотя стал искать по карманам документы, не забывая гневно упрекать тех, кто мешает честным людям спокойно ездить в поездах... Он явно тянул время. И когда услышал объявление об отправлении поезда, заметно успокоился. Акубардия понял: надеется, что милиционер останется в Сочи. Но Акубардия спокойно ждал. Увидев, что не отвертеться,

пассажир неожиданно встал во весь рост и, сжав зубы, угрожающе процедил:

— Что ты от меня хочешь?

Но тут же отступил к окну. В дверях купе стоял помощник Акубардия.

— Все то же,— спокойно ответил Акубардия.— Хочу, чтоб вы предъявили документы. И быстрее. Не идти же обратно в Сочи пешком.

Делать было нечего. Человек полез в карман висящего на крючке пиджака и протянул военный билет. Знал ведь, где документы.

— На, смотри и иди. И дай спокойно поесть.— Он стал демонстративно разворачивать пакетик с чебуреками, купленными на перроне.

Взглянув на военный билет, Акубардия вспомнил: Купарадзе. Его фотография была в альбоме наиболее известных, махровых преступников. «Что-то натворил. Уносит ноги,— подумал он.— Упустить его нельзя, что-то нужно придумать. Теперь и мне нужно выиграть время».

— Военного билета недостаточно. Вы сказали, что едете в командировку. Покажите паспорт и командировочное удостоверение.

И тут Купарадзе сник:

— Ну что я тебе сделал, Жан? Уезжаю совсем из Грузии. Я чист, завязал. Ты понимаешь?

— Вот что, Купарадзе. Придется сойти. Служба есть служба. Выясним все, и я сам посажу тебя в поезд.

И опять началась комедия. Купарадзе закатывал глаза и твердил, что едет на Север, что везет подарок любимой женщине, платки.

— Скоро станция, давай сойдем.

Акубардия догадался, что у Купарадзе «кукла». Знал, что недавно начались розыски преступника, сумевшего продать много партий среднеазиатских платков, пользующихся в Грузии большим спросом. «Кукла» — это тугой сверток, в котором якобы уложена не одна сотня платков. Но когда покупка принесена домой и развернута, вместо сотен видишь сверху несколько платков, а внутри все что угодно: и бумага, и тряпки...

На станции, связавшись с Тбилиси, Акубардия получил санкцию на арест Купарадзе.

Конечно, не каждый день приходится Акубардия

задерживать преступников. Число чрезвычайных происшествий сокращается из года в год, потому что дни и ночи стоят на страже общественного порядка люди. Во многом изменился за последние годы характер работы сотрудников транспортной милиции. Пришел опыт, знания, и первыми это почувствовали те, против кого этот опыт направлен.

На станции Сухуми уже привыкли к тому, что задерживают преступников, как правило, со стажем. И как бы ни маскировался преступник, каким бы изворотливым он ни был, его обезвреживают.

Акубардия не представляет, как можно жить и работать без помощников. Добровольных или невольных, без дружного трудолюбивого коллектива, который сложился у них в отделе. Один сигнал, звонок, информация часто предотвращают многие беды.

Вот Акубардия подошел к телефону:

— Это ты, Жан? — послышалось в трубке. Голоса он не узнал.— У тебя сейчас на перроне Майчадзе. Он вооружен. Десять минут назад перезарядил пистолет, загнал пулю в ствол. Будь осторожен!

— Спасибо!

Список преступлений, совершенных Майчадзе, велик. Чем только он ни занимался: и валютой, и кражами. Но самое главное и самое опасное было в том, что он разлагающе действовал на молодежь. Однако вот уже четвертый год не могли, сколько ни бились, поймать его. Хитрый, наглый, изворотливый и осторожный преступник. А тут такая удача — вооружен, одно это нарушение закона. Как взять его? Такой непременно будет, защищаясь, стрелять, а на перроне много людей. Предусмотрит он и то, что сотрудники милиции не допустят случайных жертв, этот все рассчитал заранее. Но упустить случай? Нет. Акубардия не простил бы себе этого никогда.

Он быстро вышел на перрон, предупредив на ходу помощника. Смешавшись с толпой, вошел в электричку, которая вот-вот должна была уйти, стал пробираться по вагонам, внимательно всматриваясь из окон в каждую фигуру на перроне. Вот он! Майчадзе стоял к нему спиной. Потом пошел вдоль вокзала. Дошел до открытого подъезда, ведущего в служебное помещение. Что-то его там заинтересовало. Акубардия выскочил из вагона прямо против него и, не дожидаясь, пока преступник обернется, налетел на него

сзади и втолкнул в подъезд. Майчадзе рванулся. Послышался стук упавшего на каменный пол пистолета, засунутого за пояс. Акубардия, не отпуская Майчадзе, отшвырнул ногой оружие. Подоспевший сотрудник помог скрутить преступника.

Позже выяснилось, что пистолет был им взят у убитого сотрудника милиции. Свердловское УВД уже давно его разыскивало.

За задержание особо опасного преступника старший лейтенант Жан Амбросимович Акубардия получил благодарность министра. Нет таких форм поощрений Министерства внутренних дел, которых не имеет Акубардия. Но, пожалуй, дороже всего для него доверие, теплое слово старших товарищей.

Вот, например, праздники. О них Жан Амбросимович с улыбкой говорит так:

— Я, как Золушка. Когда старшие едут на бал, меня оставляют полоть огород. Но я привык. Даже в расписание не смотрю. Знаю, что ответственные дежурства в праздничные дни все мои. Дело это нелегкое. Значит, доверяют. А о балах я шучу. Не бывает у милиции, кроме отпусков, свободных от работы дней. Да и в отпуске они бывают не всегда.

Честно говоря,— улыбается капитан Акубардия,— если бы я работал в учреждении, наверное, и на часы посматривал бы, скоро ли обеденный перерыв. И планировал воскресенье, как и с кем провести его: на море или поехать в горы.

И вот подумал: как же это получается, что иногда приходится работать сутками? Может быть, я сам не умею правильно распределить время? Помню, когда задал себе этот вопрос, как раз ждал поезда из Тбилиси. Нужно было пойти по вагонам, приглядеться к пассажирам, вдруг кого-нибудь из «приятелей» встречу. Ушел тбилисский, поехал его сопровождать наш работник. И подумал — твое время кончилось, дай указания лейтенанту и иди домой, в кино, куда хочешь иди. Ты свободен.

Посмотрел на часы: прибывает состав из Сочи. Везет отдыхающих. Сейчас начнется обычная суматоха. Кто куда. Кто в камеру хранения, кого-то встречают знакомые, этот в санаторий, а этот просто так приехал и еще не знает, где будет ночевать. На перроне дежурных всего двое. Как не помочь им профильтровать хотя бы глазами сотни прибывших? Два глаза

хорошо, четыре — лучше. Нет, мы не ждем каждый день преступника, на которого объявлен всесоюзный розыск. Мы просто внимательно смотрим на прибывших. Рассматривать в упор каждого — оскорбление. Но бывает, поймаешь на себе взгляд. И тут же задумаешься: случайный или нет? Один приехал или с семьей? Видел ты его раньше или нет? Отвернулся он сразу, спрятал лицо, не хотел, чтобы ты его заметил, или так, любопытный? Все это нужно сообразить в доли секунды.

Разошлись приезжие. Обменялся с лейтенантом двумя-тремя фразами. Смотрю на часы. И говорю ему: сейчас уходит электричка, ты езжай, а я останусь. Молча кивает лейтенант. Спасибо у нас не говорят. Понимает с полуслова. Поздний вечер. Поедут люди на электричке, часто компаниями, побывавшие в кафе и ресторанах. Ведь это курорт. Все может быть. И глупая ссора, и наглое «ухаживание». Помощник уезжает, я остаюсь. Прихожу домой под утро. Так неужто я не умею распределять время?

Ответ знаю давно. Не можешь иначе работать — уходи.

...Скорый поезд тихо подплывает к станции. Из окна вагона показались пакгаузы, затем первые станционные постройки и, наконец, как в замедленной киносъемке, выплыло красивое светлое здание с колоннадой по фасаду и ажурным орнаментом оконных и дверных переплетов. Вокзал от поезда отделяет широкий заасфальтированный перрон, на нем забранные каменным бордюром газоны-пеналы, а в них цветы. Цветы субтропиков — яркие, большие, от блеклорозовых до чернильно-фиолетовых.

ПАВЕЛ ШАРИКОВ

Звезды Мукана Умырбаева

Когда старшина милиции Мукан Умырбаев вошел в кабинет начальника, тот молча протянул ему телеграмму с грифом «Совершенно секретно».

В телеграмме говорилось о том, что поездом «Москва — Ташкент» едет вооруженный преступник и что отделу железнодорожной милиции Семипалатинска надлежит его задержать и обезвредить. Сообщались приметы. Возраст — двадцать два года. Одет в куртку, на голове кепка, рост средний, коренаст. Вооружен пистолетом. «Не густо»,— подумал старшина.

— Знаю, Мукан, что ты с дежурства. Но дела такие — не до сна. Возглавишь опергруппу. Подумай, кого возьмешь с собой, обмозгуй легенду на всякий случай. Словом, готовь план операции. Через полчаса ко мне.

Мукан не удивился и не спросил: почему, как только возникает горячее и опасное дело, выбор падает непременно на него. Для него это было естественно. Кому, как не ему, принимать на себя главную ответственность? Он — коммунист, фронтовик, проведший на передовой, в самом пекле более двух лет.

Его военная судьба сложилась счастливее, чем судьба многих его друзей и товарищей. В сорок втором году Мукан оказался под Ржевом. Полк держал оборону. Фашист снарядов не жалел, беспрерывно молотил наши позиции. Связь то и дело прерывалась.

— Мукан, выручай, дружище! — говорил в таких случаях командир полка майор Гукулов.— Не могу командовать, когда этот ящик молчит как рыба.

И Мукан лез под пули, чтобы «ящик» заговорил и на КП полка вновь раздавались голоса комбатов. Вокруг рвались мины, свистели снаряды, а ракеты заливали небо и землю таким ярким светом, что фигура смельчака была видна словно на ладони, и только чудом можно было объяснить, что Мукан не стал добычей фашистских снайперов. Солдатский век связистов полкового КП исчислялся не годами и даже не месяцами. Случалось так: вечером познакомишься с новичком, а на утро смотришь — его уже нет и дежурит другой. Но Мукан, несмотря ни на что, верил, что вернется. И возвращался.

Смерть стороной обходила Мукана. Говорили: родился под счастливой звездой. Однако звезда звездой, но война научила Мукана подавлять в себе естественное чувство страха, действовать расчетливо и осмотрительно. Сильный и ловкий от природы, он умел сливаться с местностью, становиться незаметным. За всю войну смерть только дважды дохнула на него своим могильным холодом. Звезда Мукана хранила его и тут: в первый раз снайперская пуля чудом не пробила ему голову, сорвав только кожу, во второй — пуля прошла сквозь рукав шинели навылет, не задев руки. Эту шинель Мукан хранит и поныне.

После фронта, особенно после боев за Кенигсберг, милицейская служба поначалу казалась ему легкой и безопасной. Но, втянувшись в работу, Мукан понял: порой и здесь, как и на фронте, требуется высшая мобилизация нравственных и физических сил и здесь случается так, что надо идти навстречу опасности, быть бескомпромиссным, подавлять усилием воли естественное чувство самосохранения и страха. Понял он и другое: милицейская служба иной раз бывает куда труднее службы солдатской. Там, на фронте, все ясно, где враг и как с ним бороться. Здесь враг стремится раствориться среди честных людей. И нужен острый глаз, чтобы найти его и обезвредить. Ошибиться нельзя...

В очередной раз размышляя о законах и сложностях своей службы, Мукан вертел в руках телеграмму. Он старался представить того парня, которого требовалось задержать: кто он, зачем добыл оружие, какие

побуждения его забросили в Казахстан, на поезд, проходивший мимо Семипалатинска?

От станции, откуда пришла телеграмма, до Семипалатинска — пятьсот километров, десять часов езды. Значит, время для подготовки есть. Пожалуй, стоит выехать навстречу, пересесть в «тот» поезд, обнаружить преступника и негласно сопровождать его до Семипалатинска. А тут уже задержать. В родном доме и стены помогают: все входы и выходы можно заблаговременно перекрыть. Опергруппу собирать не нужно. Пусть начальник даст в помощь Курбана, и достаточно. Он парень молодой, но надежный, смелый и сообразительный, а это в милицейском деле — вещь не последняя.

...Поют свою привычную песню колеса. Поезд идет ходко. За окном бежит, кружится безбрежная казахская степь. Вагон бросает то влево, то вправо. Привычный к тряске, Мукан пробирается из хвостового вагона в вагон-ресторан. Одет с вызовом: костюм с иголочки, модные штиблеты, яркий галстук. Сам он чуть-чуть «навеселе». Типичный отпускник. Играет роль сдержанно, стараясь не переборщить. Пробирается не спеша. У него превосходное расположение духа, и, как всякий общительный человек, он ищет собеседников. Остановится у группки курящих, сам закурит, скажет слово-другое и идет дальше, доброжелательный и предупредительный. Глаза весело оглядывают пассажиров, и никому в голову не приходит, что они зорко выискивают кого-то.

С такой же точно целью из первого вагона навстречу Мукану идет Курбан. Они сходятся в вагоне-ресторане. Оба заметно приуныли: преступника среди пассажиров нет. Мукан садится за крайний от входа столик, Курбан располагается в другом конце. Время утреннее, завтрак только начинается, и ресторан заполняют пассажиры. Мукан ненавязчиво наблюдает за окружающими. Где же «он»? Но что это? По телу пробежала горячая волна. За третьим столиком у окна сидит явно тот, кто нужен. Правда, парень одет в легкий свитер, а не в куртку. Но кто же ходит в ресторан в верхней одежде? Он внешне спокоен, но Мукан интуитивно чувствует его волнение и настороженность. Вот он резко оторвался от окна и осмотрел всех, кто находился в ресторане. Мукан уткнулся в тарелку, но успел заметить, как встревоженный, недоверчивый взгляд парня пробежал по его лицу, не задерживаясь.

Проходит полчаса, час, а парень и не собирается подниматься. Мукан понимает, что ему сидеть дальше нельзя: можно вызвать у преступника подозрение. Нюх у таких тонкий, за версту чуют опасность. Он, сыпля шутками, расплачивается с официанткой, встает и, ни на кого не глядя, уходит. Его примеру следует и Курбан.

В обратный путь Умырбаев идет еще медленнее. В соседнем вагоне заводит долгую беседу со стариком-казахом, расспрашивает его, сам рассказывает что-то. Со стороны их можно принять за понравившихся друг другу попутчиков. В разговоре проходит минут двадцать. И тут в двери показался парень в свитере. Проходя мимо, он бросил равнодушный взгляд на Мукана и зашагал дальше. Умырбаев, нарочито громко сказал старику:

— Я, дедушка, еду в последнем вагоне. Хорошо, что в ресторан пошел, а то бы разминулись. Я к тебе еще в гости приду. А? Приглашаешь?

Старик согласно закивал. Мукан походкой подвыпившего человека побрел «к себе». Через вагон, в предпоследнем купе, на верхней полке он увидел парня.

Умырбаев знал, что в соседнем вагоне ехал бригадир проводников и командир народной дружины, которого никто иначе не называл, как дядя Вася.

Пятидесятилетний, угрюмый на вид дядя Вася был на самом деле приветливым, понимающим и деятельным. Когда Мукан предъявил удостоверение и объяснил, в чем дело, охотно согласился помочь.

Бригадир посоветовал Мукану перебраться в тот вагон, вроде бы в поисках более удобного места. Умырбаев отказался: его появление может насторожить преступника.

— Кто проводником в его вагоне? — спросил он.

— Дружинница. Женщина хотя и не молодая, но надежная. Положиться можно.

— Вот и хорошо. Сейчас же сходите к ней. Ведь вам полагается делать обходы? Объясните, чтоб не спускала с парня глаз. Он едет на тридцать четвертом месте. И чтоб ни гу-гу. В случае чего пусть ставит в известность вас, а вы меня. Да, попросите, чтоб наблюдала потоньше. А то ведь спугнуть недолго.

Кольцо вокруг преступника сомкнулось. Вплоть до Семипалатинска он ехал под неусыпным наблюдением

народных дружинников. Вмешательства Мукана и Курбана не потребовалось.

В Семипалатинске, как только поезд, заскрежетав тормозами, остановился, Мукан и Курбан были уже в тамбурах, рядом с вагоном, где находился преступник. Они задержались там, выжидая, когда парень сойдет на перрон. Поезд стоял здесь двадцать минут, день выдался теплый и безветренный, и пассажиры высыпали из вагонов погулять, запастись продуктами, газетами, пообедать. Вот и парень показался на подножке, бросил взгляд по сторонам, долго рассматривал двух милиционеров, прогуливавшихся по перрону, но, убедившись, что они им не интересуются, соскочил на землю. Постоял. Достал сигарету, закурил, направился к газетному киоску.

Мукан и Курбан словно по команде спрыгнули вслед за ним, подошли к парню. Мукан достал сигарету и попросил закурить. Пока прикуривал и что-то нелестное говорил в адрес торговли, что вот-де то спичек завезти не могут, то сигарет нет, рядом оказался милицейский наряд. Преступник сообразил, что оказался в капкане! Рука метнулась в карман и в ту же секунду была перехвачена Муканом. Пистолет с глухим стуком упал на платформу.

— Баловаться с оружием нельзя,— спокойно говорит Умырбаев.— Это игрушка опасная.

Все произошло настолько молниеносно, что на них почти никто не обратил внимания. Лишь стоявшие рядом пассажиры — человек пять-шесть — недоуменно молчали, не зная, что и подумать.

— Занятие у нас. Тренировка,— слукавил Мукан. К чему напрасно волновать людей?

Пассажиры понимающе закивали. Учение — это всегда полезно. И никто, кроме Мукана, Курбана да милиционеров в форме, предусмотрительно направленных капитаном на перрон, не знал, какую опасную птицу вели под руки в отдел линейной милиции Семипалатинска. Преступление не состоялось.

...На парадном мундире Мукана Умырбаева тесно от орденов, медалей, почетных знаков. Правда, парадный мундир случается надевать лишь в праздники и по торжественным случаям.

Сейчас Мукан при параде — его вызвали в Москву, к высокому начальству, а по такому случаю нельзя являться иначе. Он показывает награды и поясняет, ког-

да получил и за что. «Это за Ржев,— говорит он, показывая на орден Красной Звезды.— Орден Отечественной войны I степени за Кенигсберг дали. Сам маршал Василевский вручил».

Среди многих медалей и боевых наград за фронтовые заслуги особое место занимает знак «Отличник милиции». Этот знак для Умырбаева спрессовал всю его без малого тридцатилетнюю службу.

Мукан не любит высоких слов и потому говорит о своей работе как об обычном деле. «Надо кому-нибудь и в милиции служить, общественный порядок обеспечивать,— рассуждает он.— Один сталь варит, другой хлеб выращивает, третий ребятишек в школе учит, четвертый овец пасет, а я вот милиционер. Я думаю так: раз моя работа нужна людям, значит, занимаюсь сто́ящим делом».

Конечно, служба его не безопасна. Но она приносит доверие и уважение людей. И этот бесценный капитал он оставит в наследство своим детям.

Детей у Мукана шестеро: два сына и четыре дочери. Двое уже взрослые, однако живут все вместе. Старшая дочь Жмагуль как-то сказала: «Как здорово, папа, что ты милиционер!» «Почему здорово?» — не понял он. «Семья у нас трудолюбивая. Замечательная семья. А все идет от тебя. И любовь к порядку, и к труду, и спайка».

Верно. Ребята выросли тружениками, живут по совести. Именно такую мораль он утвердил в семье. Хотел, чтобы дети могли открыто смотреть людям в глаза и никогда не стыдиться своих поступков. Жмагуль это точно выразила. Она девушка понимающая, недаром пединститут окончила и в райкоме комсомола работает. Об одном жалеет Мукан: старшего сына, Оркена, не сагитировал в школу милиции пойти. Но и здесь пока еще не все потеряно. Пусть послужит сын в армии, попривыкнет к военной дисциплине, может, сам потянется к милицейской работе. Большего Мукан не желал бы, как видеть в сыне свою смену. Раньше, правда, о смене он не задумывался. Но, получив знак отличника, вдруг подумал, что годы летят и из всех оперативных заданий, которые он выполнял, получается довольно длинная история. И награда — итог ее определенного этапа. А в каждом этапе — свой «пик», свой наиболее запоминающийся случай.

Многим сумел Мукан привить главное качество — вдумчиво, с любовью относиться даже к самой будничной работе.

Сейчас на попечении Умырбаева двое: старшина Бескровный и рядовой Духанбеков. Нет, Мукан не утомляет их нотациями и нравоучениями. Он убежден: лучший метод воспитания — личный пример. Доказательства? Пожалуйста! Ему пятьдесят с хвостиком, но он не думает расставаться со спортом. Он и молодого положит на лопатки в борьбе, и в кроссе не отстанет, и в волейболе забьет такой мяч, что не поможет никакая блокировка.

Милиционер должен быть сильным, выносливым. Но зачем это объяснять на словах? Пусть видят на деле и мотают на ус. Метод, так сказать, наглядной агитации.

Конечно, в работе с новичками есть вещи потоньше и посложнее, чем занятия спортом. И когда речь заходит о психологии преступников, о том, как научиться их распознавать, не жалеет слов для объяснения. Он говорит о том, что главное качество подлинного борца с нарушителями общественного порядка — его идейная убежденность, твердое мировоззрение. Рассказывает, как научиться оттачивать восприятие, вырабатывать наблюдательность, которая помогает почти безошибочно угадывать преступника в массе честных людей. А для иллюстрации рассказывает такой случай.

Обратил он однажды внимание на пассажира средних лет, тот явно чувствовал себя не в своей тарелке. Много курил, бросал тревожные взгляды на окружающих, особенно на него, Умырбаева, часто глядел на часы, словно подгонял время, оставшееся до отправления поезда. Не горит ли на воре шапка? — подумал Умырбаев. Но как проверить? Не подойдешь ведь и не попросишь ни с того, ни с сего документы. Но и упустить его нельзя. Мелькнула мысль, а что если подойти к нему и назвать по фамилии того совхозного кассира, который сбежал с казенными деньгами и теперь разыскивается органами правосудия? Розыск объявлен только что, кассир не мог далеко уехать. Чем черт не шутит! Если догадка верна, человек от неожиданности непременно выдаст себя. «Гражданин Алиев»,— окликнул его Мукан. Пассажир вздрогнул и обернулся. И в очередной раз Умырбаев мог поздравить себя с победой...

ЛАРИСА КУЛИКОВА

Дозорный янтарного берега

Приходилось ли вам когда-нибудь бывать на берегах Даугавы? А бродить по узеньким улочкам старой Риги?.. Когда над городом опускается вечер, каменные мостовые, поросшие блеклой травой, еще хранят тепло солнечного летнего дня...

По субботам и воскресеньям город пустеет. Все едут к морю. Его дыхание ощущается сразу же, как только электричка проскочит мост через Лиелупе — приток Даугавы и навстречу понесутся высокие сосны, песчаные барханы, искрящиеся в жарком солнечном блеске цветные стекла веранд нарядных дач.

Девяносто девять пар электричек челноками снуют между Ригой и Кемери, на одну-две минуты замирая у перронов маленьких станций: Дзинтари, Майори, Дубулты, Пумпури, Меллужи, Асари,— объединенных названием Юрмала и статусом города-курорта. Двести пятьдесят тысяч человек со всех концов страны съезжаются ежегодно сюда на песчаные пляжи Рижского залива.

* * *

Затих стук колес очередной электрички. В раскрытое окно вливаются ночные вздохи моря...

Иван Семенович Кабашный, начальник линейного отдела милиции на станции Дубулты, привык к этому размеренному ритму волн. Дыхание моря становится слышнее,

когда кончается трудовой день, уходят сотрудники и он наконец остается один, чтобы подытожить сделанное.

Сегодня он обещал прийти домой пораньше. Но уже двенадцатый час, а он по давней привычке не может уйти, ждет, не позвонят ли из Слоки, не случилось ли чего в последней электричке.

Утром на станции, когда он, как всегда, остановился у газетного киоска, его внимание привлек яркий рекламный проспект с надписью «Юрмала», и он купил его вместе с кипой газет. Подобных проспектов здесь тьма-тьмущая, и он не стал бы листать примелькавшиеся броские страницы с изображением местных красот и уж тем более вчитываться в текст, если бы случайно взгляд не выхватил уколовшую чем-то фразу: «Полоса соснового леса на прибрежных дюнах тянется вдоль всего тридцатикилометрового пляжа. Теплый, мягкий песок, ласковое море и вечнозеленые смолистые деревья создают ту неповторимую атмосферу, которая вызывает, выражаясь языком врачей, «состояние физического комфорта»...»

«Состояние физического комфорта,— усмехнулся Кабашный.— Придумают же люди!» И он даже не понял, почему утверждение о «физическом комфорте» здешних мест вдруг с такой силой отбросило его на тридцать лет назад, в звенящую пулями, гудящую самолетами, сотрясаемую взрывами эту же самую полосу соснового леса...

Тогда он еще не видел моря. Он только слышал его шум. Знал, что фашистские доты и дзоты натыканы по всему пляжу. Ему, лейтенанту Кабашному, командиру взвода разведки, был дан приказ: отправиться в тыл противника, уточнить расположение огневых точек, систему огня на подступах к Булдури — курортному поселку, занятому отчаянно сопротивляющимся врагом.

Накануне наши части форсировали Лиелупе. На плотиках и лодках они чудом прорвались под шквальным огнем на другой берег Даугавы.

Во время короткой передышки, после очередной атаки под Булдури, где полегло немало смелых ребят, к разведчикам пришел замполит полка. Откинув мокрую плащ-палатку, он положил на колени карту Рижского взморья и, осветив ее фонариком, простуженным голосом стал рассказывать, как хорошо бывает летом в здешних местах, когда не льют бесконечные морося-

щие дожди. Он даже обещал, что те, кто хоть раз умоется в Кемери сероводородной водой, не будут знать отбоя от девчат — такой есть тут «источник красоты»... Разведчики курили, посмеивались и думали об одном: до источника еще надо дойти!

А потом замполит перешел к разговору по существу. Рассказал, что Прибалтика для фашистской Германии — это связь с Финляндией и со Швецией, поставляющей стратегическое сырье; потому именно здесь возведена глубокая эшелонированная оборона...

Вскоре после ухода замполита лейтенант Кабашный взглянул на часы и дал команду выходить. А через полтора часа, стараясь, чтобы ни под одним сапогом не скрипнул мокрый песок, они уже были там, где тревожно звучала чужая речь, где спешно подвозились снаряды к огневым рубежам и где готовились встретить рассвет...

Отложив рекламный проспект, Иван Семенович подошел к окну. Новенькое двухэтажное здание линейного отдела милиции стоит рядом с вокзалом. Там, на перроне, распахнув двери, замерла электричка. «Последняя в Кемери,— машинально отмечает Кабашный и видит внизу, у подъезда дежурного по отделу.— Тоже, наверное, провожает последнюю».

— Товарищ подполковник! Домой не собираетесь? Вон оперативная машина вернулась,— крикнул тот, увидев Кабашного в проеме освещенного окна.

Иван Семенович махнул рукой и отошел в глубину кабинета. Воспоминания не отпускали его. Теперь они следовали за электричкой, исчезающей в ночи... Яундубулты, Пумпури, Меллужи, Асари, Вайвари — привычные названия маленьких опрятных станций. Слока — последняя.

Он садится к столу, и взгляд его снова падает на рекламный проспект.

«Солнечным утром 1824 года из Риги отправился дилижанс. Не прошло и пяти часов по дороге на запад, как кучер осадил коней у невзрачного деревянного дома с вывеской «Отель де Слок»...»

«Дали мы фрицам прикурить в этом отеле»,— с удовольствием думает он, и в памяти вспыхивает тот уличный бой — с оглушительной пальбой, звоном бьющегося стекла, горячим потом на спине. Азарт боя вновь захватывает его, и он не сразу слышит звонок

телефона, но, снимая трубку, уже догадывается — жена.

— Алло! Ваня,— устало сказала она.— Ваня, ну сколько можно? Ты вчера мне обещал...

— Так ты не легла еще? Тогда сейчас буду,— мирно соглашается он.— А что это голос у тебя такой? Загадочный... Что-нибудь случилось? Наверное, Валерий приехал?..

— Никто не приехал,— вздыхает Тамара Михайловна.— У нас с тобой еще даже дети не народились. Мы только сегодня познакомились! Понятно? У меня стол голубой косынкой накрыт. Той самой. Так что бегом!

...Они познакомились в Латвии осенью 1945-го. Первой мирной осенью, когда для гвардии лейтенанта Кабашного еще не окончилась война: он был откомандирован в распоряжение Валкского уездного комитета компартии на борьбу с бандитизмом.

В страдную пору банды националистов терроризировали местное население. Прячась в лесах и болотах, банды зверски расправлялись с теми из хуторян, кто открыто радовался освобождению, участвовал в государственных заготовках. Зерно увозили в леса или сжигали на месте. Рядом с жаркими кострами оставались лежать прошитые автоматными очередями люди.

В редкие часы покоя, когда можно было хоть немного расслабиться, гвардии лейтенант Кабашный, скинув гимнастерку, но не снимая ремня с кобурой (нападения можно было ожидать каждую минуту!), хватался за косу и, пристроившись к косарям, шел вместе с ними по тучному ржаному полю, испытывая обжигающую радость и облегчение от мирного хлеборобского труда, по которому истосковались руки. Позади оставался колючий рядок стерни, впереди веером стлались колосья...

Крестьянский сын Иван Кабашный, как все, кто рос и трудился на земле, особенно любил пору жатвы. Должно быть, потому и на войне, провожая лето, он особенно сильно тосковал по дому.

В семье у Кабашных было пятеро сыновей и трое дочерей. Отец и мать трудились в кустанайском колхозе «Пролетарий», а ребятня, подсобляя чабанам, угоняла в степь отары овец, ездила верхами на лошадях в ночное, радовалась первой борозде по весне и первому снопу при уборке хлеба.

Как только Иван окончил семилетку, мать собрала его в дорогу и отправила в райцентр Паровое, в школу механизации. Навсегда осталась в памяти радость, которая светилась у нее на лице, когда он вернулся и, сев на колесный трактор, прокатил по селу...

Однажды на покосе увидел то, что так давно и настойчиво ждал: голубенькую точку вдалеке. Будто василек вырос на самой кромке леса и ржи. Лейтенант помчался к меже, на ходу одергивая гимнастерку и затягивая потуже ремень.

Что сказал ей, когда сошлись они на полевой дороге лицом к лицу, Кабашный не помнит. И вовсе не потому, что с той поры минуло тридцать лет. А просто глянул тогда в ее глаза, и память словно отшибло. Только видит и сейчас, как она тогда сначала засмеялась, а потом вдруг глаза ее наполнились слезами и руки, потянувшись к голубенькой косынке, медленно стянули и скомкали ее, обнажив тонкую девчоночью шею и неровно торчащие коротенькие прядки волос.

Он уже наслышан был о ее тяжелой судьбе.

Дочь коммуниста — ленинградского рабочего, она с младшим братом и сестренкой гостила на даче у бабушки, когда началась война. Фашисты отправили их в рабство, но не в Германию, а в оккупированную Латвию.

Девочка-подросток тринадцати лет, отличница, чтобы спасти от голодной смерти братишку и сестренку, вынуждена была терпеть унижения, гнуть спину в поклонах, и за миску похлебки в день работать на хуторе у богатых хозяев от зари до зари.

Но все эти четыре долгих года как святая святых хранила свой пионерский галстук и верила: наши вернутся. Освободят!

И вот он стоит перед ней — освободитель, с двумя орденами Красной Звезды и медалями на выгоревшей гимнастерке, и смотрит счастливыми глазами так, как на нее никто не смотрел прежде.

Она испугалась. Такое ведь бывает только в сказках со счастливым концом... И сдернула косынку: пусть поглядит, какая она стриженая, непохожая на прекрасных принцесс.

«Это ничего,— сказал он.— Косы у тебя к свадьбе обязательно отрастут!»

Он не знал, что за несколько минут до встречи Тамара подняла с дороги придавленный камнем клочок бумаги. Там было грязное слово, обращенное к ней, и угроза: «Пуля для тебя уже в стволе!»

Она ничего ему не сказала тогда. А он и не думал, что уездный комсомольский секретарь в голубой линялой косыночке, вот такой, семнадцатилетний, с тоненькой девчоночьей шеей, может не сегодня-завтра навечно лечь в эту щедро цветущую землю.

Минула осень. Пришла зима. В редкие свободные часы Тамара урывала время сбегать на хутор повидаться с Иваном, рассказать о своих комсомольских делах, пела песни с латышскими девчонками, которые слетались при ее появлении.

Демобилизовавшись из армии в феврале 1946 года, гвардии лейтенант Кабашный решил остаться в Валкском уезде. Решение это приветствовали в уездном комитете партии — боевые партийные штыки были на особом счету. Ему предложили пойти в милицию помощником оперативного уполномоченного уголовного розыска.

Работал на маленькой станции Валга. Гибли его товарищи, в которых стреляли при первом же требовании: «Предъявите документы!»

Кабашного пуля миновала. Был он словно заговорен Тамариной любовью. Никогда не плакала она, не металась в отчаянии, когда шел на опасное дело, верила, что вернется к ней живым.

А дел таких было немало, почитай — каждый день. Случалось, без единого выстрела брали вооруженных бандитов, заранее разгадав их намерения. Бывало, шли и на открытый бой...

...Весной, в день совершеннолетия Тамары, они поженились. И только тогда она показала ему ту записку. Он не на шутку испугался, потерял покой, возвращаясь с задания, не входил, а вбегал в дом, не открывал, а с силой рвал дверь...

Иван Семенович Кабашный отрывается от воспоминаний возле самого дома. Вокруг темнота. Все спят, и лишь их окна ярко освещены.

За маленьким столиком, накрытым выцветшей голубой косынкой, сидит жена, а по бокам — двое сыновей.

— А! Славка приехал. Я же говорил — сюрприз...— обрадовался Иван Семенович.

— Тогда, когда ты это говорил, меня здесь еще не было,— смеется тот.— Я полчаса назад явился, с последней электричкой.

«Ну надо же! Так и не дождался звонка из Слоки,— мгновенно спохватился Кабашный.— Не случилось ли чего?..»

И словно в ответ на его мысль раздается звонок.

— Ну все. Кончился праздник,— констатирует Тамара Михайловна.— Что? — спрашивает она, как только трубка положена на рычаг.

— Грабеж,— отвечает он.— Сейчас подойдет оперативная машина. Дайте хоть кусочек чего-нибудь перехватить.

Выходя, Кабашный заметил время. Половина первого ночи.

...На станции Асари за двадцать минут до прихода последней электрички в сторону Слоки были избиты и ограблены двое мужчин. Они возвращались домой из гостей, к которым приехали из Риги после работы.

К ним подошли двое рослых парней. Попросили закурить.

— Не курим.

— Тогда дайте выпить! — потребовал один и, не ожидая ответа, тяжелым ударом в лицо свалил мужчину на каменный пол зала ожидания.

Через полчаса в больнице констатировали: потеря сознания, перелом нижней челюсти, сотрясение мозга.

Но второй пострадавший оказался не из робкого десятка. Он отвечал ударом на удар, а когда хулиганы, сорвав с него пиджак, где были деньги, документы, печать, и схватив портфель, попытались скрыться, стал их преследовать. Правда, догнать не смог — было ему уже под пятьдесят. Но задыхающийся, окровавленный сел в электричку и в Слоки явился в милицию.

Обдумав план действий, Кабашный приказал начинать поиск. В два часа ночи оперативная машина остановилась возле ресторана в Кемери. Там отмечали проводы в армию сына бывшего фронтовика. И хотя ресторан был уже закрыт, молодежь не успела еще разойтись.

— На проводах не было посторонних? — обратился Иван Семенович к участникам вечера.

— Были тут трое приблудных, но мы их быстренько спровадили: они все пытались к нашим девчонкам

приставать. А откуда они, не знаем. Вроде бы одного из них Стасиком называли...

Опросили официантов. Установили: Стасик — частый гость в ресторане. Один не приходит почти никогда. Чаще всего с разными парнями. Они обычно шепчутся за столиком и много пьют. И на этот раз он сидел с двумя ребятами за соседним с банкетным столом и ушел приблизительно в половине одиннадцатого...

Кабашный и заместитель по оперативной работе Лисовец подсчитали время. Получилось, что парни вполне могли добраться до Асари, совершить ограбление и уже возвратиться домой, в Кемери, на той же электричке, в которую сел пострадавший.

Когда пострадавшему описали приметы Стасика, тот узнал в нем одного из грабителей.

Через несколько минут позвонили участковому милиционеру домой: знает ли он парня по имени Стасик? Тот назвал несколько фамилий и адресов. И рекомендовал прежде всего поинтересоваться Станиславом Луниным, который живет где-то в районе сероводородного источника.

В три часа ночи были уже возле дома Лунина. Постояли десять минут и вдруг услышали шаги. Притаились. Шаги все ближе, ближе. Человек шел явно крадучись.

— Стасик,— позвал спокойно Кабашный.— А мы тебя ждем.

— В чем дело? — дохнул тот перегаром.— Я девчонку провожал.

— А теперь проводи нас...

В станционном помещении Стасик скосил глаз на потерпевшего и сразу сник. Через несколько минут уже давал показания: «Вторым был Юркин, мы выпили в ресторане, показалось мало, ну и поехали в Асари... А третьим в ресторане был старший Юркин».

К пяти часам утра потерпевший получил по акту свои похищенные документы, печать, деньги и ключи от сейфа. Все обнаружили у старшего Юркина, не раз уже побывавшего в местах лишения свободы. Тот немедленно выдал вещи, как только увидел милицию...

Люди, торопившиеся на первую электричку, дали согласие быть понятыми. Когда закончились все формальности, Иван Семенович, отправив сотрудников домой на оперативной машине, решил пойти к памятни-

ку погибшим воинам, освободителям Рижского взморья.

Стоя у гранитной плиты, он сначала ни о чем не думал.

Воздух был чист и прозрачен. Запах хвои и моря освежал, снимал накопившуюся усталость. Он отдыхал здесь, у памятника погибшим товарищам.

К девяти утра его просили быть в юрмальском музее.

Он не опоздал и стал рассказывать мальчишкам и девчонкам из седьмого класса о дождливом октябре 1944 года, когда его взводу разведки было приказано установить расположение противника, его огневые точки в Булдури, а затем в Слоке...

Ребята слушали затаив дыхание, не спуская с Кабашного глаз, и потом вместе с ним стали осматривать музей.

— Ой, смотрите, что здесь написано! — сказал один из мальчишек и прочитал вслух:

«Благодаря хорошо организованной разведке в указанных пунктах обнаружено три дзота, семь пулеметных гнезд, шесть 81-миллиметровых минометов, три наблюдательных артиллерийских пункта, которые наша армия уничтожила.

Командир взвода разведки гвардии лейтенант Кабашный Иван Семенович, 1922 года рождения, украинец, коммунист, достоин правительственной награды — ордена Красной Звезды.

Гвардии подполковник Горчаков».

— Так это ваш наградной лист, да? — спросила худенькая девчушка.— А где теперь подполковник Горчаков? Он знает, что его подпись в нашем музее?

— Подполковник Горчаков в Кемери остался...

— Мы поедем к нему!

— Был у него сегодня утром. И вы поезжайте. Подпись его здесь, а там ему памятник поставлен...

АЛЕКСАНДР ЧЕРНЯЕВ

Без выстрела

Собиралась гроза. Петр Михайлович ускорил шаг. Не хотелось попадать под шальной ливень. До садового домика оставалось несколько минут хода. А вот и он: прижался к склону лобастого кургана, отделяющего город от моря. Участок незавидный, конечно. Расположен на крутой, северной стороне: и солнца маловато для виноградных лоз, и вода сбегает куда-то бесследно. Но Петр Михайлович любит копаться в земле, поэтому приходит сюда всякий раз, как только выпадает свободное время. Иные увлекаются рыбалкой, охотой. Адамасова же тянет на участок.

Сегодня купил новую косу. Надо отбить ее, наточить. А вот на чем отбить? Специальной «бабки» нет. Надумал: «Вгоню в чурбак обломок рашпиля».

Не успел-таки скрыться от дождя. Небо вдруг ощерилось тонкогубой ухмылкой молнии. В пыль плюхнулись сначала редкие, тяжелые капли, потом полоснул тугой, хлесткий ливень.

Петр Михайлович собрался было бежать, да раздумал: «А бог с ним! Пусть поливает».

Еще раза три прогрохотал гром и укатил куда-то за гору. Ливень прекратился так же быстро, как и начался. Когда Петр Михайлович поднялся по ступенькам к своей «избушке на курьих ножках», сквозь тучи прорвалось солнце. Сразу на душе стало легче.

Сначала Адамасов думал, что дождь сорвет все его планы. И вот тебе! Все вокруг умылось, посвежело. И уже другое настроение. Распахнул настежь двери, окошко, чтобы выветрить затхлую теплоту, застоявшуюся в домике за два минувших жарких дня, когда Петр Михайлович не появлялся на своей дачке. Переоделся и сразу же принялся за работу.

Коса попалась на редкость неподатливая. Лезвие «оттягивалось» с большим трудом. Садился молоток, крошилась самодельная «бабка». Часа два не разгибал спины Адамасов, взмок весь, но добился своего. Прошелся наждаком по косе, наточил ее как бритву. Так увлекся работой, что не заметил появления гостя, пенсионера Макара Григорьевича Вересняка. Тот хлопнул Адамасова по спине ладонью, весело сказал:

— Вот ведь как устарался. Рубашку-то хоть выжимай. Ну, здравствуй, Петя. Пришел поздравить тебя с орденом Красной Звезды. Молодец! Дай я тебя обниму.

Они крепко обнялись. Потом Петр Михайлович, спохватившись, побежал в избушку за стулом, достал из погреба бутылку вина из собственного винограда, выбрал спелые гроздья, яблоки с зорьками на боках.

Петр Михайлович, как, пожалуй, и все работники линейного отдела милиции станции Сочи, тепло относился к Макару Григорьевичу, считал Вересняка своим учителем.

О Макаре Григорьевиче говорили как о лучшем милиционере в отделе. Прекрасно подогнанный и отутюженный мундир всегда был в идеальном порядке. Глядя на Вересняка, никто никогда бы не сказал, что этот бравый старшина собирается уходить на пенсию. Молодые подражали ему не только внешне. В делах многих сотрудников отдела угадывался «почерк» Вересняка — отменного мастера розыска.

Макар Григорьевич поднял стакан:

— Еще раз поздравляю. От всей души, Петя! А выпью, извини, символически. Не могу...

Вересняк взял гроздь черного винограда, съел одну ягодку, подернутую голубоватым налетом, похвалил:

— Какой арома-ат! Сказка...— и вдруг сказал неожиданно для себя совсем о другом: — Давно хотел у тебя спросить, Петя... Ты что же, журналистам рассказал только о том, как Алексеева задержал? Молчишь? Ну я так и понял. То-то, гляжу, во всех газетах

одно и то же расписано. А ведь Алексеев-то у тебя — это какой по счету? А о тех, которых брал раньше, забыл?

— Да нет, не забыл,— пожал плечами Адамасов.

— То-то и оно, что не забыл! А кто об этом знает? Только мы, твои товарищи. Вот и надо было рассказать все как есть. Тогда бы люди поняли, что вся твоя служба в милиции — подвиг.

Вересняк пригубил «расплавленный рубин» (так окрестил свое вино Адамасов), отставил стакан в сторону и, опершись подбородком на сложенные в «замок» руки, задумчиво произнес:

— Я тебе, если хочешь, завидую, Петя. И дело даже не в награде. А в том, что ты можешь еще работать.

— Да-а,— поддержал Адамасов,— работается хорошо. Вчера начальник отдела Синев сказал, уходя в отпуск: «С чистым сердцем еду отдыхать: не осталось ни одного нераскрытого преступления».

А было всякое...

Совесть не продается

Однажды дочь Люда (теперь она уже студентка) спросила Петра Михайловича:

— А как ты, папа, понимаешь призвание и долг? Сегодня мы писали на эту тему сочинение в классе. Хочу проверить себя.

Отец долго молчал, потом сказал:

— Призвание? Ну, если я сердцем чувствую, что приношу людям пользу, значит, я работаю по призванию. А долг — это необходимость, вернее, общественная необходимость приносить людям пользу. Я так понимаю...

Ему еще ни разу не приходилось задумываться над такими формулировками. И честность, и принципиальность, и долг были для него естественны и необходимы как дыхание. Ну разве, допустим, он мог бы поступить по-иному в случае с этим поваром из Хадыженска?

...Здоровенный толстяк лет пятидесяти подошел к Адамасову и, переминаясь с ноги на ногу, спросил с робостью:

— Мне бы Ардамасова повидать... Не знаете, как его отыскать? Милиционер он.

Петр Михайлович окинул мужчину взглядом, подумал: «Где ж я тебя видел, человечище?»

Человечище покорно ожидал ответа.

— Ардамасовых у нас нет,— сказал Петр Михайлович.— А если вам нужен Адамасов, так это — я.

— Вот вас-то я и хотел повидать. Родной мой! Век не забуду. Я для тебя ничего не пожалею. Что хочешь? Денег? Бери деньги! Не хочешь деньгами — пей, ешь! Я угощаю!

— Спасибо за приглашение,— насторожился Петр Михайлович.— Только за что же это мне честь такая?

— Как за что?! — изумился мужчина.— Разве меня не помнишь?! Не признал, что ли? — На лице его была неподдельная обида.— Да ведь ты ж меня позавчера в вытрезвитель увез! — с радостью сообщил толстяк.

— Ах, вот оно что,— невольно рассмеялся Адамасов.

Петр Михайлович вспомнил, как два дня назад ночью он обнаружил этого детину по оглушительному храпу, доносившемуся из кустов. Посветил фонариком. Попробовал потянуть за толстый цветастый кушак. Им оказался свернутый в жгут женский платок. Из него посыпались деньги, пачки из пятидесяти- и сторублевых купюр. Адамасов собрал их, снова завернул в платок, затолкал под рубашку спящему и пошел искать помощника: одному не дотащить такую гору. Вернулся вместе со старшиной Иваном Пицеком.

— Давай, Ваня, вместе попробуем вытянуть его из кустов. Денег у него уйма. Видать, матерый вор. Машину я вызвал.

В медвытрезвителе деньги сосчитали. В платке оказалось 17 тысяч рублей. Тут же нашли школьную тетрадь, в которой аккуратно было записано, сколько он денег получил от кумы и что она наказала купить, от кума, от соседа Никиты, которому надо непременно выслать багажом стиральную машину, шифер, жесть и прочие вещи.

Список был длинный и обстоятельный: очевидно, его хозяин не надеялся на свою память. По документам выяснили, что мужчина приезжий, живет в Хадыженске, по профессии — повар.

Посланец кумы, кума и многочисленных соседей спал богатырским сном, отвернувшись к стене. Петр Михайлович даже не разглядел как следует его лица. Вот почему и не узнал при встрече...

Повар из Хадыженска со свертком под мышкой снова разыскал Адамасова, но теперь уже в зале ожидания:

— Что ж ты от меня ховаешься?! Ведь я ж должен отблагодарить, а? Ты знаешь, как будет жинка радехонька, когда я ей расскажу про тебя?! Ведь не окажись тебя, плакали бы мои денежки, а вместе с ними — и я. Почитай, чуть не со всего Хадыженска заказы набрал.

— Ничего не возьму,— отрезал Адамасов.— Я за свою работу зарплату получаю.

— Та я ж без злого умысла, я — от души,— не унимался повар, провожая Адамасова до самой дежурной комнаты.— Вот правду мне тут сейчас говорили, когда я тебя искал. Не суйся, говорили, со своим свертком: в шею выгонит. До шеи, слава богу, не дошло. Руку-то хоть дай пожать.

Пожал руку, бросил сверток на подоконник и с несвойственной его весу прыткостью выскочил на перрон.

Присутствовавшие в дежурной комнате милиционеры хохотали до упаду над этой сценой подношения яств.

С легкой руки повара из Хадыженска началась у Адамасова полоса везения на хлебосольных да денежных. Как-то ночью, во время обхода, в привокзальном сквере наткнулся на молодца, почивавшего на скамейке. Устроился парень как дома: тут же на скамейке разложена закуска, возле головы — только что начатая бутылка водки. Из раздувшихся карманов пиджака торчат сторублевки.

«Что ж это,— изумился Петр Михайлович,— еще один кумовьями командированный?» Пригляделся. Ба! Знакомая личность! Где-то встречались. Разбудил с трудом. Тот очнулся, долго очумело моргал, глядя на милиционера, затем схватил бутылку и заорал на всю площадь, будто после долгой разлуки встретил наконец-то брата родного:

— Дружище! Привет! Старый друг! Выпьем по такому случаю!

— Подожди,— успокоил Адамасов, удерживая «друга» на ногах,— выпьем в другом месте. Здесь мне нельзя.

— По-оним-маю, по-оним-маю,— лепетал парень,— идем.

Ноги ему не подчинялись. Он валился, как подкошенный, но бутылку из рук не выпускал, твердил одно:

— Выпьем, дружище! Выпьем!

— Где работаешь-то? Я тебя действительно где-то видел.

Парень с трудом выговорил:

— В... в... мор... плавотряде.

— Вот теперь я вспомнил,— засмеялся Адамасов.— Желанная встреча. Я же тебя, дорогой мой, готов на руках нести.

И он, действительно, нес его на руках почти до самого вокзала. Тут только парень опомнился, и сразу весь хмель как рукой сняло. Попробовал вырваться. Не тут-то было.

— Отпусти. Тысячу дам... Ну хочешь — три отвалю?

Адамасов сжал его своими могучими ручищами, подозвал постового:

— Помоги друга дотащить! А то он тут цену себе набивает — спасу нет.

В дежурной комнате в присутствии понятых капитан Серков обыскал набычившегося парня, выложил из его карманов на стол семь тысяч четыреста рублей, повернулся к Адамасову:

— И где ты их, таких богатых, откапываешь?

— На дороге валяются,— улыбнулся Петр Михайлович.— Только этого не кумовья командировали. Из морплавотряда он. А там на днях двое кассу ограбили. Пятнадцать тысяч хапнули. Одного уже взяли. А вот и второй. Успел из своей доли всего сто рублей истратить.

Серков позвонил дежурному горотдела:

— Приезжайте. Здесь у нас второй из морплавотряда сидит. Деньги? Почти все в целости и сохранности.

Дежурство в тот «уловный» день подходило к концу. Петр Михайлович спустился к камерам хранения. Мимо проковылял мужчина средних лет: он только что получил тяжеленный чемодан и сейчас едва тащил его, багровея от натуги.

«Гири, что ли, у него там?» — подумал Адамасов, не выпуская мужчину из виду.

Тот остановился возле такси, в котором кроме шофера сидели двое. Постучал в дверку и, оставив чемодан у машины, снова отправился к камере хранения.

Вскоре рядом с такси оказались три огромных одинаковых чемодана. Мужчина стоял около них, вытирал платком взмокшую шею, озирался по сторонам. Он высматривал милиционера, с которым столкнулся там, у камеры хранения. Облегченно вздохнул: «Кажется, отвязался...»

Таксист начал укладывать чемоданы в багажник. Сидевшие в машине вели наблюдение за подходящими к «Волге». И все-таки проглядели Адамасова. Он совершенно неожиданно появился за спиной хозяина трех тяжелых чемоданов, покашлял многозначительно. Мужчина повернулся, и лицо его, только что разгоряченное нелегкой работой, побледнело.

— Что вам надо? — попытался крикнуть мужчина, но сорвался на петушиный крик.— Идите своей дорогой! Я — инженер. Вот, пожалуйста, мои документы...

— А чего же вы так перепугались? — спросил Петр Михайлович.

— Кстати, зачем вам мои документы? — опомнился вдруг инженер, когда его паспорт уже был в руках Адамасова.

— Вы же сами мне его с перепугу протянули,— пожал плечами Петр Михайлович.— Так, все верно... Сменный инженер, говорите? Работаете на автозаводе? Ясно. Прописаны в Тольятти. К нам — в гости или отдыхать?

— К родственникам приехал. Здесь, говорят, плохо с картошкой. Привез им три чемодана.

Адамасов вернул мужчине паспорт:

— Что ж, дело хорошее. С картошкой в Сочи действительно туговато. А что же родственники не встретили вас? Вы для них такой подарок везете, надрываетесь, а они...

— А я телеграмму не посылал. Люблю сваливаться как снег на голову,— повеселел мужчина, успокаиваясь.

— Далеко добираться-то? — как бы между прочим поинтересовался Адамасов.

— Не-ет,— ответил инженер,— на улицу Пролетарскую.

— Номер дома не забыли?

— Ну как можно,— рассмеялся инженер, направляясь к передней дверце «Волги»,— тринадцать! Чертова дюжина. Несчастливое число. Только я не суеверен.

Адамасов сделал шаг вперед, взял инженера за руку:

— Извините, но я вас должен огорчить. В Сочи, к сожалению, нет улицы Пролетарской. Так что же у вас в чемоданах? Попросите таксиста открыть багажник и вытащить чемоданы.

Инженер опять изменился в лице:

— Не надо открывать. Я думаю, мы с вами договоримся, товарищ милиционер. Честно признаюсь: там — тормозные колодки. Ерунда, конечно. Не верите — посмотрите...

С этими словами инженер угодливо достал чемоданы, открыл один из них.

— Придется вам пройти со мной в дежурную комнату. Я сам вожу машину и знаю, какой дефицит вот эта «ерунда».

Инженер забегал вокруг Адамасова:

— Знаешь, давай поговорим по душам. Вот тебе мой паспорт, вот семьдесят пять рублей. Это — залог. Видишь, в машине клиенты сидят? Продам им колодки, привезу тебе еще четвертную. Разве тебя сотня не устраивает?

— Берите два чемодана и пойдемте в отдел,— строго сказал Адамасов.— Третий я помогу вам донести. И запомните, совестью я не торгую. Поэтому и сплю спокойно. Мне кошмарные сны не снятся. А вам?

— Послушайте, я добавлю!

— Берите чемоданы!

В дежурной комнате уже собралась новая смена: сержанты Вячеслав Голубев, Виктор Кравченко и младший сержант Анатолий Рыбкин. Адамасов пропустил вперед инженера, поставил чемодан.

— Петя,— усмехнулся Вячеслав Голубев,— в чемоданах опять деньги?

— Почти...

Лицом к лицу

Круглый год, а с весны и до поздней осени особенно, сочинский железнодорожный вокзал бурлит людскими потоками. Тянет отпускников к себе город-курорт. Черным морем, зеленым строем кипарисов, пальм и чинар. Естественно, что столь бурные потоки приносят с собой и «накипь», которую Петру Михайловичу,

как и всем его товарищам по работе, приходится удалять. Вот и оказываются в дежурной комнате линейного отдела милиции станции Сочи решившие пожить с шиком любители легкой наживы.

Как-то милиционер с Сахалина, отдыхавший в городе, заглянул на минутку к сочинским коллегам, похвастался:

— Ловим неплохо. Троих за год арестовали...

Ответственный дежурный старший лейтенант Владимир Васильевич Назаренко не сдержал улыбку, кивнул на Адамасова:

— Ты вот на него посмотри. У него одного за год до тридцати задержаний...

— Не верю,— усомнился сахалинец.

Адамасов открыл записную книжку:

— Вот тут у меня записаны... Не за год, конечно, за одиннадцать календарных дней.

Гость с Сахалина прочитал вслух:

«1. Лихотин В. С., Шапов В. Г. В Риге совершили несколько краж из буфетов. Изъято 30 бутылок «бальзама», коньяка и ликера «Старый Таллин».

2. Церетели Ваган, Погутия А. А. Грабители.

3. Руденко В. О. и его сожительница. Совершили в Риге несколько квартирных краж.

4. Цепин А. С. Отбывал наказание на стройке. Бежал.

5. Печенкин. Бродяга.

6. Шадринцев. Вооружен ракетницей.

7. «Монтер»».

— А это что за птица? — спросил сахалинец, показав на последнюю строчку.

— Залетная,— улыбнулся Петр Михайлович,— навестил нас недавно...

Адамасова «бросили на прорыв» в Гагры.

Жара стояла неимоверная. Казалось, вот-вот расплавится асфальт на перроне и свесится с платформы черными сосульками. Пассажиры заняли все уголки, где было хотя бы подобие тени.

Вот эти многолюдные места Адамасов и решил обойти. Неожиданно возле двери кассового зала его кто-то тронул сзади за рукав. Обернулся. Перед ним стояла женщина с тремя малышами.

— Товарищ милиционер, помогите купить билеты на ростовский поезд. Невозможно к кассе подступиться. Оставить пострелов одних тоже не могу, боюсь:

сами знаете, какой это народ. А без очереди не пускают...

Женщина говорила без передышки, торопливо, будто боялась, что милиционер не дослушает ее, повернется и уйдет.

— Понял, понял, гражданочка,— успокоил ее Петр Михайлович.— Пойдемте к кассе.

Очередь напоминала раскаленную каменку в деревенской бане.

Петр Михайлович понимал, что подход к стоящим в очереди возможен только самый деликатный, поэтому сначала осведомился у кассира, хватит ли на всех мест в ростовском поезде, потом объявил на весь зал, что свободных мест больше, чем желающих приобрести билеты.

— Ну зачем же устраивать толчею? — спокойно спросил Адамасов и тут же шутливо добавил: — Я понимаю, пар костей не ломит. Но разберитесь, пожалуйста, по одному... Вот так. Ну а женщину с тремя карапузами, я думаю, надо пропустить вне очереди. Как считаете, поставим ее пятой по счету?

Большинство согласилось, некоторые промолчали. Петр Михайлович отсчитал пять человек, пригласил смутившуюся женщину:

— Вставайте вместе с пострелами, а то и впрямь разбегутся.

И тут почувствовал на себе чей-то пристальный, недобрый взгляд. Резко обернулся. Для мужчины, смотревшего исподлобья на Адамасова, это было настолько неожиданно, что он не успел даже потушить злость во взгляде.

— Вы что же,— обратился к нему Петр Михайлович,— недовольны тем, что женщину поставили вне очереди?

— Избави бог,— передернул плечами мужчина,— я детей уважаю.

— И на том спасибо,— сказал Адамасов и вышел на перрон.

«Странный тип,— подумал Петр Михайлович.— Почему он так одет? В шляпе, бобриковом пальто, в кирзовых сапогах... На улице жара... И этот взгляд... Как будто я ему поперек дороги встал... Что-то здесь не чисто. Надо понаблюдать...»

Из зала вышла женщина со своим шумным выводком, поблагодарила Адамасова, отправилась в камеру

хранения. Через несколько минут в дверях мелькнуло бобриковое пальто и тут же исчезло.

«Боится,— вслух заметил Адамасов.— Отчего же у него так нервишки шалят? Куда это он?»

На какой-то миг Адамасов потерял из виду бобриковое пальто. Потом оно неожиданно мелькнуло возле окна камеры хранения. Мужчина осторожно огляделся по сторонам, и, видимо убедившись, что за ним никто не следит, получил вещи: два больших чемодана и массивный рюкзак. Набросил рюкзак на спину и, с трудом подняв чемоданы, направился к перрону.

Адамасов вышел из-за густого кустарника и кратчайшим путем зашагал навстречу нервному незнакомцу. У торцовой стороны здания вокзала они столкнулись лицом к лицу. От неожиданности мужчина остолбенел, но тут же опомнился. Увидев, что он один на один с милиционером, выпустил чемоданы из рук, полез за пазуху. На какую-то долю секунды рука замерла под левым лацканом пальто. Адамасов зорко наблюдал за ней. Вымученной улыбкой мужчина попытался прикрыть растерянность:

— Знаете, увидел вас и... это же естественно... спохватился: где же, думаю, паспорт...

— А что же вы так испугались? — спросил Адамасов, стараясь говорить как можно спокойней.

— Как же, документ... Куда вот он запропастился,— суетился мужчина, обшаривая карманы брюк.— Даже в жар бросило... Вот он!

И мужчина протянул Адамасову паспорт. Тот взял документ, открыл. Правая рука незнакомца опять медленно поползла под пальто к нагрудному карману. Адамасов насторожился: «Лезет за оружием... Сейчас не решится ударить... Люди появились».

Вслух сказал:

— Извините, но я ничего не могу разобрать в вашем паспорте. Печати расплылись, записи — тоже. Пройдемте на минутку в дежурную комнату.

Петр Михайлович доложил о задержанном старшим лейтенантам Евтюшкину и Муравьеву:

— Петлял от меня не хуже зайца... Потом полез за оружием, да раздумал. Вместо него паспорт достал...

И тут молниеносным движением перехватил руку задержанного, потянувшуюся за пазуху:

— Стоп! Этот «документ» мы сами достанем.

В нагрудном кармане пальто оказался штык с деревянной ручкой. Потом, при обыске, нашли в чемоданах бланки различных организаций, путевые листы с печатями, один седой парик с белой бородкой, второй — рыжеволосый с такой же огненной бородкой, кисточки для грима, электропровода, изоляционную ленту, связистские «когти», фотоаппарат «лейку», кассеты и две коробки для стеклянных фотопластинок.

— Понимаете,— трещал без умолку обладатель париков и связистских «когтей»,— я — монтер... Выезжаю на линии... Вот почему так необычно одет для юга... Парики? Так... баловство... Маскирую недостатки своей внешности... Фотоаппарат? У кого в наше время нет фотоаппарата? Я — фотолюбитель.

— А для чего же вот эти огромные фотопластинки? Аппарат-то у вас пленочный! — прервал его Адамасов и поднял одну из коробок.— Ого! Почему это ее на одну сторону перетягивает? Да и вторая с таким же фокусом...

— У меня и для таких кассет есть фотоаппарат. А почему они с «фокусами», как вы изволили выразиться, то об этом надо спрашивать не меня. Фабричная упаковка.

— Разрешите, я взгляну на эти пластинки,— сказал Адамасов, доставая из кармана складной ножичек.

— Что вы! Что вы! — запротестовал монтер.— Вы же засветите их!

— Куплю такую же коробку,— успокоил Петр Михайлович,— сейчас же схожу и куплю, если... А что вы так побледнели, гражданин фотолюбитель? Я же не мину собираюсь вскрывать...

В коробках были упакованы пистолеты с патронами.

«Монтер» обреченно вздохнул и, глядя исподлобья на Адамасова, покачал головой:

— И откуда ты свалился на мою голову?

Назавтра, второго мая, Адамасов пришел на дежурство не в духе. Жена, Нина Сергеевна, с обидой упрекнула:

— Все люди отдыхают по праздникам. А у тебя — ни выходных, ни праздников. Вчера работал, сегодня работаешь и в День Победы опять тебя дома не будет. Так и семью забудешь.

Он не стал спорить. Только сказал:

— Служба, Нина, такая. Я же — солдат.

По перрону ходил сосредоточенный, хмурый. Проводил скорый поезд «Адлер — Киев», осмотрел весь свой участок. Подошел на первой платформе к молодым милиционерам Бегяну и Голубеву, сердито сказал:

— Сегодня ж праздник, ребята. Самое хлопотливое время для нас. А вы, я смотрю, давно уже не можете от места оторваться, лясы точите.

Зашел в курортный зал, побывал в кассовом, потом отправился в камеру хранения. И тут обратил внимание на парня с большой хозяйственной сумкой, шедшего навстречу из зала ожидания. Насторожило, что парень, заметив милиционера, спрятался за колонну, постоял с минуту, перебежал за другую колонну.

Петр Михайлович подошел к парню незаметно, с тыла. Тот выглядывал из-за колонны, потеряв милиционера из виду.

— Может, объясните, молодой человек,— обратился к нему Адамасов,— к чему эти короткие перебежки?

Парень, застигнутый врасплох, продолжал стоять спиной к Петру Михайловичу, видимо собираясь с мыслями. Наконец повернулся.

— Понимаю,— строго сказал Адамасов,— вы любите играть в прятки. Откуда прибыли?

— Из Днепропетровской области. Работал здесь по договору. Да вот пришла телеграмма. Вызывают, а с билетами трудно.

— Ну это мы уладим. Фамилия-то как?.. Антонян? Пойдемте со мной в дежурную. Я позвоню кассиру, чтобы он одно место оставил.

Задержанный оказался преступником, ограбившим почтовое отделение. В сумке были обнаружены деньги и пистолет.

Дежурный вызвал Бегяна и Голубева, поздравил при них Адамасова.

Бегян и Голубев удивились:

— Где ты взял его, Петр Михайлович?

Тот сухо отрезал:

— У вас на участке.

— У него на лбу не написано, что он преступник.

— Зато вот здесь написано,— Петр Михайлович показал на лежащие на столе ориентировки.— Мне пора на пост.

Тепло душевное

В комнату заглянула девочка, поманила Адамасова. Петр Михайлович вышел к ней на перрон.

— А-а, это ты, Люда. Ну как дела?

Девочка ласково улыбнулась, взяла Адамасова за руку, прижалась к ней щекой:

— Спасибо, дядя Петя. Меня хорошо накормили.

Он увидел ее утром, сжавшуюся в комочек на диване. С плеч свисал старенький пиджак. Под ним — выцветшее от долгой носки и стирки ситцевое платьишко. На голове — косынка, повязанная по-старушечьи. Она смотрела на Адамасова затравленным зверьком, на вопросы не отвечала.

Петр Михайлович сел с ней рядом, долго молчал, рассматривая осунувшееся лицо девочки, убрал под косынку упавшую прядь волос, потом спросил:

— Ты есть хочешь?

Она отозвалась тут же:

— Да, дядя. Я и вчера не ела и позавчера.

— Как тебя зовут?

— Люда. Люда Попова.

Адамасов взял ее за руку.

— Пойдем, Люда, в кафе. Там есть хорошая тетя, Евдокия Федоровна, повар. Она тебя накормит. А когда поешь, найдешь меня на вокзале или в дежурной комнате милиции. Если, конечно, захочешь что-нибудь рассказать о себе. Я же вижу, у тебя случилась беда.

Он оставил ее за столом склонившейся над тарелкой дымящегося борща. На прощание потрепал волосы, сказал, чтобы она обязательно разыскала его.

И вот она ведет его за руку к пустой скамейке, начинает сбивчивый рассказ:

— У меня нет отца и матери. Я жила у тети Ани, в Сухуми. Работала у нее дома: мыла полы, посуду, стирала. Несколько раз тетя Аня вместе с какой-то женщиной приносили домой бидоны с керосином. Однажды ночью они разбудили меня и повели куда-то. Возле большого дома остановились, сказали мне: карауль. Дверь дома подперли колом, облили стены керосином и подожгли.

Люда оттянула рукой косынку под подбородком, словно узел душил ее, перевела дыхание:

— Мы бежали в темноте, спотыкались, падали. Тетя Аня не выпускала мою руку, боялась, что я от-

стану, кричала как сумасшедшая: «Это ему за то, что не захотел со мной жить! Другую любить вздумал?! Пусть теперь любит!» Утром я узнала, что в том доме сгорели муж с женой. И я убежала...

— Люда,— серьезно спросил Адамасов,— а ты не придумала все это?

— Ну что вы, дядя Петя! — изумилась девочка.

История, рассказанная девочкой, показалась Петру Михайловичу невероятной. Тем более что за последнюю неделю-полторы не было сообщения о поджоге в Сухуми.

Свой рассказ Люда слово в слово повторила в дежурной комнате в присутствии капитана Шаповалова и старшего лейтенанта Назаренко.

Позвонили в Сухуми. Дежурный горотдела, услышав вопрос, заторопился:

— Да, да! Был поджог. Вторую неделю не можем концов найти. Выезжаем за девочкой. Спасибо!

Люда увидела улыбку Адамасова, смущенно призналась:

— Я думала, люди не бывают добрыми...

Потом, через два месяца, она с этих же слов начала свои показания на суде, куда вместе с Адамасовым была вызвана в качестве свидетеля. Судья, инвалид Великой Отечественной войны, прочувствованно сказал:

— Спасибо вам, Петр Михайлович, за то нерастраченное душевное тепло, которое помогло девочке поверить в человеческую доброту, поверить не где-нибудь, а именно в милиции.

Один на один

На Сочинском вокзале людно. Одни, хватив глоток студеной воды из перронного фонтанчика, снова садились где-нибудь под смолистым кипарисом или чинарой и томились в ожидании поезда. Другие, только что приехавшие на отдых, торопились с чемоданами, корзинами, саквояжами к автобусам, троллейбусам, донимая старшего сержанта своими расспросами. А он, милиционер Сочинского линейного отдела Северо-Кавказской железной дороги Петр Михайлович Адамасов, отвечал сегодня всем с необычной для него торопливостью, не спуская глаз с многоликой толпы

на перроне. Он искал опасного преступника, объявленного в розыск.

Третьи... Это были осмотрщики вагонов, кладовщики камер хранения, технички вокзала, проводники проходящих поездов и бригадиры, занятые работой люди... Они тоже искали убийцу.

Вот уж поистине, каждый видит свое и по-своему. Говорят, успех наблюдения, в конечном счете предопределяют внимательность и глубокое понимание важности задания. Так было и на этот раз.

Петр Михайлович Адамасов на инструктаже узнал о преступлении, совершенном неким Алексеевым в Москве, получил ориентировку и фотокарточку. Запомнил, как таблицу умножения, наказ: «Будьте особенно внимательны: преступник вооружен».

Смена Петра Михайловича уже подходила к концу, оставалось минут десять. Что может случиться за такое время? Да и мало ли в стране городов, куда вздумает податься преступник!

К станции подошел скорый поезд «Ленинград — Адлер». На перрон выплеснулся поток пассажиров, среди которых внимание Петра Михайловича сразу же привлек рослый парень в полосатой рубашке с закатанными рукавами, в брюках цвета хаки и белом кепи.

Предполагалось, что Алексеев будет одет в военную или железнодорожную форму. А этот — ни дать ни взять — курортник. Ну, одежду он мог и сменить. Надо подойти поближе, рассмотреть лицо. На всякий случай, чтобы не выдать себя, Адамасов снял фуражку, спрятал ее за спину. Вот он уже совсем близко от парня. Прикинул быстро: кажется, разыскиваемый. Все сходится. И глаза голубые, и волосы светлые. Вот только нос у этого без горбинки и на лице угрей нет. Хотя шея — в прыщах...

Толчея. Пассажиры то и дело отвлекают: «Товарищ милиционер, скажите, пожалуйста...» Он отвечает на ходу, не сводя глаз с полосатой рубашки. «Может, это наш, сочинский, откуда-то приехал? Но тогда почему он не спешит домой? Идет лениво, вразвалочку. У прибывших на отдых тоже не наблюдал никогда такой небрежной походки, они обычно торопятся». В чемодане, видимо, что-то тяжелое. Один угол перетягивает. У Алексеева оружие, патроны... Узнать бы фамилию. Как? Подойти и спросить? А вдруг он действительно Алексеев. Прыгнет с платформы, откроет

стрельбу. Кругом люди... Что же делать? Позвонить дежурному? Уйдет...»

Парень тем временем спустился с перрона в подземный переход. Петр Михайлович — следом, незаметно за колонной дослал патрон в патронник и для предосторожности поставил пистолет на предохранитель. Вдруг завяжется борьба, людей уйма. Объявили посадку на поезд «Адлер — Краснодар».

Адамасов ощупал взглядом крепкую фигуру парня, пытаясь угадать, нет ли у него оружия в карманах брюк или за поясом, под рубашкой. Кажется, нет. В левой руке — ничего, в правой — чемодан. Решил: «Буду заходить справа, чтобы не ударил чемоданом».

Незнакомец свернул в сторону камеры хранения, задумался. Значит, колеблется: сдавать или не сдавать поклажу. Стоит в пустом углу один. Самый подходящий момент брать его. И опять сомнение: «А что если я ошибся?.. Тогда принесу молодому человеку извинения. Сейчас главное — застать его врасплох». Адамасов тихо подошел сзади, схватил парня за руку поднял ее вверх. Резко спросил:

— Фамилия?

— Алексеев,— выпалил незнакомец.

В тот же миг пистолет уперся ему в бок. Левой рукой старший сержант продолжал держать преступника в неудобной для него позе.

— Документы есть?

— В чемодане. Достать?

— Не надо! Пройдемте в дежурную часть.

Алексеев, видно, начал приходить в себя. Исчезла с лица растерянность, и теперь снова, но уже не с фотокарточки, на Адамасова глянули злые глаза убийцы.

— Я в вашей дежурке ничего не забыл.

— И все-таки вам придется пройти туда вместе со мной.

Парень оценивающе оглядел Адамасова и пошел. Только бросил на ходу:

— Часом раньше, часом позже — не все ли равно.

...И вот он, Адамасов,— в Москве. В кабинете министра внутренних дел СССР генерала армии Н. А. Щелокова неторопливо вспоминает мельчайшие детали задержания преступника.

Говорят, скромность проверяется похвалой или критикой. Его хвалили. И не зря. А в глазах Петра Ми-

хайловича — недоумение. Он и не скрывал его, смущался, когда слышал в свой адрес слова «подвиг», «мужество», «храбрость», поправлял журналистов:

— Ну, не совсем так. Я — солдат. Принимал присягу. Значит, не мог поступить по-другому.

Его спросили:

— Вы знали, что выходите один на один с матерым вооруженным преступником, что он выше вас, моложе, может, даже сильнее физически. Боялись?

Он искренне признался:

— Конечно, остерегался. Ему ничего не стоило открыть стрельбу, а ведь кругом люди. Потому я и брал его в пустом углу, когда он задумался — сдавать или не сдавать чемодан в камеру хранения.

— Вы действовали умно, профессионально грамотно, мужественно,— сказал Николай Анисимович Щелоков.— И поэтому убийца был арестован через три дня с момента совершения им преступления. Это говорит о высоком уровне работы нашей милиции в целом. Благодарю вас, Петр Михайлович, за отличную службу.

Адамасов ответил:

— Служу Советскому Союзу!

Домой Петр Михайлович возвращался уже младшим лейтенантом милиции. В гостинице на прощание показал корреспондентам именные часы, подаренные ему министром, долго смотрел на дарственную надпись и сказал:

— Неловко как-то. Я же не радугу отковал.

БОРИС СЕЛЕННОВ

Старший инспектор

— Привет, Юра!

Высокий светловолосый летчик с портфелем, видно в полет собравшийся, помахав рукой, прошел мимо.

— Юр, дежуришь или пришел проветриться? — окликнула знакомая стюардесса.

Никишкин шел по светлому холлу аэропорта Внуково, отвечая на приветствия многочисленных знакомых, с легким удовольствием от того, что в этой аэропортовской суете он свой человек, что все ему тут знакомо и известно. Стройная фигурка стюардессы давно уже растворилась в толпе, а Юрий все еще не мог отделаться от смущения, знакомого каждому, чья маленькая тайна вдруг становится известной всем. Он-то был совершенно уверен, что его появления здесь в выходные дни воспринимались всеми как служебная необходимость.

В первый раз это произошло в один из выходных, когда все дела были переделаны и Люба с дочерьми смотрели по телевизору очередную серию какого-то длинного телефильма. Ему вдруг так нестерпимо захотелось окунуться опять в аэропортовскую суету, услышать рев двигателей, что он, коротко бросив: «Скоро вернусь!», чуть ли не бегом устремился в сторону аэропорта. Благо ходьбы от дома до аэропорта минут двадцать.

...Самолеты взлетали. Самолеты садились. Голос знакомого диктора объявлял

номера готовящихся к вылету рейсов. Автобусы развозили пассажиров к местам посадок. Вспыхивали электрические табло. Черные ленты транспортеров увозили чемоданы и сумки в багажные отделения. И Юрий вдруг поразился той четкости, слаженности, с которой работали все звенья огромного хозяйства. И очень ясно почувствовал свою причастность к этому сложному процессу, свою ответственность за то, чтобы весь отлаженный механизм трудился без срывов и перебоев. Взгляд уперся в плакат «Летайте самолетами Аэрофлота! Быстро, удобно, надежно!». Значит, и его работа — одно из слагаемых этого удобства, этой надежности.

— Сынок, как до Сокольников добраться?

Никишкин останавливается, прикладывает руку к козырьку. Перед ним пожилая женщина в черном потертом плисовом жакете, в натруженных руках туго набитые сумки, лицо в крупной сетке преждевременных морщин, а в светло-голубых выцветших глазах застыло выражение покорности и печали.

— Давайте-ка сюда ваши сумки,— говорит Никишкин и ведет ее через людные залы к автобусной остановке, по пути объясняя, как доехать до метро, где сделать пересадку. Автобуса пока нет. Они стоят рядом. И женщина вдруг голосом, готовым сорваться в плач, начинает рассказывать про непутевого Кольку, который уж год как в Москве, а прислал матери лишь два письма, из которых не понять, хорошо ему тут или плохо. Болит за него сердце: не связался ли с плохой компанией, не случилось ли с ним какой беды...

Подкатывает сверкающий «Икарус», Никишкин усаживает женщину, просит водителя присмотреть за ней и высадить где нужно, смотрит вслед до тех пор, пока автобус, помигав ему на прощание желтым глазом, не скрывается за поворотом. Потом возвращается в здание аэропорта. И долго не гаснет в нем беспокойство, возникшее от прикосновения к чужой судьбе, от почти мимолетного знакомства с женщиной, раскрывшей ему свою душу.

...Юрий неторопливо, вроде прогуливаясь, идет в толпе пассажиров, бессознательно отмечает: вот, например, командированный — плащ через руку, средних размеров плотный портфель, уверенность в движениях. Этот в аэропорту как у себя дома. А вот этот со сдвинутой на затылок шляпой, растерянно озираю-

щийся по сторонам, здесь явно редкий гость. Сейчас непременно о чем-нибудь спросит. Так и есть. Мужчина, заметив милиционера, кидается к нему, как к спасителю:

— Товарищ старший лейтенант, где здесь у вас камера хранения?

...Почему-то пассажиры уверены, что работник милиции должен знать все. На какие только вопросы не приходилось отвечать Юрию за время своей службы во внуковском отряде Управления милиции на Аэрофлоте! В первое время даже во сне он не знал покоя от бесконечных: как проехать? найти? купить? закомпостировать? Вздрагивал, просыпался, думая с тоской, что завтра все начнется сначала. А теперь освоился и привык. Ведь в конце концов, это даже его святая обязанность: прийти на помощь... Старший инспектор заметил давно: люди, в общем-то спокойные дома, на работе, в аэропорту заметно меняются. «Как дети, ейбогу!» — не раз думал Юрий, наблюдая, как пожилые, степенные женщины, мужчины пытались чуть ли не штурмом брать трап самолета. Отчего это? Оттого, что подавляющее большинство вырывается из привычного уклада жизни в дальнюю дорогу не чаще одного-двух раз в год и новая, непривычная обстановка, возможные трудности пути заранее нервируют людей?

— Товарищи, не волнуйтесь! Все вы сегодня улетите. Погода летная. Смотрите, какое небо чистое! — Юрий говорит спокойно, улыбается. И многие действительно смотрят на небо, щурясь от яркого солнца, потом на старшего лейтенанта и тоже начинают неуверенно улыбаться. Меднолицый мужчина пропускает вперед молодую женщину с ребенком на руках. Пассажиры степенно, один за другим, выходят к автобусу, который отвезет их к трапу самолета.

— Здравствуй, Юрий!

— Привет, Игорь. Как успехи?

— Ничего. Привыкаю помаленьку...

— Не горюй. Пойдет дело.

— Стараюсь...

Игорь Картавенко недавно перешел из уголовного розыска в группу БХСС и теперь находится в том не очень приятном положении, когда опытному работнику приходится чувствовать себя новичком. И сам он, старший лейтенант милиции Никишкин, долго и болезненно переживал процесс акклиматизации во Внуков-

ском аэропорту, когда его неожиданно перевели сюда из Тимирязевского района Москвы.

Удивительно все-таки устроен человек...

Многих трудов, например, стоило Виктору Сергеевичу Пахомову, родному дяде Юрия, работавшему в 26 отделении милиции, уговорить племянника связать свою жизнь с органами внутренних дел. Трудно привыкал Юрий к милицейской форме. Порой казалось, что не хватит терпения, придется возвращаться к старому, хорошо знакомому делу — профессии слесаря-инструментальщика. Но привык в конце концов. Да так, что, когда переводили во внуковский отдел, всерьез предполагал, что не сможет без старого места службы, без «своей», как говорят в милиции, земли.

В понятие «своя земля» участковые инспекторы вкладывают особый смысл, он становится понятен лишь тогда, когда истопчешь, мотаясь по участку, не одну пару сапог, когда будешь знать не только то, что произошло в твоем микрорайоне сегодня, но и что может произойти завтра, когда люди, живущие на твоем участке, поверят в тебя, а ты в них, когда их боли и радости ты будешь воспринимать как свои собственные.

Участок Никишкину достался тогда трудный. В числе «горячих» точек и кинотеатр «Комсомолец», и гостиницы, и две железнодорожные станции, не говоря уже о тысячах живущих в микрорайоне людей с их неизбежными конфликтами, семейными драмами, со всеми большими и маленькими, но всегда важными делами, заполняющими до краев рабочий день участкового инспектора. Впрочем, день — не совсем точно. И утро тоже. И вечер. И глубокую полночь, когда сон бежит прочь, а в свинцовую от усталости голову стучатся дела, дела, дела...

Как-то вечером в отделении милиции он задержался позже обычного. К утру нужно было сдать начальнику срочную справку. Работа не клеилась. Наполовину исписанные листы бумаги один за другим летели в корзину. Никишкин пытался сосредоточиться, но тщетно. Мысли разбегались в разные стороны, перед глазами мелькал калейдоскоп увиденных за день лиц, ноги гудели от накрученных по участку километров.

— Так тебе, парень, ног не хватит...— услышал он чей-то голос, поднял голову. В дверях стоял пожилой белоголовый капитан милиции, которого все в отделе-

нии звали просто дядей Мишей. Никишкин и не заметил, как тот вошел в комнату.

— Ног, говорю, тебе не хватит,— повторил дядя Миша, усаживаясь у стола, доставая из кармана пачку «Примы».— С утра до ночи, смотрю, бегаешь, бегаешь...

Дядя Миша улыбнулся. А Никишкин уткнулся в свою бумагу, сердито насупился: не спится старому, вот и бродит, пристает с разговорами, от дела отрывает.

— Ты погоди с писаниной-то, успеется,— дядя Миша покатал в толстых коричневых пальцах зашуршавшую сухим табаком сигарету, чиркнул спичкой, глубоко затянулся, выпустил дым к потолку.— Закури, поговорим малость. Потом и писанина легче пойдет.

Дядя Миша протянул Никишкину пачку сигарет.

— Ты вот, небось, думаешь сейчас про себя: не спится старому, вот он и колобродит, липнет как банный лист со своими разговорами. Говорит о делах, а сам от дела отрывает. Так ведь думаешь, а?..

И дядя Миша, чуть подавшись вперед, посмотрел Никишкину в глаза.

— Вижу, что так...— дядя Миша удовлетворенно откинул свое большое сильное тело на скрипнувшую жалобно спинку стула, улыбнулся.— Ну да ничего. Потом еще, может, спасибо старику скажешь. Меня когда-то тоже учили уму-разуму, наставляли на путь истинный. Хорошие учителя у меня были...

Он взглянул на Никишкина и, заметив интерес в его глазах, спросил:

— Хочешь расскажу?

Юрий кивнул.

— Слушай. Я тогда еще вроде тебя молодым был. А он уже комиссар, Пушкин-то, заместитель начальника милиции города. Приедет на пост ко мне, на площадь, доложишь ему: такой-то постовой на месте. Он: «А ну покажи, чем ты тут занимаешься, какие дела, какие недостатки?» Он же комиссар, а я простой милиционер: «Ну пойдемте, товарищ комиссар, покажу». И идем с ним. Он тебе подскажет, куда почаще смотреть, на что внимание обращать. И даже сам участие принимал в задержании.

Трудно, конечно, было. Ох трудно. Разруха в стране. Надо заводы восстанавливать, промышленность...

Сельское хозяйство поднимать. А сколько банд было! И притонов, и заведений. Тут и нищие, и бродяги, и карманники. А людей у нас маловато. Техники нет. Два велосипеда да одна машина, и то она — хр-хр — и встала. Много было всякого, много... И тонул, и горел. Сколько раз дежурный посылает: сходи, разберись, в чем там дело? Встаешь. Ночь-полночь, дождь не дождь. Надо идти. И все на нервах, все на нервах. Бывало, придешь домой, щей нальет жена, а ложка в руке так и ходит — того гляди, расплеснешь...

Дядя Миша закурил опять, закашлялся, переводя дыхание, помолчал...

— Сейчас уже не то. Не то. Многое искоренили совсем.— И вдруг без всяких предисловий строго сказал Никишкину: — Плохо ты, парень, работаешь.

— Почему? — оторопело спросил Юрий.

— А потому, что все сам норовишь сделать. Все — сам, сам! А сам всего не сделаешь. Особенно в нашем, милицейском, деле. Тут обязательно сообща надо. Со всем народом. Тогда горы можно свернуть. В людях твоя опора, понял?..

Дядя Миша поднялся во весь свой огромный рост, протянул широкую ладонь:

— Держи весло. В общем так. Давай-ка завтра походим по участку вместе.

— Товарищ старший лейтенант, здравствуйте!

К Никишкину, раскинув, как для объятия, руки, спешил лысоватый мужчина с черной бородкой, в очках с золотыми дужками.

— Здравствуйте, здравствуйте, дорогой мой! Как ваше здоровье, семья, дети? — сыпал бородач скороговоркой.— А вы совсем не изменились. Нисколько! Я вас сразу узнал. Представляете? Сразу. А я опять домой лечу.

Во время всей этой скороговорки Юрий мучительно соображал, где он встречался с этим человеком. Его облик, жестикуляция, манера говорить были очень знакомы...

— Э, да вы меня совсем не узнаете,— сыпал словами незнакомец,— ну, конечно, конечно, виной всему моя борода. В прошлом году отпустил. Все мои домашние были против. Встретили в штыки! Знаете, пришлось выдержать настоящую осаду. Но все-таки

выдержал. По-моему, я с бородой несколько моложе, не так ли?

— Конечно, Вадим Александрович,— ответил Никишкин. Он все вспомнил. У собеседника округлились глаза.

— Ну знаете,— сказал он чуть обиженно,— у меня память! Я ее все-таки тренировал. Мне, знаете, в моем деле без хорошей памяти делать нечего. Но вы!..

Никишкин усмехнулся:

— В моем деле тоже, Вадим Александрович, память нужна.

— Нет-нет, только, ради бога, не обижайтесь. Прошу вас! Знаете, это я ведь себя ругаю. Я ведь не помню, как вас зовут. Не помню, как зовут моего спасителя. Я не преувеличиваю — именно спасителя. И это меня огорчает. Очень! Как же я мог забыть?

— Вы были тогда немного взволнованы,— мягко сказал Никишкин. И собеседник смутился. Потом, заглядывая в глаза старшему инспектору, виновато проговорил:

— Я тогда малость того... Погорячился. Знаете, все-таки результаты анализов, пятилетняя работа — и вдруг все как кошке под хвост. Погорячился, погорячился. Вы уж не держите на меня зла.

— Кто старое помянет — глаз вон. Так ведь, Вадим Александрович?

...Юрий проводил ученого к выходу на поле. И стоял у металлической загородки до тех пор, пока тот не скрылся в черном овале распахнутой двери воздушного лайнера.

— Знакомого встретил? — улыбнулась ему дежурная по порту.

— Проводил...

Первая их встреча была куда менее сердечной.

...Третьи сутки аэропорт был закрыт. Отяжелевшие от влаги облака, казалось, задевали антенны и крыши аэропортовских зданий. Дикторы уставшими голосами объявляли номера отложенных по метеоусловиям рейсов. Гостиницы были переполнены. Люди спали на диванах в залах ожидания, в коридорах, всюду, где только можно было найти свободное место. У справочного бюро круглые сутки гудела, как потревоженный улей, толпа раздраженных людей, получавших один и тот же ответ: о посадке будет объявлено дополнительно. Но и дополнительные объявления не приносили на-

дежды. Напряжение нарастало. И вот в такую трудную для всех работающих в аэропорту минуту в дежурную комнату милиции влетел круглый человек в очках с золотыми дужками и сразу будто заполнил собой все имеющееся свободное пространство.

— Вы тут сидите! — закричал он еще с порога.— А у меня портфель украли! Все мои документы! Да черт с ними, документами, черт и с портфелем. Но там были результаты анализов! Пятилетняя работа всей моей лаборатории! Вы это себе представляете? Нет, вы не представляете! Иначе бы не сидели тут, а ловили бы преступников, которые крадут ценнейшие научные данные!..

Больших трудов стоило немного успокоить потерпевшего и узнать подробности.

Вадим Александрович, как он позже представился, оказался наблюдательным человеком с отличной памятью. Он достаточно четко обрисовал как свой портфель, так и внешность подозреваемого человека. Из его темпераментного рассказа, то и дело прерывающегося восклицаниями: «Такой с виду интеллигентный человек — и такой мерзавец!», выяснилось, что Вадим Александрович, руководитель лаборатории одного из сибирских научно-исследовательских институтов, вылетал домой в самом радужном настроении. Оснований для приподнятого состояния духа было предостаточно. Министерство одобрило результаты пятилетней работы руководимого им коллектива. И приятное настроение руководителя лаборатории не смогла испортить даже нелетная погода.

К вечеру, когда, изрядно утомившись, он тщетно искал хоть какое-нибудь местечко, где можно было бы сесть и с наслаждением вытянуть гудящие ноги, ему неожиданно уступил кресло симпатичный молодой человек.

— Присядьте,— обратился он к Вадиму Александровичу,— а я пока пойду глотну свежего воздуха. Такая духотища здесь!..

Вадим Александрович с чувством поблагодарил молодого человека.

Через четверть часа тот вернулся. И между ними завязалось быстрое и легкое знакомство, к которому так располагает предстоящая дальняя дорога. И когда после самой дружеской и довольно длительной беседы об отвратительной погоде, о самолетах, о завтрашних

делах и заботах и, конечно, о его блестящей творческой победе Вадиму Александровичу самому захотелось проветриться и, если повезет, немного перекусить, его новый знакомый охотно согласился присмотреть за портфелем.

Вадим Александрович с удовольствием постоял на свежем воздухе, выкурил сигарету, потом направился к буфету, но возникшая вдруг тревога заставила его вернуться к своему месту. В кресле вместо симпатичного молодого человека сидел небритый мужчина. Портфеля не было. Вадим Александрович кинулся к нему с расспросами, но тот с таким испугом посмотрел на него, что у руководителя лаборатории оборвалось сердце. Со всей быстротой, на какую только был способен, он ринулся в милицию.

...Были срочно блокированы все выходы, предупреждены соседние отделения милиции, работники отдела тщательно исследовали все укромные места переполненного людьми здания аэропорта. Никишкин вышел на улицу. На стоянке такси извивался длинный хвост очереди. Молодой человек с туго набитым портфелем открывал дверцу подъехавшей машины. Юрий в несколько прыжков пересек шоссе:

— Одну минуточку!

Парень обернулся. И по тому, как мгновенно посерело его лицо, старший инспектор уголовного розыска понял, что нашел именно того, кого искал...

Он неторопливо идет по светлому залу аэропорта среди совсем незнакомых ему людей. Им, этим вечно спешащим, поглощенным своими делами людям, до него нет никакого дела. Они его даже и не замечают. Значит, все в порядке. Служба идет без происшествий...

Как быстро летит время. Прошло десять лет, а кажется, лишь вчера возил его по участку дядя Миша, учил мудрости милицейского дела.

Самым большим потрясением для Юрия было то, что седого капитана знали в микрорайоне все — от мала до велика. С ним то и дело раскланивались встречные, подходили, чтобы пожать руку, спросить о здоровье.

— Тут самое главное,— учил он Юрия,— чтоб полный контакт с людьми был. А контакт этот будет

только тогда, когда увидят и поймут все, что твоя служба для них самих, для их покоя и отдыха, что цели у тебя с ними одинаковые. Надо по-простому, по-человечески расспросить, о чем болит у него душа, о чем он тужит. Когда по-простому, человек тебе все выложит, ничего не утаит. Но доверие оправдывать нужно. Если пообещал помочь — ночь не спи, две, умри, но помоги. Только так наш милицейский авторитет крепнет. А авторитет штука такая: завоевать трудно, а растерять в один день можно. Поэтому строгость к себе нужна, строгость во всем: от поведения до ботинок, до мундира, до фуражки. Чтобы все честь по чести. Форму нашу не ты первый одел, не ты последний. И если замараешь ее — на всей милиции пятно будет.

...Милый дядя Миша! Как пригодились потом твои мудрые уроки. Как часто вспоминаю тебя добрым словом. Жаль только, не успел сказать спасибо. А сейчас уже поздно...

— Чей ребенок, граждане? Кто родители? — раздались голоса в конце зала. На заливистый детский плач, громкие крики высокой, ярко одетой женщины со всех сторон спешили люди. Юрий ускорил шаг. Когда подошел, вокруг плачущего мальчика уже собралась плотная, возмущенно гудящая толпа.

— Им о детях-то думать некогда! Как это можно? Уйти, оставить одного! Родители! Горе, а не родители. Им еще самим подрасти надо, а они детей спешат заводить!

Голоса всех регистров звучали одновременно. А мальчик плакал. Никишкин решительно протиснулся сквозь людскую стену. Шагнул к ребенку. Присел на корточки.

— Тебя как зовут?

— Вася...— ответил тот всхлипывая.

— А фамилия?

— Попов...

— А мама тебе что сказала?

— Посиди тут, я сейчас... И ушла. Я посидел-посидел и пошел ее искать. И заблудился!..— Мальчик опять залился слезами.

— Слушай меня, Вася Попов, и не плачь. Сейчас мы твою маму позовем по радио,— Юрий заговорщи-

чески подмигнул мальчику,— она нас услышит и сразу придет. Только не плачь, договорились?

— Ага...

— Ну вот и хорошо. А реветь — последнее дело. Это только девчонки ревут. Да и то не все. Вот у меня дочка есть. Леной зовут. Тебе, кстати, сколько лет?

— Пять...

— И ей тоже пять. Даже если упадет, никогда не плачет. Так она девочка все же, а ты мужчина. Ты когда-нибудь видел, чтобы мужчины плакали?

— Не видел.

— Значит, и тебе тоже нельзя. Ты же, я вижу, сильный. Физкультурой, наверное, занимаешься?

— Ага. Мы с папкой дома всегда утром зарядку вместе делаем.

— Молодец, молодец. Дай-ка я твои мускулы потрогаю.

Юрий дотронулся до худенького плеча мальчика. Тот с усилием согнул в локте руку.

— Ого! — воскликнул Никишкин.— Силен, брат. Да тебя с такими мускулами, когда подрастешь, могут даже в космонавты принять. А захочешь, в милиционеры. Куда сам-то думаешь?

— В космонавты,— мальчик неуверенно посмотрел на Никишкина.

— В космонавты так в космонавты,— рассудил Юрий,— а теперь пойдем маму по радио звать.

Стоящие вокруг люди, улыбаясь, расступились перед ними.

Когда Юрий с мальчиком выходили из галереи в следующий зал, старший инспектор, видимо в силу многолетней профессиональной привычки, боковым зрением успел заметить, как сидевший у окна загорелый мужчина в сером костюме резко загородил лицо развернутой газетой. Почти дойдя до конца зала, Юрий резко обернулся. Из-за чуть опущенной газеты за ним следил настороженный взгляд. Мальчик потянул Юрия за руку:

— Уже пришли? А где радио?

— Нет-нет, еще немножко осталось. Сейчас придем.

Пошли дальше, старший инспектор почти физически ощущал на себе тяжелый, налитый враждебностью взгляд. У самых дверей он обернулся еще раз. Мужчина поспешно закрыл лицо газетой. Глубоко в

груди напрягся, натянулся, безошибочно предупреждая об опасности, нерв. Все его движения приобрели собранность, четкость. Мускулы напружинились. Это чувство готовности к бою, знакомое Юрию с тех давних пор, когда приходилось выходить на заводской ринг, за годы работы в милиции обострилось.

Предупредить дежурного он уже не успеет. Оставалось надеяться на помощь курсирующих по залам аэропорта нарядов милиции. А больше всего — на себя. Но был еще мальчик. Оставлять его здесь нельзя. До комнаты матери и ребенка метров пятьдесят. Но дверь туда за углом, и Никишкин на какие-то считанные мгновения терял мужчину из поля зрения. Если он за это время исчезнет, значит, преступник, решил твердо Юрий. Сумеет ли он его потом отыскать, об этом старший инспектор пока не думал.

Они быстро вошли в комнату матери и ребенка. Дежурная встревоженно взглянула на Юрия:

— Что случилось?

— Попросите передать по всему аэропорту: потерялся Вася Попов, пяти лет. Я сейчас вернусь.

Юрий почти бегом вернулся в зал. Мужчины на месте уже не было. Навстречу ему неторопливо шли два сержанта милиции — наряд по аэропорту. Голос диктора объявлял посадку на очередной рейс. Никишкин коротко, точно обрисовал приметы еще минуту назад сидевшего в зале мужчины, попросил одного из парней срочно сообщить обо всем в дежурную часть, а другому занять место у выхода на посадку, тщательно просматривая всех пассажиров. Если приметы совпадут, пассажира нужно задержать до его, Никишкина, возвращения.

Опыт подсказывал, что действовать необходимо стремительно и точно. Требовался продуманно составленный план поиска. Он сидел в зале ожидания, размышлял на ходу старший инспектор, внимательно вглядывался в лица встречных, значит, дожидался вылета своего самолета. Видимо, нездешний, если судить по загару. В Москве в это время таких коричневых мало. Вопрос: покинет ли он аэропорт, заметив интерес к себе работника милиции, или попытается отсидеться в каком-нибудь укромном местечке, чтобы, услышав вызов на посадку, смешаться с толпой пассажиров и улететь. Через несколько минут, предупрежденные дежурным, сотрудники отдела подключат-

ся к поиску, а пока нужно просмотреть все автобусные остановки, стоянки такси и частных машин.

Обход, или, вернее, обег площади ничего не дал. Мужчина в сером костюме как сквозь землю провалился. Уехать, думал лихорадочно Никишкин, за такое короткое время не мог. Значит, где-то здесь. Но где? Оставалось надеяться, что скованный нехваткой времени преступник должен совершить какую-то ошибку и тем самым обязательно себя выдать. Выйдя за коробку автобусной станции в молодой, бьющий в глаза яркой зеленью июньский лесок, Никишкин наткнулся на брошенный в кусты знакомый серый пиджак. В карманах ничего не было. Приглушенный расстоянием голос диктора объявлял посадку на сочинский рейс. Все ясно. Никишкин бегом пересек площадь.

С «загорелым» он почти столкнулся у самого выхода на посадку. Энергично работая широкими плечами, он уверенно пробирался вперед. Выждав мгновение, когда народу вокруг стало поменьше, Юрий негромко окликнул мужчину:

— Не вы пиджачок потеряли?

«Загорелый» обернулся, резко присев, как для прыжка. Правая рука мгновенно скользнула в карман брюк.

— Руки! — жестко бросил Никишкин, хлопнув ладонью по кобуре. С другой стороны к задержанному подходили два сержанта...

Диктор встревоженным голосом объявлял по всему аэропорту, что потерялся мальчик, Вася Попов, пяти лет...

Хочу лишь добавить, что за это задержание объявленного во всесоюзный розыск опасного преступника руководство Управления милиции на Аэрофлоте наградило Юрия Никишкина именными часами, а за выполнение важного задания старший лейтенант милиции Юрий Васильевич Никишкин был награжден боевым орденом — орденом Красного Знамени. О работе сотрудников милиции иногда говорят как о «незримом фронте». И потому что, как на любом фронте, здесь существуют свои секреты и тайны, я не могу рассказать об этом очень памятном эпизоде его жизни.

ВАЛЕНТИН ЕМЕЛЬЯНОВ

Петрович из Обшаровки

Маленькая станция Обшаровка. Редкий поезд останавливается здесь. Районный центр далеко, участковый бывает только наездами. Потому-то и приходится со всеми делами и на станции, и в пристанционном поселке управляться милиционеру одиночного поста — старшине милиции Михаилу Петровичу Зыбанову: «Помогай в беде, Петрович! Разбирайся, товарищ начальник...»

«Товарищ начальник»... Он хорошо помнит, кто назвал его так в первый раз.

...Разбудили его на рассвете. Несколько человек барабанили в окно, торопили: «Скорее, скорее». Из короткого сбивчивого рассказа понял: трое неизвестных переполошили спавших в зале ожидания людей, согнали с лавок, избили тех, кто начал протестовать.

На станции у выхода толпились пассажиры, плакали дети, немного поодаль Зыбков увидел запряженных в повозку лошадей.

«Не их ли повозка? — подумал старшина.— С вечера ее не было». И, решительно открыв дверь, шагнул вперед.

В крохотном зале ожидания на скамье стояли бутылки из-под водки, на газете разложена закуска. Трое незнакомых Зыбанову мужчин, пировавших вокруг самодельного стола, поднялись навстречу.

— Ну вот, сам «начальник милиции» пожаловал,— с издевкой произнес один и сплюнул в сторону.— Надо же, из-за пустяка беспокоят человека! И нам отдохнуть мешают.

Второй — высокий, плотный, с бородкой, похожей на истертую метелку,— уже стоял перед Зыбановым. Мгновение — и старшина увидел у подбородка лезвие финки.

— И что это тебе не спится, начальник? — прошипел бородатый.

Холодные капли пота выступили на лбу. Он попытался отойти назад, но бандит шел вплотную, продолжая покручивать финкой, сипло хохотнул:

— А, испугался, начальник? Жизнь-то дорога!

«Спокойно,— приказал себе Зыбанов,— только не сорваться»,— и, растягивая слова, сказал:

— Погоди гоготать. Что это вы здесь ночью пир устроили. Людям покою не даете. Насорили вон как! — И, будто показывая на валявшиеся на полу обрывки газеты, поднял руку. В следующую секунду он ловким приемом сбил мужчину с ног. Еще секунда — и пистолет выдернут из кобуры, наставлен на упавшего. Дружки метнулись к двери. Бородач, поднявшись по команде Зыбанова, медленно шел к выходу, но вдруг рванулся вперед — и скрылся... Затарахтела повозка. Над головой замешкавшегося милиционера просвистел топор...

И хоть молод был тогда Зыбанов и неопытен, смекнул быстро, куда бежать за помощью: еще вчера недалеко от станции остановились солдаты с машиной. С их помощью преступники были задержаны. И с того самого времени он стал своим для жителей Обшаровки.

Август. Нещадно палит солнце. Под тяжестью зерен склонились к земле тугие колосья пшеницы. Гудят на хлебной ниве моторы комбайнов. Уборка урожая в разгаре.

У Зыбанова свои заботы. Получил он задание от следователя: установить очевидцев ограбления Нади Ивановой в электропоезде.

Подъезжая к Обшаровке, девушка вышла в тамбур, встала у дверей. В глубине курил парень. Чуть позже появились еще двое мужчин. Покурили, вернулись в вагон. И тут парень неожиданно рванул из ее рук сумочку, метнулся в соседний вагон — и как в воду ка-

нул. У следователя, правда, есть подозреваемый. Надя вроде бы опознала его, но не твердо. А тот все отрицает. Очень нужны те двое мужчин, которые могли видеть его в тамбуре. Но кто они, где их разыскать? Надя запомнила одного: среднего роста, загорелое лицо. На голове кепка, сдвинутая назад. На кепке жирные пятна. Говорил что-то о бригаде.

Вспоминал Зыбанов, кто ходит в такой вот кепке. Всю ночь ворочался, просыпался — вот-вот, кажется, вспомнит. Вышел из дому, закурил, присел на скамью. Тихо, темно, только мерцают над головой звезды. Под их неверным светом поблескивают невдалеке узкие полоски рельсов. А там, за ними, в нескольких километрах, россыпь огней: катит свои волны Волга, и ночью плывут по ней суда.

Здесь, на скамейке, и вспомнил Зыбанов, кто из окрестных жителей носит на затылке кепку, заляпанную жирными пятнами мазута,— Артем Макарьев из тракторной бригады Климашина.

...К полевому стану бригады Зыбанов подъехал, когда там обедали.

— Ну, в самое время. День добрый! Приятного аппетита! — поздоровался старшина.

В ответ сразу раздалось несколько голосов:

— А, Петрович! Присаживайся к столу! Забота привела? Или проведать нас захотелось?

— И то и другое,— ответил Зыбанов, садясь за стол. Отыскал глазами Артема Макарьева и неторопливо начал рассказывать: — На днях девчонку одну в электричке обидели, сумочку отняли. Вора задержали, а доказать причастность к преступлению не можем. Все отрицает, говорит, что и в электричке-то вовсе не ехал в тот день. А может, и вправду не он. Между тем кто-то из обшаровских видел и преступника и девушку: двое мужчин покурить выходили в тамбур. А вот кто — не знаем...

Рассказывает, а сам внимательно всматривается в лица трактористов, наблюдает, что же Артем. Но тот виду не подает.

«Может, и не он вовсе,— заколебался Зыбанов.— Может, он и кепку ту давно не носит?»

Михаил Петрович, вздохнув, принимается за уху и продолжает:

— Жаль девушку, первую получку матери везла, радовалась, а здесь вон что вышло.

Трактористы некоторое время молчат.

— Постой, постой, Петрович, говоришь, двое наших было? — переспрашивает вдруг Артем Макарьев.— Так то же мы, наверное, с Егором Кувшиновым ехали. Точно, выходили курить в тамбур.— Он поднимается и, взяв со скамьи кепку, надевает ее, спереди один козырек торчит — непонятно, как она у него держится.— Знали бы, что такое сотворит парень с девчушкой, да мы бы... Парня-то я разглядел. Пиши, Петрович! Если к следователю придется ехать, готов хоть сейчас. Пора, правда, горячая, да тут ребята за меня поработают.— И, помолчав, спросил: — А как же ты все-таки нашел меня?

— Да что же тут удивительного? Такая кепка, как у тебя, пожалуй, на всю округу одна!

...Сколько времени прошло с первого серьезного задержания? Около четверти века. Сегодня на участке Зыбанова нет ни одного нераскрытого преступления, да и случаются они все реже.

Как-то ночью в пригородном поезде, на подходе к станции Майтуга, трое неизвестных отобрали у двух пассажиров вещи и скрылись.

Время позднее. Все пассажирские поезда и электрички уже прошли, а от Безенчука до Майтуги семь километров. По шпалам не побежишь! Значит, выручай, товарищ дежурный по станции, свяжись с диспетчером Куйбышевского отделения дороги, проси тихий ход грузовому поезду — подсяду.

И пошла по телефонным проводам тревожная весть: «Совершено преступление...»

Через несколько минут Зыбанов уже сидел в кабине электровоза и всматривался в даль. Самый короткий путь здесь, в глубинке,— железная дорога. Все остальное много длиннее. Значит, пойдут по шпалам.

...До станции Майтуга оставалось не более двух километров, когда Зыбанов и машинист увидели шедших навстречу поезду людей. Те сошли с железнодорожного полотна, и Михаил Петрович при свете огней тепловоза успел рассмотреть, что их трое. Особенно хорошо запомнился первый — с чемоданом, в светлом плаще. Другой ниже ростом, плотный, на голове кепка типа малайки. Третий... Третий нес большой рюкзак. Все это Зыбанов отметил на всякий случай.

А когда в Майтуге встретился с потерпевшими, выяснил, что светлый плащ, и рюкзак, и малайка — все это приметы грабителей. Значит, они спешили в Безенчук. Там удобнее скрыться. Где перехватить их? Легче всего на переезде...

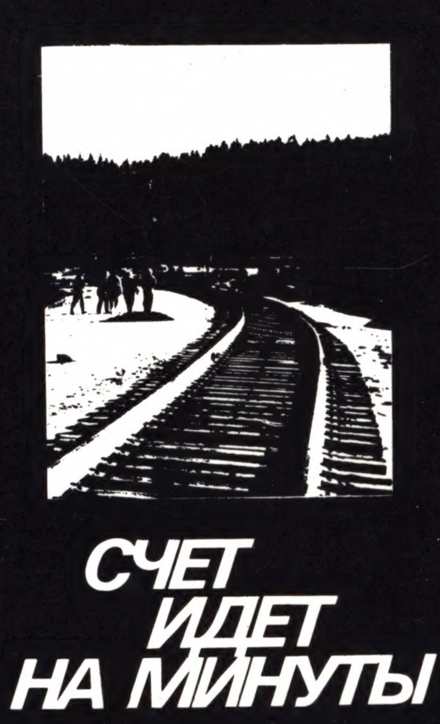
Связался с Безенчукским РОВД, предложил план операции. План одобрили, несколько минут спустя вместе с потерпевшими подсел в проходившую электричку. К переезду старшина Зыбанов успел вовремя, успел вместе с сотрудниками Безенчукского райотдела задержать преступников.

А на дороге снова говорят о старшине милиции Михаиле Петровиче Зыбанове. «Везет!» — качают головами одни. «Умеет!» — говорят другие.

Содержание

45 коп.

ПОЛИТИЗДАТ

СЧЕТ ИДЕТ НА МИНУТЫ